

Часть 3

Золотая печать

ГЛАВА 1.	1	
ГЛАВА 2.	8	
ГЛАВА 3.	13	
ГЛАВА 4.	16	
ГЛАВА 5.	22	
ГЛАВА 6.	26	
ГЛАВА 7.	31	
ГЛАВА 8.	43	
ГЛАВА 9.	49	
Глава 10.....		52
ГЛАВА 11.	55	
ГЛАВА 12.	63	
ГЛАВА 13.	69	
ГЛАВА 14.	78	
Глава 15.....		81
ГЛАВА 16.	87	
ГЛАВА 17.	93	
ГЛАВ 18.	98	
ГЛАВА 19.	108	
ГЛАВА 20.	122	
ГЛАВА 21.	128	
ГЛАВА 22.	134	
НОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ.....		134
1. Таврские времена.....		134
2. Тавроскифы.....		137
3. Ханские времена.....		140
4. Конец XVIII века.....		141
ГЛАВА 23.	144	
ГЛАВА 24.	157	
КОНЕЦ.....		159

Глава 1.

«...Он сжился со своим купе в этом поезде, скором поезде, с этим купе без радио, с пустым вырезом на том месте задвигающихся дверей, где положено быть зеркалу. Вагон был далеко не новый, и когда состав набирал большую скорость, болезненно стenal, присоединяя мелодию своих скрипов к ансамблю множества звуков, главным из которых был задающий темп подскок колес на стыках рельсов.

Пассажиры приходили и уходили, с необычной, как ему казалось, поспешностью, переночевав одну или две ночи в уютном, несмотря на не укомплектованность, купе. Только однажды юная пара провела на верхней полке целых три дня, занимаясь непрестанно любовью. Он отметил их неумелость в деле, которым они, тем не менее, занимались с полной отдачей духовных и физических сил, и он очень беспокоился, не появится ли в купе какой-нибудь новый пассажир из числа тех, кто сует нос не в свои дела и всегда недоволен окружающими, особенно молодежью. Но обошлось.

Менялись проводники.

Изредка проходил по коридору железнодорожный контролер, заглядывал в соседние купе, смотрел билеты. Но каждый раз при подходе к его открытой двери проводник что-то шептал на ухо проверяющего, и оба проходили мимо. Заглянул однажды таможенник, грубо спросил:

- Чего перевозите?

И, не став дожидаться ответа, помчался дальше по длинной ковровой дорожке.

Однажды он заметил, что воды в реках, над которыми проносился поезд, вроде как бы изменили свой цвет. Он присмотрелся и убедился, что это действительно так. Теперь всматриваясь в течение долинных рек, он проглядывал их до самого дна, порой даже различал серебристые стайки рыб. Потом он обратил внимание на то, что исчез мусор, обычно густо валяющийся вдоль полотна дороги, - куда-то подевались все эти полиэтиленовые пакеты и пластиковые бутылки, которые взгляд уже перестал отмечать, как не отмечает он куст бузины или заросль крапивы. Конечно, у него появились пугающие догадки, но он счел их слишком фантастическими, да и колеса вагона продолжали ведь исправно крутиться, подпрыгивая, как им полагается, на стыках.

В его купе давно уже не входили новые пассажиры, и это обстоятельство стало дополнительным основанием для тревоги, и однажды он, опустив окно в коридоре, выглянул наружу. Состав как раз шел на разворот, и он увидел локомотив, с огромной скоростью набегающий на блистающие перед ним стальные рельсы, и цепь вагонов, тянувшихся за ним. Он с усмешкой спросил себя, когда же это появились на планете железные дороги? «Знать не так далеко удалился я от нашего времени, - иронизировал он, - и поезду не грозит опасность столкновения с каким-нибудь представителем рода динозавров».

Однако он явно пытался себя обмануть и успокоить, ибо игнорировать некоторые обстоятельства уже становилось невозможным. И он вынужден был признать, что дело обстоит именно так, а не иначе.

Нельзя сказать, что поезд часто останавливался, но такое случалось. И когда вместо голоса по вокзальному радио он впервые услышал внезапный звон старого перронного колокола, все сомнения отпали. Мысль о том, что можно взять сумку и сойти у него появлялась, он даже продумал последствия такого поступка, но совершить его не решался по вполне понятным причинам. И чем дальше, тем бессмысленнее казалась ему идея покинуть поезд, тем более непредсказуемыми представлялись последствия подобного решения.

Ясными безоблачными вечерами по быстро остывающим полянам стлался туман, и воздушные струи, создаваемые стремительно мчащимися вагонами, формировали из белого тумана подвижно-податливые призрачные фигуры кому-то грозящие, от кого-то убегающие. В пасмурные вечера воздух сохранял тепло и после захода солнца, тогда пассажир открывал окно в коридоре, и в пространстве вагона свежело и пахло лугами. Была еще одна странность: дни летели за днями, группируясь в недели и в месяцы, а за окнами вагона все не кончалось лето.

Сегодня он видел на крутом повороте полотна дымящий паровоз, а спустя некоторое время поезд трогался с места без характерного отката назад, и он догадывался, что

впереди эшелона вновь поставлен мощный тепловоз. А спустя несколько дней его опять настораживали толчки сдвигающегося с места состава.

По всем этим признакам он сделал неопровержимый вывод, что поезд петляет не только в пространстве, но и во времени – может быть собирает назначенных пассажиров.

Он иногда прогуливался по ковровой дорожке, протянутой перед дверьми, преднамеренно прислушиваясь к тому, что происходит у соседей. В соседних купе или царило молчание, или раздавался храп, или слышался разговор

- Продажная девка империализма кибернетика, - кипятился кто-то.

Пассажир спешно заходил в свое купе и плотно задвигал дверь. Он помнил те времена, и они ему были отвратительны.

- У канадцев лучший игрок Фил! - слышалось за дверьми, и он облегченно вздыхал.

- Экономика должна быть экономной, - услышал он однажды и усмехнулся: «Однако ты быстро тянешь, старый паровоз!».

.....
Батарейка в часах давно исчерпала свой ресурс, и время суток он определял только по свету за окном.

Люди на перронах тех станций, где на короткое время притормаживал состав, были какими-то одинаковыми, со стертыми лицами, все старались отвернуться, когда он, высунувшись в окно, хотел их разглядеть.

Питался он тем, что разносил молчаливый служитель поездного ресторана, который располагался, кажется, в соседнем вагоне. Но сам он не ходил в ресторан, не решался, особенно после того, как однажды заглянул в глаза служителя...»

На этой незаконченной фразе обрывалась рукопись.

Камилл растерянно вертел в руках исписанные с одной стороны плотные листки, потом, отложив их в сторону, быстро перебрал бумаги, среди которых их обнаружил. Он был разочарован, чувствовал себя обманутым, но обманутым неизвестно кем.

Камилл выудил эту диковинную рукопись из старого сундука, который стоял в углу чердачной комнаты старого дома. Его привезла на эту подмосковную дачу его подруга, выпросившая у деда разрешение провести здесь несколько дней. Утром она уехала на работу в Москву, Камилл же, которому некуда было спешить, хотел побродить по лесу, набрать, если повезет, ранних грибов. Внимательная подруга, покидая его до вечера, порекомендовала ему занять свой досуг чтением старых журналов, хранящихся в чердачном сундуке. На самом деле оказалось, что в одной половине сундука находились разрозненные тома собраний сочинений Тургенева, Гончарова и Максима Горького в скучного вида картонных переплетах (так издавали классиков в первые послевоенные годы), вторую же половину этого деревянного хранилища занимали, действительно, журналы, но вовсе не старые, как надеялся Камилл, а «Новый мир», «Знамя» и даже «Октябрь» последнего десятилетия, что, впрочем, тоже представляло некоторый интерес. Под стопками этих журналов обнаружился бювар с потертой темно-вишневого цвета обложкой из гладкого, без тиснения, дерматина. В бюваре лежала стопка больших, сложенных вчетверо, листов пожелтевшей бумаги, между которыми Камилл заметил три листа плотного эластичного ватмана, исписанного твердым красивым почерком. Любопытство его привлекли именно этот четкий красивый почерк и густые фиолетовые чернила, использованные неведомым автором рукописи, - на густоту чернил указывал золотистый отблеск по краям букв.

Теперь Камилл с нетерпением ждал возвращения жизнерадостной своей подруги. Лейла была дочерью отца-мусульманина и матери-еврейки, а потому по нормам государства Израиль считалась потенциальной гражданкой этой страны. Вопрос с некондиционным отцом удалось, кажется, разрешить, визу обещали выдать, и теперь отъезд семьи из Советского Союза был вопросом нескольких месяцев.

- Скажи только слово, и я останусь! – восклицала Лейла, на что Камилл с очень грустным видом отвечал, что не может в сложившейся ситуации брать на себя ответственность за ее судьбу.

Неунывающая Лейла говорила, что как только она получит гражданство иностранной державы, она приедет в Москву и зарегистрирует брак с Камиллом, после чего их вместе выпустят за пределы «железного занавеса». Против такой отдаленной перспективы Камилл возражений не имел, а у Лейлы хватало ума не развивать дальше эту тему...

Но вот стукнула связанная из жердей калитка – Лейла улыбаясь шла по тропинке. Затосковавшему в одиночестве Камиллу захотелось выбежать ей навстречу, но он сдержался – будущее было чревато расставанием и нельзя было раскручивать чувства. Он вышел в сени только тогда, когда туда вошла Лейла, и послышался стук брошенных на пол сумок – девушка спешила обнять возлюбленного.

Разговор о рукописи он начал, когда Лейла уже разделявала купленную тушку утки, а сам он разогревал на газовой плитке масло под картошку. Как он и подозревал, внучка хозяина дачи понятия не имела о темно-вишневом бюваре и тем более ничего не ведала о хранившемся в нем таинственном манускрипте.

- Это, конечно, ты сам написал! – воскликнула она, когда Камилл почти дословно пересказал ей текст рукописи. – Ты у меня талант! Как интересно! А что будет дальше?

Камилл принес из комнаты бювар и продемонстрировал исписанные необычным почерком листы удивленной девушке.

- Конечно, я выпрошу у деда продолжение, если оно у него есть, - Лейла взяла в руки не скрепленные между собой листы и изумленно рассматривала их. Камилл почему-то был уверен, что и дедушка Лейлы ничего не знает о странной рукописи.

Во время ужина разговор шел исключительно о загадочном повествовании, о том, что же таинственный путешественник мог увидеть в глазах мистического служителя. Но потом тема поднадоела, и молодые люди нашли себе другие развлечения.

На следующий день, вновь оставшись один, Камилл дважды внимательно перечитал короткий текст. Не все было понятно в чисто историческом смысле. С кибернетикой, разумеется, все ясно. Однако что за Фил в канадской команде и что за лозунг «экономика должна быть экономной»? Ну, Фил, допустим, где-то в «свободном мире» играет в футбол или в хоккей, и какой-нибудь весь из себя журналист-международник мог рассказывать слушавшим его с раскрытым ртом случайным спутникам по купе о прелестях заграничной жизни. Однако смешной экономический тезис, явно узнаваемый таинственным пассажиром и заставивший его усмехнуться, не существовал, насколько мог судить Камилл, никогда, и, во всяком случае, - совершенно точно! - на обширной территории Советского Союза. И потом еще какие-то пластиковые бутылки вдоль дороги...

Камилл еще некоторое время прокручивал в голове эти несоответствия.

- Черт возьми! - раздраженно воскликнул он, наконец, и, бросив рукопись на кушетку, вышел во двор.

- Чертовщина какая-то, - громко вымолвил он. – К черту!

И сам не заметил, как в течение одной минуты троекратно помянул нечистого.

Ой, нельзя этого делать! Нечистый так и подстерегает нас повсюду и всегда!

Надо сказать, что к рукописи и к ее появлению в руках Камилла обитатели Злой Ямы и прилегающих сфер Преисподней никакого отношения не имели. Однако нечистая сила рада присоседиться к любому неординарному событию и приписать себе все, чем-либо выдающееся. Не должен человек даже в состоянии душевного смятения терять бдительность и забывать, что Дьявол подбирается к нему и справа, и слева, и сверху, и снизу. Ну и, конечно, сзади и спереди.

Изыди, нечистая сила!

Что мешало Камиллу отнестись к рукописи и ее тексту просто как к литературному опыту неизвестного человека, может самого хозяина дачи или кого-то из его знакомых, как к началу некоего фантастического рассказа? Причиной тому была сама рукопись, написанная, как уже было сказано странно-красивым почерком, и, главное, написана она была не на ватмане, как вначале показалось Камиллу, а на тонком пергаменте – на тонко выделанной коже. Кто будет для пробы пера использовать столь экзотический материал? И чернила были необыкновенные...

Сильно заинтригованный, но недовольный тем, что сама рукопись и ее содержание не укладываются в систему разумных связей, Камилл зашел в дом, поднялся на чердак и положил бювар с рукописью на дно сундука под стопки книг. Затем переоделся и с плетеной корзиной в руках отправился на грибную охоту...

Июль месяц был жарким, как ему по настоящему и полагается быть. В один из знойных дней Камилл проводил время на расположенном неподалеку от его дома озере. По соседству с ним расположился худощавый загорелый парень лет тридцати, который обратил на себя внимание Камилла удачной язвительной репликой по адресу компании самоуверенных мужчин и громкоголосых дамочек, загнавших две свои «Волги» на самый пляж и сейчас шумно пирующих рядом с машинами. Разговорились, затронули вопросы о жарком лете и об отключенной горячей воде, потом вместе пошли окунуться.

Камилл обтер тело и сел на серый песок, глядя на расположившийся за озером старинный монастырь. Загорелый лег на расстеленное полотенце, подложив под голову сумку и, казалось, задремал.

- Безработный? - вдруг послышался его голос.

Камилл не понял – то ли прозвучал вопрос, то ли утверждение.

- Что? – он обернулся к лежащему, и встретил его острый взгляд.

- Вы, говорю, безработный? – переспросил незнакомец, четко выговаривая слова.

Последовала небольшая пауза.

- Да, - Камилл был несколько озадачен. – Любопытно узнать, как это вы догадались?

- В разгар рабочего дня молодой интеллигентного вида мужчина с невеселыми глазами проводит время на берегу озера – разве это не внушает определенные подозрения? – и длинное лицо мужчины расплылось в улыбке.

- В общем да, - хмыкнул Камилл и в свою очередь проявил проницательность. – Но чтобы оказаться таким догадливым надо, пожалуй, и самому быть в той же ситуации, не так ли?

- Возможен и другой вариант: ваш догадливый собеседник – агент органов, обязанный все примечать. А? Возможно такое? Но не беспокойтесь, - мужчина рассмеялся, - в данном случае верен первый вариант.

- И со вторыми вариантами приходилось встречаться, - произнес Камилл. - Ко мне в квартиру недавно ввалился «работник газовой сети», который сначала, вроде бы не зная, где находится кухня, завернул в комнату, все оглядел.

- Методы у них просты и не разнообразны, - заметил его собеседник и протянул руку: - Леонид.

Камилл тоже представился.

- Кандидат, доктор? – осведомился Леонид.

- Доктор. - Камилл лег на коврик, подставив солнцу спину.

- Безработному доктору сложнее, чем кандидату, а кандидату сложнее, чем неостепененному, - сказал Леонид, - Меня турнули с должности старшего преподавателя из Института электронного машиностроения, кандидатская была на выходе.

- Шансы защититься есть? – спросил Камилл, сразу проникнувшись сочувствием к молодому коллеге.

- Не, теперь физдец. Надо переквалифицироваться в управдомы. Студенты меня любили...

Леонид замолчал. Потом паузу прервал он же:

- Вы еврей?
- Нет, я крымский татарин.
- А-а, понятно.

Камилл поверил, что его продвинутому собеседнику действительно понятно.

- Нам, не-евреям, трудней. У них есть возможность свалить из страны и на новом месте продолжить свою работу.

- У меня приятель еврей, математик, два года безработный, - произнес Камилл. - Печатается за бугром и никуда уезжать не хочет,

- Математику достаточно листа бумаги и карандаша. И я знаю таких счастливиц - Леонид вздохнул. - А мне нужно лабораторное оборудование. И вы экспериментатор?

- Да, я тоже не могу делать свою работу за письменным столом. Кстати, у того математика большие проблемы по части доказательства, что он не бездельник, не «тунеядец», как это сейчас называется.

- Вы еще не шарахаетесь от мужчин, уверенно шагающих на работу с портфелем в руках, не торопитесь уступить им дорогу? - спросил, помолчав, бывший старший преподаватель.

- Нет, - ответил Камилл, но солгал. Не хотелось признаваться в недавно возникшем у него такого рода комплексе.

- Значит, у вас все впереди, - заметил его все знающий собеседник. - Скоро будете смотреть на не потерявших работу и получающих зарплату людей как на высших существ, это неизбежно. В нашем сплоченном коллективе тунеядцев есть дипломированные психологи, которые анализируют возникающие у советских безработных комплексы. Я, кстати, уже прошел через эту стадию, я материально обеспечен и нашел новое интеллектуальное занятие.

Камилл, обративший внимание на интонацию своего собеседника, помянувшего об отношении к нему студентов, засомневался в том, что тот уже обрел душевное спокойствие.

- А какие у вас отношения с милицией? - спросил Леонид.

- Я устроился в клубе трикотажной фабрики художником, раз в два дня пишу на двух досках название кинофильмов, - ответил Камилл. - Так что я при деле.

- Интеллигентная работа! - одобрительно произнес Леонид. - Но как вас приняли на такую службу с вашей трудовой книжкой?

- А я без трудовой книжки устроился, - отвечал Камилл.

- О-о! Тогда это вас не защитит от обвинения в тунеядстве! - сокрушенно заметил Леонид.

- Знаю, но все же... К тому же и деньги нужны.

- Да, конечно. А то вступайте в наш «профсоюз безработных», у нас тоже одни интеллектуалы. В соответствии с темпераментом и с личными наклонностями можно выбирать между должностью рабочего в бойлерной и обязанностями ночного сторожа или вахтера в материально не отягощенных учреждениях, в театрах, например. Для претендентов на должности установлен образовательный ценз - не ниже кандидата наук, - Леонид хохотнул. - Меня, не остепененного, рекомендовал для работы в бойлерной бывший доцент нашей кафедры, его уволили до меня. И все равно мне пришлось представлять справку об успешно прошедшей апробацию диссертации.

- Что же такую формалистику завели в этом вашем подпольном профсоюзе? - нахмурился Камилл.

- Иначе нельзя, - строго сказал Леонид. - Количество рабочих мест ограничено, а безработных по Москве знаете сколько?

- Нет, но предполагаю, что несколько тысяч.

- Двадцать пять тысяч специалистов с высшим образованием! Квалифицированные рабочие, а также неквалифицированный люмпен не наш контингент, сведений о них не имеем!

- Ого! – воскликнул Камилл. – Ну, вообще-то Москва город большой, конечно!

- Да. Так как не остепененные инженеры могут все же где-то устроиться, то их трудоустройством наш «профсоюз» не занимается. Во главе организации стоят уволенные доктора наук, молодые волевые мужики, спортсмены. Жэковская братия их боится и вынуждена подчиняется.

- Чем же они их запугали? – удивился Камилл.

- А у нас есть юристы, и даже уволенные следователи прокуратуры есть - этих берут без ученой степени. Так что каждому строптивому работничку жилищно-коммунальной службы намекают, что грешки его хорошо известны, понимаете?

- Понимаю, - проговорил Камилл, не подозревавший о существовании в столице социалистического государства подобных структур.

- Курите? – спросил Леонид, доставая пачку «примы».

- Нет, - ответил Камилл, и спросил: - а тебя за что с работы вышибли?

Леонид затянулся сигаретой и, выпустив дым, ответил:

- Началось с Байкала. Да, с Байкала! Я подписал письмо с протестом против строительства известного целлюлозного комбината. Дальше подоспела Чехословакия, ну и пошло. На ученом совете выступавшие шавки заявили, что «такой человек не имеет права воспитывать нашу советскую молодежь». С этой формулировкой меня и прокатили. А вас?

- А меня, в сущности, за ту же Чехословакию, но отягощенную моим участием в национальном движении, хотя в последнее время я участвовал пассивно. В коллективе института распространили слух, что меня забаллотировали случайно, в результате «неконтролируемого механизма тайного голосования».

- А, ну да, доктор наук все же. Нарушения уголовного кодекса с вашей стороны не было, с учебно-воспитательным процессом не связаны. В этих случаях они явных обвинений не выдвигают. Ух, сволочи!

Когда Камилл собрался уходить Леонид спросил:

- Бумага и ручка есть? Я свой телефон тебе запишу.

Камилл развел руками. Тогда Леонид оторвал клочок от сигаретной пачки и на нем обгорелой спичкой нацарапал номер своего телефона.

Теперь у Камилла появилась возможность общаться с такими же изгнанными из добропорядочного советского общества людьми. В бойлерной большого богатого дома, где работал Леонид, была довольно чистая и просторная подсобная комната, где встречались и беседовали профессора-бойлерщики со всей округи, называя эту комнату «кухней изгоев».

Надо сказать, что Камилл не любил пресловутые московские «кухни», где вели горячие разговоры те, у кого только недавно раскрылись глаза на советскую действительность. «А где вы были и о чем вы думали, когда в середине сороковых годов в ссылку отправляли целые народы? Да, сейчас вы с горечью говорите об этом, но и сейчас это для вас нечто абстрактное, о живом человеке вы ничего не знаете. Когда я умирал от голода на пыльных дорогах Азии, вы посещали школы, участвовали в школьной самодеятельности, летом отдыхали в лагерях. Потом, когда власти препятствовали мне получить высшее образование, вы любили товарища Сталина, ругали империалистическое окружение, клялись в любви к родной коммунистической партии» - так думал Камилл.

Затем он спохватывался, ставил себя на место тех, кого не известно в чем упрекал, и понимал всю необоснованность своих претензий к этим людям. Но сердце его не могло оставаться спокойным, когда он слышал слова: «А мы, дураки, так верили...». Вы верили, а мы умирали, и расскажи вам тогда кто-нибудь о наших страданиях, вы его бы взяли под ручки и сдали бы «войскам энкаведе» как клеветника на советскую действительность.

Несколько высокомерное отношение Камилла к «благополучным советским гражданам» поумерилось, когда недавно появившийся на «кухне изгоев» высокий

худощавый мужчина лет сорока, всегда молчаливо смолящий одну сигарету за другой, оказавшись свидетелем спора профессора-еврея с доцентом-грузином об историческом призвании России, спор, в котором обе стороны, опасаясь обидеть «первых среди равных», старались не сказать лишнего, а потому были удручающе неискренни, перебил говорящих сильным низким голосом:

- В результате ускоренной деградации России за последние десятилетия мы получили новый тип человека. Этот человек одурманивает себя водкой, ленив, завистлив, вороват. И при том он упивается брехней о «высокой нравственности и вековой культуре» в стране, которая не может прокормить себя, а в подъездах срут почти все поголовно. Носителем какой мировой миссии может быть этот человек?

Все замерли, пораженные не столько произнесенными словами, сколько той горечью, с которой эти слова были произнесены.

После услышанного Камилл перестал считать себя эдаким обладателем невысказанной истины - такой жгучей горечи он не смог бы высказать при всем своем желании. Он, носитель не утихающей душевной боли, увидел человека, русского человека, боль которого была не меньше его собственной.

Высокий молчун оказался недолгим гостем, он еще пару раз появлялся на «кухне» и вскоре пропал.

Фрондирующая московская интеллигенция? Нет! Проснувшись и возмущенная действительностью московская интеллигенция, начавшая *умом* понимать свою родину!

- Ну, товарищи по несчастью, какие новости? – таким радостным возгласом каждый раз обозначал свой приход пятидесятилетний химик, изгнанный из одного из ведомственных институтов.

Никак не хотел согласиться с таким именованием завсегдатаев «кухни изгоев» молодой и темпераментный оператор бойлерной Гриша:

- Нет! – возражал он, доктор математики, между прочим. – Нет, мы товарищи по борьбе, а не товарищи по несчастью! Какое несчастье? Напротив, мы счастливы, тем, что страдаем за гражданскую честь!

Гриша, по молодости своих лет, не оставлял без ответа ничего из произносимого в бойлерной. Камиллу подумалось, что если бы Григорий слышал те высказанные недолгим гостем «кухни» горькие слова, он перестал бы реагировать на некоторые пустые реплики здешних говорунов.

Статьи по функциональному анализу, которые Григорий кропал по ночам во время своего дежурства в бойлерной, с удовольствием печатали зарубежные научные журналы.

Лейла уже вернулась с Кавказа, куда она поехала с родителями, желавшими попрощаться с местами, где когда-то познакомились. Был конец августа. Последняя прощальная встреча Камилла с уезжающей навсегда и в этот раз действительно грустной и уже не фантазирующей о будущем девушкой опять прошло на даче под Пушкино. Прохладным августовским утром, уже перед тем, как молодые люди собрались идти к электричке, Камилл поднялся на чердак. Осенняя паутина затянула угол, где стоял простой дощатый сундук. С некоторым трепетом – не исчезла ли темно-малиновая папка? – Камилл откинул тяжелую крышку и поискал под томами в картонных переплетах. Папка была на месте и рукопись на тонком пергаменте лежала в ней. У Камилла не было сомнений в том, что оставлять странную рукопись на даче нельзя, но он спросил свою подругу, может ли он взять себе эту папку с ее содержимым или она отнесет ее своему деду, который, как выяснилось, ничего о рукописи не знает и считает ее чьей-то шуткой.

- Конечно, заberi ее себе, это мой тебе прощальный подарок, - сказала Лейла и заплакала.

Глава 2.

Должность начальника экспедиционной базы в Старом Крыму это всего-навсего хозяйственная должность. Для занятия такой должности нет необходимости заканчивать университетов. Но положение Февзи, как уже упоминалось, было особенным: он был на полной ставке младшего научного сотрудника и на половинной ставке заведующего хозяйством. Младший научный сотрудник находился круглый год вроде бы как в экспедиции (с выплатой экспедиционных!), а завхоз, хоть и полставочный, отвечал за финансы и все такое прочее. И еще завхоз не забывал круглогодично обеспечивать продуктами за счет соответствующей статьи в расходной ведомости младшего научного сотрудника. Хорошо устроился научный сотрудник, хоть и младший! И даже некоторые изменения в структурах, в которые входила экспедиция, не повлияли на статус нашего Февзи.

В сезон полевых работ съезжались в старом Крыму коллеги Февзи и среди них друг Володя, который уже защитил докторскую диссертацию и оставался научным руководителем завхоза. Это было самое радостное время в жизни нашего крымского аборигена. О том, что Февзи крымский татарин, из всех сотрудников экспедиции знал только Володя. Два друга порой находили время, чтобы верхом на колхозных клячах посетить некоторые горные села Крыма, погрузиться над их запущенностью, посетовать на грязь и пьянство там, где прежде были ухоженные хозяйства – тысячелетнее наследие предков.

Власти, правда, пытались возродить виноградники, сады и огороды, но получалось пока только с виноградниками, и совсем плохо было с огородами, на которых переселенцы сажали в основном только картошку.

Однажды в конце сезона раскопок Февзи использовал часть своего отпуска для поездки к друзьям и знакомым, маявшим в Азии. Он помнил завет бабушки Мурата, который наставлял его найти своих односельчан и соединиться с ними. Конечно, возвращаться в края, куда он когда-то был сослан, он не собирался, но наладить связи с выжившими жителями родной деревни было нужно - если найдет кого-нибудь.

Прибыв самолетом в Ташкент отправился он в Голодную Степь, в Четвертое отделение совхоза, где были похоронены его мама и братишка, Мурат-эмдже и Мелиха-абла, и многие, многие другие. Ехал он от Ташкента на попутной машине в кабине рядом с неразговорчивым – и слава богу! – шофером. Шофер, сырдарьинский узбек, примерно знал, где надо сойти, чтобы попасть в Четвертое отделение – приходилось возить с тамошнего хирмана хлопок. Когда Февзи сошел на пыльную обочину шоссе, ему показалось, что он узнал тот поворот, у которого много лет тому назад он сидел на бетонном столбике, ожидая попутную машину. И он пошагал в своих городских туфлях по краю поля, на котором торчали уже обчищенные кусты хлопчатника. Шагнул он перпендикулярно дороге, надеясь, что подсознательная память выведет его к нужному месту.

Он узнал этот плоский холм возле нынче безводного русла широкого арыка, где высадили их в страшное лето сорок четвертого года. От глинобитного барака остались только две полуразрушенные стены и оплывший от дождей земляной помост, на котором один за другим умирали его односельчане. Участок поля, где находилось вечное пристанище детей Крыма, был полностью распахан, воду сюда теперь доносили приподнятые над землей на бетонных столбиках бетонные же водоводы. Февзи помнил, как главной заботой Мурата-эмдже при погребении своих земляков было рытье глубоких могил, ибо старый татарин знал, что возникшее на окраине совхоза кладбище не сохранится уже до следующего лета, и он делал все, чтобы останки заброшенных жестокой судьбой в чужие края сынов и дочерей Крыма остались не потревоженными. Февзи с сухими глазами прочел молитву на месте погребения матери, полежал допоздна

на жухлой траве, вспоминая страшное лето и зиму, потом отправился на центральную усадьбу.

Он шел по той же дороге, по которой прошел однажды после похорон Мурата-эмдже в уверенности, что вся жизнь у него впереди, что он найдет свое место под солнцем. И уже в сумерках пришел он туда, где был когда-то мальчиком на побегушках, откуда тайно бежал более пятнадцати лет назад. Время было позднее, ему бы прийти сюда днем, когда в конторе были люди, чтобы увидеться с "парторг-ака", чьей добротой он был спасен, увидеть бы других людей, которые, может быть, еще помнили шустрого и сообразительного мальчишку.

Однако даже если бы он пришел сюда днем, он не встретил бы в совхозной конторе никого из старых знакомых, ибо руководящая работа в хозяйствах такого (да и всякого другого!) рода - это ходьба по тонкому льду. Кто удержится от превращения находящегося под его надзором товара в шелестящие купюры, кто откажется от предлагаемой мзды, кто не протянет грешную руку к тому, что лежит рядом? Да и зачем удерживать себя, если для того и пробивался, где сметая с пути соперников, где унижаясь в подлой лести, пробивался к хоть сколько-нибудь руководящей должности, шел по головам, по судьбам других людей! Но только один из тысячи покидает поле боя, чтобы на время воздвигнуть свой шатер на более высоком холме! Другие же, если здоровье позволило прожить на поле жестокой сечи хотя бы десяток лет, низвергаются в пучину – в темницу, тюрьму, каталажку. Любой хозяйственный работник в этой стране может – и по всей справедливости! - быть караем по дюжине статей уголовного кодекса. Кто видел в суровых российских просторах тракториста, дожившего до пенсии? – умирают, бедолаги, от водки. Кто видел в Азии председателя или главного бухгалтера колхоза, директора или какого-нибудь другого совхозного руководителя, кто с честью ушел бы на заслуженный отдых, миновав суд и конфискацию имущества? – на их место приходят другие, еще не обогатившиеся. Но, будьте уверены, конфискации подвергается лишь то, что для этого случая и лежит на виду. Иначе, какой толк в этой рискованной игре? Цель жизни каждого настоящего мужчины - материально обеспечить чада свои.

И "парторг-ака" не избежал этой, приготовленной для большинства, участи, и, не желая путем непомерно большого выкупа остаться на свободе, обездолив тем самым свою семью, погиб где-то на Колыме.

Пошел Февзи к хижине, где проживал когда-то Бекир, брат тетушки Мафузе, но хижины той уже не было. Несколько озадаченный, - а чего он еще мог ожидать? - Февзи пошел опять к конторскому домику, где он мог бы переночевать хотя бы и на полу в сенях. Вдруг его окликнули от калитки, открывшейся в низком глиняном заборе. То был старичок, которого после появления в поселке шустрого Февзи отстранили от должности сторожа при конторе. Старичок выглядел совсем дряхлым, но, видно, зрение у него было получше, чем у иных молодых, если в сумерках сумел он разглядеть и опознать в рослом молодом мужчине того самого татарского мальчишку, из-за которого была когда-то прервана его карьера при совхозной конторе. Уж как обрадовался милейший старикан этой встрече, о том и рассказать нельзя, тем более что не каждый эту радость поймет. Он, после шумного изъявления своего ликования, сразу же, правильно оценив обстановку, затащил вовсе и не сопротивлявшегося Февзи к себе в дом, где велел своим внукам и внучкам принять гостя по высшему разряду.

Наутро наш ленинградец зашел в дома нескольких оставшихся здесь крымскотатарских семей, но никто не знал, проживают ли где-нибудь в округе уроженцы деревни Юкары. Февзи оставил землякам свой ленинградский адрес, по которому те должны были сообщить ему сведения об обнаруженных ими юкаринцах.

И еще узнал Февзи, что его подружка Тоджи вышла уже несколько лет назад замуж и куда-то уехала. Почему-то ему стало немного грустно.

В тот же день Февзи отправился в Чирчик. До большого поселка по названию Сырдарья он ехал на отправлявшейся туда совхозной машине, вспоминая о своей первой

поездке по этому же маршруту. Всю дорогу до Сырдарьи Февзи думал о том, каким бы подарком удивить доброго старика. О том спросил он шофера машины, и шофер ответил, что нынче в их деревеньке мода на небольшие насосы, которые помогают поднимать воду из колодцев или из других низко расположенных водоемов. Февзи купил в сельмаге такой насос и велел завезти его к старичку-узбеку. В том, что шофер исполнит его просьбу, сомнений быть не могло.

Пять дней прожил он в домике тетушки Мафузе. Старший ее сын Энвер уже женился и работал на строительстве новой плотины в горах, и там же получил квартиру. На автобусе, по утрам отвозившем на стройку проживающих в Чирчике рабочих, ленинградского гостя повез на высокогорную плотину младший сын тетушки, и в один из дней с утра все они отправились на пикник в Бричмуллу, курортный поселок. Февзи очень хотел забраться в горы подальше, туда, где и в конце азиатского лета в ущельях лежал снег, но на такую экспедицию не оставалось времени – в Чирчике его каждый вечер ждали на чебуреки те, кого он знал с давних ученических лет, еще до ареста.

Вернулся Февзи в Крым, на родину, а там ни одного родного человека...

...Февзи вдруг обнаружил у себя музыкальные способности. С тех далеких и уже казавшихся неправдоподобных лет, когда Февзи жил в своей деревне, он смутно помнил две-три мелодии, и только лишь колыбельную, которую мама пела ему, а потом младшему братику, он помнил дословно. Однако в годы пребывания в лагерях он уж насытил свою душу народными песнями и плясками! Дело в том, что крымские татары, которых в лагере было около двухсот человек, тратили свои заработанные на строительстве деньги не только на водку, пить которую было в традиции советских концентрационных лагерей смягченного режима, но и на другие, более осмысленные цели. Татары приобрели полный комплект музыкальных инструментов, и созданный ими фольклорный ансамбль дал бы сто очков вперед любому государственному ансамблю довоенного Крыма! А почему? А потому, что в том лагере среди заключенных оказались лучшие артисты и музыканты Крыма, как и лучшие ученые и литераторы. Не зря сказано, что на воле - условия жизни, а в ГУЛАГе - общество. Было еще и другое обстоятельство, которое способствовало необычайному совершенству музыкального ансамбля крымских татар в неволе - здесь жизнь была упорядочена, после работы у зеков никаких обязанностей не было, в лагерьной столовой их ждала готовая еда, музыканты и артисты были освобождены от ежедневных забот о семье и от баталий за свое место в обществе. Так что служение искусству не приносилось в жертву борьбе за существование. Все душевные силы шли на творчество, на исполнительский кураж - и только! И в этих условиях Февзи как губка воду впитывал в себя народный говор, народные песни, мудрые беседы старших были его тюремными университетами.

И вот теперь, имея в зимние месяцы почти неограниченный досуг, Февзи как-то по случаю приобрел некий странный инструмент - духовую трубу с клавиатурой. В лагере аккордеонист Абхаир разрешал парню брать в руки свой «Хохнер» и объяснил кое-что о клавиатуре, об октавах. Но тогда Февзи так и не научился прилично играть на инструменте. Теперь, в Старом Крыму, он сам пытался подбирать хорошо знакомые национальные мелодии на «духовом аккордеоне» и у него стало получаться. По тоскливым зимним вечерам в хижине его звучали мелодии, запавшие ему в душу в годы заключения, когда он был окружен своими земляками, относившимися к нему особо по-доброму, как к самому младшему из крымских татар, сидевших в этом лагере. Чаше всего любил он наигрывать грустную, пришедшую из неизъяснимой древности мелодию, которую нынче называли «Эски Вариядж»:

Слушал горькие жалобы февзиевой трубы часто коротавший вечера вместе с ним робкий мужик с густыми поседелыми, будто осыпанными пылью, волосами по имени Сашка, который нанялся летом сезонным рабочим, да так и остался, беспаспортный, при

экспедиции по доброй воле Февзи. Присутствовал при этих наигрышах и приходивший пешком из Судака старый виноградарь Константин Федорович, однажды случайно познакомившийся с Февзи, обрадовавшийся встрече с крымским татаринном и теперь не реже раза в месяц посещавший его. И Февзи для своих русских товарищей начинал играть тоже очень грустно:

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой!

-Чего ты бродяжничаешь всю свою жизнь? – спрашивал виноградарь Сашку.

- Я вольный человек. Не хочу быть ни начальником, ни подчиненным, - отвечал Сашка, бросая на Февзи виноватый взгляд.

А Февзи усмехался про себя – какой я начальник, зек я!

И пили они не торопясь горькое крымское вино... А Сашка потом, придя в свою каморку, принимал дополнительно стакан самогонной сливянки и засыпал весь в слезах, оплакивая свое сиротство. Если бы этого Сашку увидел Камилл, то узнал бы в нем толстогубого бродягу, которого он впервые заметил из окошка скотоперевозного вагона и которого он через несколько лет после того вытаскивал с нар в Чинабаде.

Константин же Федорович оставался ночевать у Февзи, и уже лежа в постели долго рассказывал своему молодому другу о довоенной жизни в Крыму, о своих друзьях-татарах. И этот ночной разговор шел на татарском языке.

Февзи многое узнал о Крыме от Константина Федоровича, коренного крымчанина. Узнал о довоенной жизни на Полуострове, когда не было теперешней злости у людей и все жили дружно. Узнал о годах оккупации, когда люди разных национальностей помогали друг другу избежать несчастий, исходящих от немцев и румын. И узнал об ужасных днях в мае, когда после выселения татар оставшееся население долго оставалось в шоке, ожидая новых бед.

Прогуливались Февзи и Константин Федорович улочкам Старого Крыма и Судака, и старый крымчанин показывал своему молодому товарищу иссохшие старинные фонтаны:

- До войны в некоторых из них еще была вода, а теперь сам видишь...

Однажды осенью Сашка пришел вечером к своему начальнику с недешевой бутылкой «Московской особой» и признался, что решил добираться до своей деревеньки на Оке, откуда его семью раскулачили и вывезли вместе с родителями и семерыми братишками да сестренками на Северный Урал. Саша, старший из сыновей в раскулаченной семье, бежал из мест поселения, и всю жизнь, не желая служить этой власти, пробродяжничал, боясь и думать, что стало с его родней.

- Может и вернулся кто в родной дом, - говорил он, не сдерживая слез. – Да и по всякому поезду, мне уже пятьдесят, помирать на родине буду. Давай выпьем, Февзи, напоследок.

Февзи, который давно отказался от употребления водки, на этот раз опрокинул с Сашей полстакана и обнял его на прощание.

Теперь ему порой целыми днями не доводилось перемолвиться с кем-либо словом, и чтобы нарушить гнетущую бессловесную тишину он пел песни, декламировал стихи и даже вслух разговаривал сам с собой.

Глава 3.

Что-то я все о других – о Камилле да о Февзи. Расскажу как я однажды летом, тоже в конце шестидесятых годов, прошел по тому же маршруту, по которому проходил каждый раз, приезжая в Симферополь.

От ворот того двора, где остались во времени следы мои и моих братишек и сестренек, увозимых отсюда в сорок четвертом году на гибель в Азии, я шел по городу в направлении своего родного дома, в котором жил вместе с папой и мамой до войны, из которого энкаведешники вывели моего отца, откуда немцы выгнали меня с матерью в годы оккупации. Я шел по улице Карла Маркса, которая за прошедшие с окончания войны четверть века нисколько не изменилась - все те же одноэтажные облупленные дома, узкие расходящиеся от «главной улицы» переулки, которые только тем и были хороши, что утопали в зелени деревьев. Я шел и отмечал места, чем-то знаменательным отпечатавшиеся в моей памяти. Вот здесь меня сбила автомашина, на которой куда-то спешили немецкие офицеры, так спешили, что не остановились, чтобы помочь отлетевшему из-под крыла «Мерседеса» мальчишке, неосторожно перебежавшему дорогу - будто всего-навсего собачке лапу отдавили.

А вот здесь меня, возвращающегося запоздало от друга, который оставался проживать в подвале нашего довоенного дома, остановил русский полицей и велел бежать домой дворами - наступил, оказывается, комендантский час. Я знал, что с появившимися в это время жителями оккупированного города немцы не церемонятся, но удлинившийся майский день ввел меня в заблуждение. Я, как и посоветовал «наш» полицей, торопливо шел проходными дворами, оглядываясь и прислушиваясь, но в одном месте был замечен жандармами, когда перебежал улицу. Жандармы эти вселяли страх не только детям, не только взрослым гражданам города, да и, пожалуй, обычным немецким военнослужащим. Они всегда ходили вдвоем, четко отбивая шаг, глядя прямо перед собой мертвенным, белесо-голубым взглядом героев картин, тогда еще не родившегося русского художника Васильева, на груди у них висели большие бляхи, почему-то пугавшие мальчишек даже больше, чем неестественный размеренный шаг, огромный рост и вороненые стволы автоматов. И вот впервые я стал свидетелем того, что с размеренного неторопливого шага жандармы перешли на бег - они бросились в погоню за появившимся в поле их зрения ребенком. В вечерней тишине тяжелый топот кованых сапог разносился по всем прилегающим улочкам, пугая затаившихся за окнами людей, а мальчишка, отлично знавший все ходы и переходы, заставлял разъярившихся громил забегать в темные дворы, протискиваться между тесно стоящими стенами, перелезать через заборы. Но полевая жандармерия – гордость вермахта! Откормленные здоровые мужики в тяжелом обмундировании не отставали, изошренным слухом улавливали - и всегда верно! - легкий шаг убежавшего от них ребенка и не отказывались от намерения настигнуть его. А мальчишка полумертвый, несомненно, от страха, все уходил, уходил, хотя находился уже где-то совсем близко. Жандармы без слов понимали друг друга, маневры их были отработаны, тактика эффективна. И порой они даже слышали уже дыхание беглеца, его испуганное повизгивание...

Славная была охота! Вот только дичь не удалось подстрелить...

Pfeffer вам в Arshloch, Кованые Сапоги! Я и не помышлял взвизгивать от страха! Я завел преследователей в тупичок, сам пролез через хорошо известное мне маленькое окошко в подвал соседнего дома, оттуда выбрался на крышу и спрыгнул на землю совсем в другом переулке, куда вы, которые теперь с перцем в жопе, и днем не доберетесь!

...Я долго не понимал этих властителей комендантского часа, которым разрешено убивать, считал их случайным, чуждым человечеству и давно отторгнутым явлением, покуда совсем недавно, уже в Двадцать Первом веке, не посетил в Ингушетии лагерь беженцев из Чечни. Там меня поразило произошедшее накануне моего посещения событие, о котором плача рассказывала девочка лет пятнадцати. Вечером, когда мать

пошла к живущим за плетнем соседям, кто-то бросил камешек в окно. Двое ее братьев, одному из которых было двенадцать, другому восемь лет, решив, что вернулся пропавший год назад отец, выбежали во двор, и, открыв ворота, шагнули на улицу. Раздались две автоматные очереди и девочка, оставшаяся во дворе, услышала веселый голос солдата:

- Вы же знаете, что после комендантского часа появляться на улице нельзя! – и веселая компания погуляла дальше.

Мать умерла от разрыва сердца в тот же час, а девочка, по совету соседей, убежала в Ингушетию - ее, как свидетельницу, могли убить в ближайшую же ночь.

Вот что такое комендантский час, а вы думали это стальные жандармские бляхи?

Я, углубившись в воспоминания, и не заметил, что подошел к тому месту, где трамвайная линия в годы моего детства изгибалась направо и шла дальше к вокзалу. Здесь на углу стояло страшное здание, самое, пожалуй, страшное в моей жизни. Сейчас оно, это двухэтажное строение, было отремонтировано и скрывалось за оградой в тени разросшихся деревьев. Здесь в начале войны находился военный госпиталь, и во время отступления Красной Армии не способных самостоятельно передвигаться раненых оставили на койках, а здание подожгли. Крики заживо горящих людей раздавались по всей округе. Женщины - а оставались в городе в основном-то именно они - бросались в пламя, в попытках вынести несчастных своих соотечественников. Были погибшие и среди спасающих, но и спасти удалось немало – раненных солдат прятали в домах, выдавая за своих мужей и братьев, или вывезли в сельскую местность, опасаясь, что немцы будут их разыскивать. Но немцы ничего в этом плане не предприняли: то ли не нашлось мерзавца, который сообщил бы оккупантам о вытащенных из пламени красноармейцах, то ли оккупанты не сочли для себя важным охотиться на немощных раненных мужчин. Тетя Катя из нашего дома вытащила тогда из огня троих раненых, двоих кому-то отдала, а одного оставила себе.

Не знаю, как насчет остановить коня на бегу, а в горящий дом входили женщины, и русские, и нерусские, чтобы спасти жизнь неизвестным им мужчинам рискуя жизнью собственной - это я видел своими глазами...

Я побродил по двору своего детства, потрел за ветки посаженные когда-то вместе с отцом фруктовые деревья и, почувствовав голод, сел в троллейбус и поехал в центр города. Пообедав стандартным общесоюзным набором «солянка, бефстроганов, компот» в какой-то столовой, я зашел потешить себя десертом в кафе на Пушкинской, заказал подошедшему официанту чашку кофе и мороженное и в ожидании заказа осматривал непритязательный с точки зрения москвича интерьер кафе, которое, тем не менее, было, по-видимому, здесь модным местом, ибо в зале свободных столиков не было.

Две симпатичные девушки подошли к моему столику и попросили разрешения сесть. Начался обычный в таких случаях треп.

В какой-то момент я, спросил как бы невзначай:

- А я слышал, что в Крыму раньше жили татары, что их выслали всех в одну ночь? Они уже вернулись?

Девушки немного замешкались с ответом, затем одна из них искусственно рассмеялась:

- Какие могут быть в Крыму татары, о них тут давно все забыли!

- Про татар здесь уже никто не помнит! - присоединилась и вторая, и почему-то добавила: - Мы обе коренные крымчанки.

И после такой заявки целый час, перебивая друг друга, девочки рассказывали заезжему москвичу о татарах, о том, что они оккупировали исконно русский Крым, что испоганили крымскую природу, что всегда притесняли русских, что после прихода немцев они вырезали в одну ночь сто тысяч русских, что если бы германская армия не прекратила бы эти зверства, то в Крыму русских вообще бы не осталось. Я с трудом

слушал всю эту белиберду, и хотел было задать девицам пару вопросов, но не сумел вставить и слова, как девицы уже стали рассказывать о ходящих сейчас в Крыму байках про татар, которые приезжают к своим домам и плачут, сидя под стенами.

- Я живу в Бахчисарае, - говорила красивая шатенка с короткой прической, - к нам один татарин приходил, с женой. Разрешите, говорят, посмотреть на родной дом. Смотрели и плакали.

- Разные бывают случаи, - перебила ее другая, голубоглазая, с толстой светлой косой, перекинутой через плечо. - Рассказывают, что однажды муж и жена попросились переночевать в своем родном доме, новые хозяева их пустили. Утром, когда проснулись, гостей уже не было, а в сенях пол был разобран. Оказывается, там татары спрятали золото, за которым, оказывается, и пришли. Какие хитрые, негодяи!

Я ради чистоты эксперимента контролировал во все время разговора свои эмоции, тут с сомнением поджал губы:

- Почему же они негодяи? Свое, ведь, взяли, не чужое.

Другая девушка заметила реакцию москвича на неадекватную характеристику несчастных изгнанников, нашедших способ забрать свои собственные сокровища, и захотела смягчить сказанное ее подругой.

- Нет, татар жалко, конечно, - начала она.

Но тут неожиданно последовала громкая злобная реплика от сидящей за соседним столиком пожилой женщины весьма неприглядной наружности, которая, как стало понятно, прислушивалась к разговору:

- Нечего их, предателей, жалеть! Их всех надо было уничтожить, и стариков и младенцев, как Суворов уничтожал врагов России!

Девицы застеснялись. Между собой большинство жителей Крыма обсуждали татарский вопрос именно в таком ключе, но перед гостем из Москвы девушкам стало неловко. Вообще говорить о татарах с жителями других регионов крымские областные органы пропаганды предписывали именно так: о татарах в Крыму уже никто не помнит. В своем, крымском, обществе татар всячески поносили, сожалели о том, что не применили к ним газовые камеры, но это было для внутреннего употребления. Такие же заявления, которое себе позволила эта женщина, делать вслух, однако, не полагалось! Только откровенно фашиствующие позволяли себе публично высказывать такие слова:

- Сталин допустил большую ошибку, что не уничтожил крымских татар всех до единого! Зарыть их всех надо было в землю! В Черном море утопить! – это было откровенным отказом от цивилизованности, и советская власть не могла открыто признаться в сочувственном отношении к таким высказываниям.

После истерических выкриков «бабули» разговор за нашим столиком совсем расстроился. И я понял, что дольше выносить с деланным равнодушием поношение своего народа не намерен, да и девицы, демаскированные высказываниями их единоплеменницы, уже потеряли кураж. Распрощались.

Я шел по тенистой улице, останавливал взгляд на лицах прохожих, присматривался к ним и думал, что за племя заселило нынче Крым? Откуда в них столько бесчеловечности и лжи? Русские? Да нет, не русские, а какая-то интернациональная каста фашиствующих! Как может повернуться язык, чтобы выкрикнуть: татар надо было всех расстрелять! И надо же, заявить, что о татарах «тут давно все забыли», и битый час говорить о них! «Забвение это явно демонстративное, помнят о нас, ежеминутно помнят! - думал я. – То ли совесть их все же мучает, то ли страх – ведь в наших домах живут, нашим добром пользуются».

Был важный вопрос относительно обнаруживающихся нравов теперешних обитателей Крыма - неужели они от рождения такие злобные и кровожадные? Не может такого быть! Не могут они по сути своей быть безнравственными зверьми, как не были от рождения недочеловеками граждане Германии тридцатых и сороковых годов,

аплодировавшие уничтожению евреев, одобряющие порабощение других народов, - и тех, и других сделала такими государственная пропаганда, активно воздействующая на слабые души...

Пожалеть эти заросшие шерстью души надо бы, но я не мог без омерзения вспоминать о выкрике «бабули» в кафе, и не жалость возникала в моей душе, а гадливость.

Глава 4.

Вернемся к Февзи, повествование о котором у нас и так уж несколько отстает. Впрочем, ему жаловаться особенно не на что, живет в полном достатке у себя на родине. Вот и в Узбекистане побывал, там ему невесту найти обещали. Между прочим, только сама тетушка Мафузе знала, что живет Февзи в Крыму, а она хоть и любит поговорить, как все женщины, но тайну хранить умеет. Тайну же эту надо хранить, потому что сами понимаете...

Подходила к концу еще одна зима, самое тоскливое время. Февзи в тот день вернулся из гаража в свое жилище около трех пополудни - надо было заняться кое-чем по хозяйству. Кирпичная печь еще не остыла, и грустный одинокий парень, несмотря на явно испортившуюся погоду, решил не растапливать ее, а согреть вчерашний суп на керогазе. Перекусив, Февзи решил порубить поленья, кучей лежащие с осени под навесом. Размахавшись топором, парень разогрелся и, сняв ватник, остался во фланелевой рубашке. Уложив занесенные в сарай дрова в поленицу, он вышел во двор и поежился - вдруг сильно похолодало. Чтобы вновь разогреться, он взял железную лопату и стал разбрасывать слежавшиеся в углу двора сугробы, что собирался сделать еще в прошлое воскресенье. Однако согреться не удалось - становилось все холоднее. Февзи поглядел на прибитый к оконной раме градусник и присвистнул - ртутный столбик показывал пять градусов мороза. Парень взял брошенную на бревна телогрейку и поспешил зайти в дом.

- Придется, видно, растопить печь, - вслух произнес он.

Под вечер температура снизилась до десяти мороза, подул северный ветер, и складки уже затвердевшего было наста стали заполняться мягким пушистым снежком. Взглянув в окошко на градусник, Февзи чертыхнулся, оделся, натянул на голову треух, обмотал шею вязаным шарфом и поспешил в гараж...

Февральские вьюги случаются злы и в солнечном Крыму. Февзи, подготовив машину к возможному длительному морозу, шел, замерзший, домой. Он опустил на уши клапана треуха и шагал, съездившись, недовольно думая о том, что так и не разжег перед уходом печь. Он обогнал двух пешеходов, взрослого и ребенка, поначалу не обратив на них особого внимания и даже не пытаясь их разглядеть, потому как снежная крупа дула прямо в глаза. Однако когда он уже отошел от них на несколько шагов, до его сознания дошло, что взрослый прохожий что-то сказал ребенку по-татарски. В те годы встретить в Крыму татарина было чрезвычайным событием. Февзи остановился и обернулся к бредущей понуро паре.

- Кайдан кельдиниз? Откуда вы?

Прохожие были удивлены не менее Февзи.

- Татарсынмы я? Ты татарин? – спросил взрослый, и Февзи разглядел в опустившихся сумерках сгорбившегося мужчину в явно не зимней куртке и рядом с ним тоже не по погоде одетого мальчонка лет десяти.

- Эбет, татарым! – воскликнул Февзи, удивленный и обрадованный. Он пригляделся. На ногах мальчика были большого размера ватные валенки, называемые бурками, а

мужчина был в стоптанных низких ботинках, которые тонули в уже наметенном сантиметров на пять снегу.

- Вы откуда, куда идете? – озабоченно спросил Февзи.

- Эй, бизим алымыз мюшкюль, - горестно, но с вдруг появившейся при встрече земляка надеждой произнес мужчина. – Наши дела плохи. Видишь, темнеет, похолодало, а мы на улице остались, некуда нам идти.

- Как это некуда идти! – воскликнул Февзи, и, взяв мальчишку за руку, быстро пошел с ним вперед. Через пять минут они уже входили в ворота.

Зайдя в дом, Февзи велел гостям располагаться.

- Сейчас разожгу печь, дрова у меня приготовлены, - и он быстро скинув телогрейку, стал готовить лучины для розжига.

Гости, между тем, раздевались медленно, и Февзи увидел, что они вовсе окоченели.

- Что же это вы в такую погоду гуляете? – задал он глупый вопрос. Потом сразу же спохватился:

- Какая беда вас настигла? - а в печи уже запылало пламя, охватывая сухие поленья.

Гости не отвечали, они сняли с себя верхнюю одежду, и теперь мужчина стаскивал с себя ботинки. Он также молча стянул носки и стал растирать пальцы ног, мальчик пришел ему на помощь. Февзи понял, что надо срочно согреть сильно замерзших людей. Он снял с чугунной плиты круги и поставил на открытое пламя таз с водой, рядом поставил чайник. Чтобы плита быстрее разогрелась, он подбросил в огонь несколько сухих досок, которые обычно использовал для растопки.

- Помощь моя нужна? – спросил он, подойдя к гостям.

- Ноги окоченели, - проговорил мужчина, растирая пальцы и ступню на одной ноге, мальчик же растирал отцу другую ногу.

- Понимаешь, - разговорился, наконец, мужчина, - оказалось, что его бурки ему малы, и калоши малы. А других ему подыскать не могли. Он через полчаса уже захромал, идти не мог. Я обул его в свои, а сам пошел в летних туфлях, в тонких носках. Если бы не похолодало, то ничего, дошли бы, - добавил он.

- А куда вы направлялись? – спросил Февзи, все еще в недоумении, но ответа опять не получил. Он подошел к плите и попробовал рукой воду.

- Все, горячая! – он снял таз с плиты и поднес его к мужчине, который не ответил на его вопрос. – Вот, давай, грей ноги.

- Нет, надо сперва растереть пальцы, - возразил мужчина, и Февзи сообразил, что да, что отмороженные ноги опускать в горячую воду нельзя.

- Нет, пальцы не отморожены, - говорил между тем гость, рассматривая ноги, - только сильно заокоченели.

На керогазе уже зафырчала кастрюля с фасолевым супом, а на плите тоненько запел медный чайник. В комнате становилось заметно теплее, и даже лампочка под потолком, казалось, стала светить веселее.

- Все, сынок, иди, займись собой, - произнес мужчина. Он придвинул таз с водой и опустил в него ноги. – О-о! Хорошо-о-о!

Мальчик, черноглазый, с коротко стриженной головой, отошел от отца и спросил у Февзи, где можно помыть руки.

- Вон, подойди к умывальнику, - показал Февзи в угол. – Я сейчас подолью теплой воды. А у тебя ноги не замерзли?

- Нет, - улыбнулся мальчик, - у меня только шея замерзла и еще лицо.

- Понимаешь, - продолжил мужчина, - мы с сентября жили в одной семье, я их раньше не знал. Зашли к ним заночевать, да так и остались. Им удалось зацепиться, купили большой дом, вчетвером живут. Меметовы, из Джанкоя родом, в Узбекистане жили в Самаркандской области. Зимой мы с сыном ходили в их одежде, а сейчас власти нас обнаружили, какая-то сволочь донесла. Надо было срочно уходить, и я постеснялся брать у них теплые пальто – неизвестно, ведь, что с нами будет. Если бы погода не испортилась,

то ничего бы. Вот только взял себе и Амету стеганные бурки со старыми галошами. Для него бурки оказались малы, вон они, в мешке. Хорошо еще, что у меня была с собой летняя обувь. Из самой Изюмовки пешком шли. А наши вещи все в контейнере, в Феодосии.

- Ладно, - сказал Февзи, - я все равно ничего не понял. Давай, сначала поедим, согреемся, потом ты все мне подробно расскажешь.

Мужчина сбросил на пол куртку, в которой пришел, осушил об нее ноги и так и сидел, не решаясь ступить босиком на голый дощатый пол. Февзи, занятый приготовлением еды, оглянулся и увидел, что гость несколько сконфуженно разглядывает, шевеля пальцами, свои голые ступни. Рассмеявшись, Февзи быстро достал с полки толстые шерстяные носки и бросил их гостю:

- Надень, в них можно на Северный полюс идти! – потом обратил внимание на мальчишку, который только что умылся и вытирал лицо висящим у умывальника полотенцем.

- А ты в стеганках? Они не мокрые? Оставайся пока в них, потом что-нибудь придумаем. Ну, идите к столу!

Мужчина надел носки и обратился к сыну:

- Иди, Амет, садись, - а сам пошел к умывальнику.

Февзи только сейчас разглядел своего гостя. Это был рослый мужчина лет сорока, с жилистыми руками, с крупными чертами небритого лица.

- Давай знакомиться, - мужчина повесил полотенце на гвоздь и подошел к Февзи. – Меня зовут Ахтем, я сам ялтинский. В Узбекистане работал на шахте, в Палванташе, слышал? Дом там у меня, я его не продал на всякий случай. И правильно сделал - жена с дочкой вынуждены были вернуться, после того, как здесь наше жилище бульдозером снесли. А мы с Аметом остались, прятались от властей у наших, ну - у Меметовых, раньше я их не знал. Да... И что бы теперь ни случилось, будем начинать жизнь на своей Родине. Правда, Амет? А мама с сестренкой к нам летом приедут, да?

- Конечно, - коротко отвечал Амет, рот которого был набит хлебом.

- Значит, Амет школу пропустил? - произнес Февзи, и понял, что опять он говорит не то. Он, бывший со своим народом в его самые страшные годы, а теперь волей судьбы отдалившийся, немного растерялся, встретившись с сегодняшней его бедой.

- Какая школа! Тут за родную землю надо зубами держаться, а школа потом! Ну, долго рассказывать, время еще будет, если не выгонишь нас. О себе скажи, ты как, прописан здесь? - Ахтем оглянулся. - Домик неплохой, в городе. Как тебе удалось?

- Уверен, что мой рассказ будет длиннее твоего, - рассмеялся Февзи. Потом посерьезнел и произнес:

- Смеемся, да? А ведь такое горе позади... Надеюсь, что впереди горя не будет, будут трудности..., - и он замолчал.

Помолчал и гость, потом спросил:

- Так как же ты тут оказался? Ты был в ссылке?

- А как же! – воскликнул Февзи. – В Крыму, думаешь, все время оставался? У меня в Узбекистане все родные умерли, вся деревня погибла...

Гость печально покачал головой:

- У всех у нас одно горе... Да, впереди борьба. Теперь времена другие, конечно, но эти русские никак не хотят успокаиваться, злобствуют. Чего им еще от нас нужно? Половину нашего народа уничтожили... Нет на этих русских Божьего суда!

Февзи вскинул голову и уставился взглядом на гостя. Его покорило от этих слов. Перед его внутренним взором промелькнула чередой русских людей, которые помогали ему на его нелегком жизненном пути, с которыми он дружил и дружит сейчас, рядом с которыми работает. Нет, не встречал он ни одного русского, или, говоря пространнее, ни одного русскоязычного человека, который подпадал бы под определение «злобствуют». Но в одном прав его гость - все злое и подлое власти делают от имени русских людей,

апеллируют к русской истории, к русским захватам на востоке и на западе, к «славе русского оружия». А при чем тут русский человек?

- Наш народ в трудном положении, - вслух произнес он - Но при чем тут простой русский человек?

Ахтем в свою очередь пристально посмотрел на него, но ничего не сказал.

После трапезы хозяин и гость удобно усьелись на широкой софе, поджав под себя ноги, а мальчишка нашел какую-то книгу и, придвинув табуретку под лампу, зачитался.

- Расскажи, как ты здесь устроился, - попросил Ахтем, и Февзи вкратце поведал ему о своей жизни, начиная с прибытия в Голодную Степь.

Теперь, когда Ахтем узнал кое-что о хозяине дома, он решил вернуться к разговору, который прервался едва начавшись.

- Да, слава Аллаху, ты жив и, видно, тут хорошо устроился. Но – не обижайся! - плохо, что от своих оторвался, - начал он. - Ты, вот, обиделся за русских людей... Да, я тоже знаю про академика Сахарова, про генерала Григоренко, про женщину эту, адвоката, забыл фамилию. Она, кажется, еврейка, но не важно. Еще другие есть, которые тоже за нас. А вот русский сосед Меметовых долго следил и выследил, что мы с сыном посторонние, незаконно проживаем. Написал донос в милицию, и вот мы зимой оказались раздетыми на улице. Если бы сынишка этого соседа не рассказал о том, что отец все выскакивает на крыльцо, ждет приезда дружинников, мы бы с Аметом сейчас в холодной каталке бы сидели. Зачем он это сделал? Ведь никакой пользы ему от нашего ареста не будет! Зачем душу своего собственного сына доношением подлым своим калечить? Только мальчишка хорошим оказался...

Февзи, имея перед глазами картину пробиравшихся навстречу снежному ветру плохо одетых людей, не мог ничего возразить. Он, между прочим, ничего не знал про ни академика Сахарова, ни про генерала, который встал на защиту крымских татар, ни про женщину-адвоката - никак не мог он приобрести давно желаемый транзисторный радиоприемник, дефицитную «Спидолу».

- И у меня друзья русские ребята, мы вместе не раз выходили плечом к плечу из разных передряг, - продолжал Ахтем. - Но в Крыму кто над нами глумится? Их тут в Крыму натравливали на нас десятилетиями, они были уверены, что у нас рога на голове растут...

- Но они же не виноваты, что стали жертвой пропаганды, да и не все поддались этой пропаганде, - перебил Февзи, и подумал о Константине Федоровиче из Судака.

- А я в чем-нибудь виноват? За что они надо мной издеваются на моей же родине? - в голосе Ахтема появились грозные нотки. - Да, я малограмотный, я даже семилетку не закончил, факт. Но когда здесь в Крыму мне не дает прописку майор милиции, армянин по национальности, я не скажу, что это армянин нарушает мои права. Армянин этот или другой какой-нибудь там еврей, они все работают на Россию. Кто нас выселил? Скажешь Советский Союз? Нас выселила Россия!

Ахтем взволнованно замолк. Мальчик отложил книгу и пересел на софу и устроился рядом с отцом. Февзи молчал, понимая, что этот малообразованный, как он сам себя характеризовал, мужчина, по большому счету прав.

- Но когда мы говорим, что «русские виноваты!», то мы ни за что обижаем не причастных к этому преступлению русских людей, - все же повторил он мысль, которую считал несомненной.

- Ничего! - вспыхнул Ахтем. – Подумаешь, обидятся! От обиды не умирают, как умирают от голода! Вот у тебя все родственники погибли, вся деревня твоя умерла. Пусть эти обиженные подумают о том, как высланные татары умирали целыми семьями, когда они здесь в наших домах жили, нашим имуществом пользовались, наши кур и овец резали, наших коров доили! А мы умирали от голода и холода! И до сих пор еще мучаемся...

У Ахтема, как и у Февзи, от законного негодования, от горести воспоминаний бешено колотилось сердце. Внимательно слушающий их мальчик тяжело вздохнул и прислонился головой к отцу.

- Амет спать хочет! - спохватился Февзи.

Он притащил из сарая раскладушку, достал из большого самодельного стенного шкафа матрац и теплое одеяло. Отец помог сынишке раздеться и уложил его в постель, в которой умаявшийся ребенок тотчас уснул.

Мужчины сели за стол, на который Февзи поставил стаканы и бутылку с самодельным вином. Ахтем продолжил разговор:

- Русскому народу, и твоим «простым русским», надо заглянуть в свою душу. Может быть, начнут стесняться развешанных в узбекских городах и кишлаках лозунгов «Слава великому русскому народу!». Я уже не говорю о том, что делается в Крыму. Россия - хозяин всего Советского Союза, русская власть унижает другие народы, русские везде имеют больше прав, чем люди других национальностей.

- Да, конечно, - заметил историк Февзи, выпускник ленинградского университета. - Советский Союз является одной из исторических форм Российской империи. Иметь в паспорте запись «русский» это как иметь патент на доверие властей. И все же, я думаю, что не русскому человеку вдруг стало нужно выселять крымских татар или калмыков. Вот мои ленинградские друзья и знакомые, что, им надо было, чтобы татар выселили из Крыма?

- Надо было, значит, если русская власть нас выселила! – воскликнул Ахтем.

- Но если власть что-то делает от имени Ивана, не спросив его об этом, то разве виноват этот конкретный Иван? – возражал Февзи.

В такой манере шел некоторое время разговор.

- Да о чем мы спорим, - произнес, наконец, Ахтем. - Знают, не знают, виноваты, не виноваты. Конечно, какой-нибудь любимый твой ленинградец Иван Иванович не виноват в том, что народ наш умирал в Азии, он не виноват в том, что меня с ребенком зимой ночью могут вышвырнуть из законно купленного дома. Не это сейчас важно! А важно то, кто будет использован властями в борьбе с крымскими татарами, борющимися за возвращение на свою Родину. Если будут везде кричать, что Крым русская земля, что надо освободить от татар русскую землю, значит, будем говорить, что мы боремся с русскими за наш Крым!

- Но русских советская власть использует, она подставляет русских людей, которым эта пропаганда не нужна! – не мог принять точку зрения своего гостя Февзи.

- Значит, пусть твои русские люди, чтобы остаться не замаранными, начинают борьбу с теми, кто их так подставляет, кто их называл великими, а меня хочет приравнять к безродной и бездомной собаке! – Ахтем твердо стоял на своем, и в какой-то момент у него появилась мысль сейчас же покинуть этот дом, хозяин которого не понимает очевидных вещей, уйти с сыном в ночной холод.

- Да, ты рассуждаешь прямо как высококвалифицированный юрист! - искренне восхитился Февзи. - Молодец! Я признаю твою, по большому счету, правоту.

- Каждый крымский татарин, начавший борьбу за свои права, за права своего народа, много думает и много читает, - произнес Ахтем, немного успокоившись. - У нас члены инициативной группы все читают историческую и политическую литературу, все законы изучили. Нам, простым работягам, студенты с самого начала раздавали вот такие толстые пачки листов с выписками из работ Ленина, Карла Маркса, других умных людей. Потом мы сами стали нужные книги покупать. Вот я, например, статьи Конституции о правах граждан и многие статьи уголовного кодекса наизусть знаю, могу сам себя на суде защищать.

И когда уже укладывались спать, Ахтем опять произнес:

- Да, оторвался ты, Февзи, от жизни своего народа, это плохо.

Хозяин дома ничего не ответил, ибо это было правдой.

Февзи долго не мог заснуть. Он думал о том, что было сказано в разговоре с Ахтемом, о творимом от имени русской нации зле. Ведь если подумать, какую черную тень бросает советская власть на людей! Разве Олег, разве Володя, разве Саша или этот старый русский виноградарь, который специально приходит к нему из Судака, чтобы поговорить по-татарски, разве его ленинградские товарищи по работе на автобазе, по учебе в Университете, разве они выдумали, что Крым - исконно русская земля, что в сорок четвертом году произошло освобождение русского Крыма от татар? Вообще не слышал Февзи ни от одного русского человека повторения этих пакостей. Напротив, случалось не раз, что собеседники, не подозревающие того, что Февзи крымский татарин, с сарказмом говорили об этой дурацкой пропаганде. Так, где же те русские, о которых с такой обидой вспоминал Ахтем?

Правда, надо признать, что Февзи не общался с теми, кто был переселен в Крым в татарские дома, он все больше встречался со старыми жителями Крыма, да с жителями Ленинграда или других городов, которые практически ничего не знали о судьбе аборигенов Крыма. Но и тех переселенцев, так злобно настроенных против хозяев Полуострова, этих несчастных малограмотных людей надо понять - их же изо дня в день пичкали антитатарской пропагандой, а у самих у них никаких других знаний не было и нет.

Так, может быть, Ахтем имел в виду тех русских, которые сидят в Политбюро, в КГБ и в других таких же всесильных организациях? Безусловно, к ним и надо относить обиду! Но много ли их, и справедливо ли из-за сотни, ну, тысячи, ну пусть десяти тысяч политических авантюристов, находящихся во власти, обвинять весь русский народ?

С другой стороны, думал Февзи, Ахтем и все другие крымские татары получали свои порции гонений, оскорблений, несправедливостей именно от русских чиновников, вышвыривали их из домов русские милиционеры, оскорбляли их на русском языке, куражились над ними пьяные русские дружинники. Так что же, оправдывать это воинство зла и любить их, восклицая, что они пешки в игре, что виновны сидящие в Политбюро? Конечно же, нет! Неестественно было бы оправдывать немецких солдат, пришедших на земли Советского Союза, почитая их за несчастных пешек в игре Гитлера!

Так, значит, прав Ахтем?

Однако никогда он, Февзи, не бросит слово упрека в адрес Олега, или Володи, или Константина Федоровича, или других, с кем сводила его судьба!

А как насчет любимой учительницы Ольги Васильевны, которая предала его? Но о том Февзи не хотел вспоминать.

Да, ничего не знал Февзи о тех академиках и генералах, о тех математиках и филологах, обо всех тех рядовых гражданах страны, кто восставал, ломая свою судьбу, против имперской международной агрессии, против ложного коммунистического интернационализма, против возрождающегося сталинизма – крайней формы российского шовинизма. Не знал об этих борцах, но он знал тех русских, с кем рядом жил все эти годы. Нет, не мог он примириться с тем, чтобы супостатам своего народа дать собирательное имя «русские». И в то же время...

Мысли разбегались. «Если я, историк с дипломом одного из лучших университетов страны, не могу найти решение этого вопроса, то чего можно требовать от простых татар!» - думал Февзи.

Так думал он, проживший много лет в Ленинграде, естественный поборник дружбы между людьми разных национальностей. Но разговор с Ахтемом заронил в его душу червь сомнения - в праве ли он оспаривать обиду крымского татарина на представителей России, сперва лишившей Крым самостоятельности, а потом выселившей его коренных жителей на смерть и лишения?

И понял Февзи, единственный из оставшихся в живых обитателей барака в Голодной степи, что он слишком долго прожил в отрыве от своего народа, настолько долго что,

сам того не осознавая, пытается соответствовать тому окружению, в котором долгие годы жил, забыв о своем происхождении.

Соответствовать окружению, забыв о самоидентификации - это недостойно свободного и гордого человека! – такой приговор вынес той ночью сам себе Февзи, выпускник исторического факультета Ленинградского университета.

Вопрос, который оказался столь мучительным для Февзи, действительно непростой. И я не знаю исчерпывающего ответа на этот вопрос. Впрочем, есть ли среди серьезных вопросов такие, на которые имеются исчерпывающие ответы?

На одном из сайтов в августе две тысячи пятого года появилось такое сообщение:

«Из Крыма в 1944 году изгнаны, как тогда казалось, навсегда, целые этнические группы, среди которых не только крымские татары, но и греки, болгары, немцы армяне, арнауты, турки, крымчаки. Поводы, для, подчеркиваю, внесудебных депортаций - паранойяльные... А после началось форсированное освоение свободных территорий, в основном, специфическими контингентами. Какими? Этими самыми... Отставниками армии, флота, вертухаями всех мастей... от КГБ до ментов. Ну, и конечно партноменклатура... куда без нее. Вот, по большей части контингент, который никогда, никаким народом не был, в том числе и русским».

Замечательно сказано! «Никогда никаким народом не был, в том числе и русским»!

Со своей стороны добавлю следующее. Я не удивляюсь деяниям этого специфического контингента, поведение которого в Крыму аналогично поведению наглого грабителя-домушника, озлобленного возвращением хозяина дома.

Я удивляюсь только некоторым моим землякам, которые забывают, что кроме этого «специфического контингента, который никогда никаким народом не был», есть и другой русский народ.

Ахтем остался жить в Старом Крыму. Начальник экспедиционной базы Февзи зачислил его на должность рабочего, которая после ухода Сашки стала вакантной. И за счет базы же продолжился наем каморки, которая освободилась после увольнения прежнего рабочего, так что отец с сыном получили законную крышу над головой. Никто не поинтересовался, кто он есть, новый рабочий, есть ли у него прописка, ибо ленинградскую экспедицию в городке давно знали и власти не вмешивались в ее дела. Так и прожил Ахтем до весны, когда пришла пора думать ему о своем собственном доме и, возможно, об огороде...

А Февзи, мечтавший о рижской «Спидоле», купил другой, более примитивный транзисторный радиоприемник, и вечерами вместе с Ахтемом слушал «Голос Америки» и «Би-би-си».

Глава 5.

Несмотря на то, что взамен коллег по научной работе у Камилла теперь появились «товарищи по несчастью» в бойлерной, душевное состояние его оставляло желать лучшего. О его положении был осведомлен младший брат, который, однако, сейчас работал в далеком Ташкенте. Родителям же он так и не сказал о том, что он безработный, такое признание он почитал слабостью. Правда, мама его с удовлетворением отметила, что старший ее сын стал чаще приходить к ним и всегда оставался пообедать...

И друг Валентин свалил...

Между тем помимо действий самого Камилла информация о его положении распространялась в научных кругах Москвы.

Один интеллигентнейший старый академик, бывший в свое время официальным оппонентом во время защиты Камиллом докторской диссертации, позвонил ему однажды вечером.

- Камилл, я узнал, что вы лишились работы. Зайдите ко мне в удобное для вас время.

Камилл увиделся с академиком, рассказал о своих трудностях. Академик поинтересовался, не подавал ли Камилл документы на выезд за границу на постоянное место жительства? Камилл заверил собеседника, что нет, не подавал. Академик обещал помочь. Но и ему не удалось преодолеть трудности, связанные с ситуацией, именуемой «крымский татарин».

Нина Вадимовна, супруга почившего десять лет назад ученого с мировым именем, тоже вознамерилась было использовать свои нынешние связи для устройства Камилла на работу. Ученый этот был репрессирован в конце тридцатых годов, как раз во время представления его кандидатуры на Нобелевскую премию. Камилл сделал несколько работ, смыкающиеся с направлением исследований этого великого русского ученого. Эти работы были опубликованы уже после того, как славный ученый покинул сей мир. Научное сообщество оценило работы Камилла, и Нина Вадимовна поместила их в библиографию монографии своего мужа, коей была редактором, и с тех пор молодой профессор и вдова ученого поддерживали знакомство. Она расспросила Камилла по телефону о постигшей его напасти, поохала по-женски и сказала, что постарается помочь. Но добрая Нина Вадимовна не вполне хорошо разбиралась, по-видимому, в окружающих ее нынче людях. Во всяком случае, когда Камилл пришел по подсказанному ею адресу, то встретил типичного «ученого в штатском». Разговор получился весьма специфичный, после чего, надо думать, в досье молодого профессора появилась, по крайней мере, одна новая некомплементарная страница.

Однако именно стараниями Нины Вадимовны удалось получить Камиллу работу-поплавок, позволяющую не оказаться в табели так называемых «тунеядцев», наказываемых арестом, судом и высылкой. Работа лектора Всесоюзного общества «Знание» была вполне позволительна для доктора наук. Однако и престижную среди диссидентствующих интеллигентов работу в бойлерной он не оставил, потому что заказы на лекции по естественнонаучным знаниям были редки, все больше о строительстве коммунизме и о том, что Бога нет.

- Ну, нет, по вашему, так нет. Но чего так напрягаетесь с вашей антирелигиозной пропагандой? Или конкуренции с Его стороны боитесь? – посмеивался Камилл, отказываясь от лекций на атеистическую тему.

Тем же летом в Москву прибыла группа крымских татар – с протестом против варварства властей. Москва встретила делегатов штыками и автоматами, не снятыми, правда с предохранителя. Некоторых захватили на улицах, немедленно выдворили из столицы.

Выдворить, выдворены, будут выдворены, - один из любимых глаголов властей той поры, когда уже не давали десять лет без права переписки, но еще не расстреливали в подъездах. Правда, уже сажали в психушки.

Так вот, почти все выдворенные вернулись в Москву для завершения намеченных дел – просочились, хитрые татары, сквозь дырявые заслоны! В гостиницах органы устраивали засады, а татары не шли в гостиницы, жили по частным квартирам.

Все квартиры прописанных в Москве крымских татар были под наблюдением, в некоторых власти проводили обыски. А татары прятались и в домах русских и евреев, поддерживающих борющийся народ.

...Когда четверо молодых мужчин и одна девушка, с трудом втиснувшись в такси, доехали до квартиры Камилла, их здесь уже ждали. Нет, не хозяина квартиры я имею в виду. Он, естественно, ждал, предупрежденный по телефону. Ждали филеры, засевшие в «Волге», припаркованной к бордюру зеленой полосы у тротуара напротив дома. Наши

ребята сразу заподозрили в пассажирах автомобиля кагебешников, растерялись, не знали, подниматься им в квартиру или повернуть назад, – не хотели, как им представлялось, благородным душам, засвечивать Камилла. Но оказался среди них один, который был давно знаком с Камиллом, он сказал:

- Куда назад? А Камилл и так под колпаком, ему бояться нечего. Прорвемся.

Филерам же был наказ следить, но не задерживать. Они выследили, распознали и сообщили по рации куда надо. А двое, - в «Волге» их было под завязку, - двое все же вышли и последовали за татарами. Татары вызвали лифт и поднялись на этаж, вошли к ожидавшему их хозяину. Следующим маршрутом лифта поднялись на тот же этаж и чекисты.

- Этот этаж? - спросил один.

- Этот, этот! Ты же видел на табло, - отвечал другой.

- А может, они поднялись на этот, а потом спустились на тот, - беспокоился первый.

- Чё ты фуйню несешь! Заде же на этом этаже живет!

- А-а, ну да! Так бы сразу и сказал! – первый был недотепой.

- А я и говорю, - второй был терпелив. Он же и продолжал: - Вон гляди, в том коридоре коробки какие-то. Иди, встряхни их, пусть подумают на этих незваных гостей!

Второй был отличником курса чекистского мастерства, да и выражался весьма изысканно. В коробках находились вынесенные из квартиры старые детские игрушки. Чекисты вывалили их и расшвыряли ногами.

- Во! Теперь похоже на поле Куликовской битвы! – обрадовался изысканный, увидев разбросанные по кафелю руки-ноги и головы гуттаперчевых кукол.

- Может быть, мне еще и насрать здесь? – то ли удачно пошутил первый, то ли, действительно, хотел проявить инициативу. – Тоже на татар подумают.

- Идея хороша, - одобрил инициативу второй, - Давай, садись.

- Да ты чево! Я же пошутил! – все же это была, оказывается, красивая шутка. - Если так уж моя идея понравилась, то сам спускай штаны и присаживайся!

Беспогонные офицеры бесшумно прошли по коридору, почему-то приглядываясь к номерам квартир.

- Ну что? – спросил первый, который, по-видимому, был младше по должности, - будешь срать-то?

- Да ну их! – отмахнулся старший. - Не во время выйдет кто-нибудь из соседней квартиры, по шее могут дать. Смотри, сколько тут дверей.

- А мы их того, профессионально..., - осклабился младший.

- Не разрешено нам никого мочить. Даже почки отбивать не велели... Пойдем, вызывай лифт! - и чекисты покинули злополучный этаж.

Была им дана строгая установка: в квартиру к Афуз-заде не входить, себя не обнаруживать. Стеснялись они чего-то этой фамилии. Связей боялись, что ли?

А Камилл в дверной глазок глядел, как двое мужиков разбрасывают ногами почему-то рассыпавшиеся по холлу игрушки. Потом хозяин и гости разобрались в обстановке, посмеялись – точно, она, родная Чека! Но смеялись несколько нервно, ибо задача была не в том, чтобы найти ночлег, а в том, чтобы сохранить письма с информацией о сегодняшнем положении крымских татар, которые должны были быть разнесены на следующий день по нужным адресам. Не было никакой гарантии, что кагебешники не вернутся и не устроят в квартире обыск. Поставив разогреваться еду, Камилл пошел решать эту проблему к Марку, соседу справа.

Марк с женой Людмилой и с двумя детьми жил в тесной двухкомнатной квартире и Камиллу было неловко просить его приютить у себя одного из преследуемых татар. Но обстановка того требовала, и он решился. Однако зря он конфузился! Людмила раньше Марика поняла ситуацию – можно подумать, что она всю жизнь только и занималась конспиративной деятельностью.

- Давай, приводи своих бунтовщиков, всем место найдется, я детей в нашу комнату заберу! – воскликнула полногубая Людочка.

- Да нет, - стесненно возразил Камилл, - только одного. Можете его на кушетке в кухне уложить.

- Не проблема уложить на кухне двоих, на кушетке и на раскладушке, - предложила Люда.

Камилл задумался.

- Хорошо, приведу двоих, - произнес он.

- Давай, тащи! – энергично произнес Марк. – Пойдем, я их приведу.

- Погоди, - Камилл засмеялся. – Я гостей еще накормить должен!

- Что же, я, что ли, накормить их не смогу? – возмутилась Людмила. – Мы как раз ужинать собираемся.

- Пойдем! – темпераментный Марик, корнями уходящий в племя, в древности дерзко промышлявшее на африканской границе, готов был, похоже, силой доставить камилловских гостей к себе на ужин.

- Да погодите вы! – расхохотался Камилл, аж упав на диван. – Мы должны еще поговорить. Сейчас сколько? Ага, значит, в десять я приведу двоих ребят, лады? – и поспешно добавил, заметив, что у Людмилы имеется масса возражений: - Нет, вы поймите, у нас серьезный разговор. Итак, в десять! Спасибо, друзья.

Утром накормленные в соседней квартире завтраком Ильяс и Феми вернулись, когда товарищи их только еще проснулись – Марик и Людмила рано отводили детей в детский сад и разъезжались по своим работам. Камилл собрался в продуктовый магазин, чтобы по столичному накормить гостей. На проезжей части дороги стояла «Волга», показавшаяся всегда настороженному Камиллу подозрительной. Он перешагнул через низкую чугунную ограду и по газону подошел к машине:

- Ждете кого-то? – неделикатно осведомился он.

Пассажиры «Волги», знающие Камилла в лицо, видимо, растерялись, и вместо того, чтобы, как это у нас, русских людей, принято, послать слишком любопытного куда подальше, заулыбались, ударились почему-то в объяснения:

- Ага, сейчас товарищ наш выйдет, мы все поедем в Балашиху!

Если бы Камилл получил бы адрес, куда ему, сующему нос не в свои дела, следует немедленно идти, он бы не обиделся, и с чувством осознанной вины удалился бы по своим делам. Но теперь он почти не сомневался, что это засада. Он обратил взгляд на номер машины и, затвердив его, пошагал к расположенному неподалеку магазину, чтобы потом осведомиться у своих гостей, не запомнили ли они номер вчерашней «Волги».

Когда он с полной сумкой шел назад, «Волга» все еще не уехала в Балашиху, но номера на ней были сняты и спереди, и сзади. Камиллу все стало предельно ясно, однако оставался один вопрос – почему органы, содержащиеся на наши, налогоплательщиков, деньги работают так топорно? За что, собственно, налоги платим?

После завтрака четверо решили идти сдаваться, чтобы пятый мог потом с документами пробраться к назначенному месту встречи с руководителем той группы, которая имела задание передать намеченным персонам и в некоторые органы печати информацию, обличающую изуверские деяния советской власти.

- Вы думаете, что эти субчики, которые промучились всю ночь в машине, не запомнили, сколько вас было? – засомневался Камилл.

- А что делать? – развел руками Ильяс, который должен был исполнять роль курьера.

Камилл задумался.

- Подождите меня, - сказал он, вышел из квартиры и нажал кнопку у дверей соседа слева.

- Жорик, ты сегодня идешь в институт? – спросил Камилл, поздоровавшись.

Жора был аспирантом, рабочий день у него был свободный и ненормированный, а жена его уходила из дому очень рано, ибо работала на другом конце Москвы.

- Нет, - ответил всегда предельно лаконичный Жора.
 - Придется, - изрек Камилл и объяснил соседу сложившуюся ситуацию.
 - Во всяком случае, - говорил Камилл, - надо, чтобы ты вышел вместе с ребятами, будто ты один из них. А потом вскоре вы все разойдетесь в разные стороны, чтобы сбить с толку преследователей. Только не сразу возвращайся, а то эти поймут, что их надули.
 - Хорошо, - спокойно ответил Жора, который был образцово неразговорчив и столь же образцово понятлив, за что его и любил Камилл.
 Минут через десять из дверей дома вышли четверо мужчин и веселая девушка, которые вошли сюда накануне, преследуемые по пятам чекистами. Жора в рубашке Ильяс шел посередине, заслоняемый другими, хотя эта предосторожность была чрезмерной - сидящие в засаде не знали никого в лицо, так как они следили за квартирой Камилла, а за каждым из восьми сотен этих татар поди уследи.
 Через полчаса один за другим позвонила по телефону вся четверка, сообщив, что каждый из них был задержан, обыскан и предупрежден о требовании немедленно покинуть Москву, на что каждый ответил, что требования такого выполнять не намерен. Будучи обруганным, каждый был, однако, отпущен восвояси. Жору чекисты словить не сумели, так как наш аспирант очень хорошо знал проходные дворы своего города.
 Камилл с сумкой в руках (якобы опять возжелавший посетить магазин) осмотрел окружающее дом пространство и засады не обнаружил. После этого Ильяс смело отправился на свою конспиративную встречу. Сам же Камилл еще раньше позвонил в институт и предупредил, что на сегодня он берет отгул.
 А Жора появился только через три часа - ездил по Москве, тщательно заматавая следы.

Глава 6.

В день 21 апреля в городе Чирчике собрались на традиционный праздник Весны крымские татары. Известно, что на это же число апреля приходится день рождения Ленина. Именно последнее обстоятельство повергло власти в тревогу.
 Не знаю уж почему, но многие годы власти силой препятствовали попыткам крымских татар возложить цветы к монументу Владимира Ильича. Советская власть видела, по-видимому, в этом уважительном отношении к старому вождю намек на то, что она, эта власть, является преступной имперской властью, подавляющей народы захваченных силой соседних государств. Ленин, ведь, много сил потратил на борьбу с русским шовинизмом, и почтение к Владимиру Ильичу со стороны подвергнувшегося геноциду народа било не в бровь, а в глаз советских идеологов, прикрывающихся социалистической фразеологией. Кстати, сейчас, в начале XXI века, одно из главных обвинений российских властей в адрес бывшего кумира заключается в том, что он, видите ли, дал народам, поработанным царской Россией, статус республик. Желание обратить все нынешние республики в составе Российской Федерации в просто области или губернии – доминирующая идея внутренней политики сегодняшней агонизирующей империи. А к чему это приведет? Что выберут обиженные – бессловесность или безрассудство?

Итак, в городском парке Чирчика собрались сотни крымских татар, приехали люди со всей округи, даже из Ташкента, все были нарядные, веселые.

Накануне на многих предприятиях города Чирчика крымских татар вызывали в отдельные кабинеты, и сотрудники КГБ требовали от них написать расписку, что они не будут участвовать в массовом гулянии, намеченном на 21 апреля 1968 г. В противном случае им грозили увольнением, понижением в должности и прочее. Организовывались закрытые партийные собрания, на которых распускались провокационные слухи, что

будто на 21 апреля намечен массовый митинг крымских татар против Советской власти, где будет зачитываться какая-то "антисоветская речь бывшего генерала Григоренко".

Несмотря на эти меры к намеченному месту для гуляния собралась большая масса людей. Но намеченное место было уже заполнено солдатами, милиционерами и "народными дружинниками". Тогда люди направились в городской парк, где вскоре начала звучать национальная музыка, национальные песни.

В полдень гуляющих окружили специальные милицейские отряды. Людей начали избивать резиновыми дубинками, не разбирая, старик ли, ребенок ли, выкручивали им руки, вталкивали в тюремные машины. Из подогнанных пожарных машин были обрушены на людей сбивающие с ног мощные струи воды и какой-то, оставляющей на одежде белые пятна, жидкости. Вскоре пришедшие в себя от неожиданности люди прорвали цепь солдат и милиционеров и, образовав мощную колонну, с гневными выкриками протеста двинулись по городу в направлении горкома партии. На демонстрантов вновь направили струи жидкости, каратели продолжали бесчинствовать. До ночи продолжалась война спецотрядов с крымскими татарами, посмевающими в парке города петь свои национальные песни. Было арестовано около 300 человек. Ночью и в последующие несколько дней были произведены дополнительные аресты по квартирам. Причем арестовывали и людей, не принимавших участие в гулянии и даже тех, кого в этот день не было в городе вообще.

И тогда же начальник старокрымской базы Археологического отдела Февзи и его единственный на тот день сотрудник Ахтем по «Би-би-си» узнали о массовом побоище, устроенном советской властью в Чирчике.

Пока Февзи молча переживал услышанное Ахтем воскликнул:

- Это же твой город! Там твои друзья!

Февзи обернулся лицом к товарищу, глядя на него неподвижным взглядом. И только одно слово произнесли его побелевшие губы:

- Да.

Ахтем растерялся. Он не ожидал, что это сообщение так подействует на его молодого товарища. Февзи, вообще-то некурящий, взял с полки пачку оставленного кем-то «Беломора» и вышел во двор. Ахтем поставил на печку чайник и велел Амету, который расположившись в углу дивана читал какую-то книгу, сбегать в их комнату и принести купленные днем пряники. Мальчишка побежал выполнять указание отца, а Ахтем сел на стоящий у печки стул и уставился взглядом в окно. Свет в комнате не был включен, и в быстро наступающих весенних сумерках был виден молча вышагивающий за переплетом окна Февзи.

Прибежал Амет с бумажным пакетом в руках, и вслед за ним в комнату вошел Февзи.

- Ахтем, тебе придется задержаться в Старом Крыму, - обратился он к товарищу.

Тот молча, с выражением сочувствия глядел на своего земляка, заранее согласный с любым предложением.

- Я должен немедленно ехать в Узбекистан, - продолжал между тем Февзи. – И без того вся борьба наших людей прошла мимо меня, хотя бы теперь я должен быть там. Я понимаю, что тебе не терпится вернуться на свой участок и попробовать там жить, но погоди немного. Я же не могу все тут бросить, я вынужден временно оставить на твое попечение все это хозяйство, понимаешь?

- Понимаю, - кратко ответил Ахтем. – Поезжай, я буду здесь сколько надо.

Февзи глядел на него и Ахтем, поднявшись со стула, положил руку на плечо товарища:

- Будь спокоен, Февзи, все будет, как ты скажешь. А теперь давай чайку попьем.

Сели за стол, и мальчик Амет был несколько удивлен немногословием взрослых в этот вечер.

Приближался час, когда начиналась передача новостей по «Голосу Америки», и мужчины вновь склонились над радиоприемником.

В тот же вечер Февзи пошел на почту и заказал разговор с Ленинградом по срочному тарифу. К телефону подошел Володя, который, к счастью, оказался дома. Февзи, не вдаваясь в подробности, попросил у своего руководителя разрешения взять отпуск на одну неделю:

- Мне срочно понадобилось лететь Узбекистан, - говорил Февзи. – Здесь полный порядок, к приезду сотрудников все готово, автомашина на ходу. За себя исполняющим обязанности оставляю Рефатова.

Володя не возражал. Он знал, что если база, по мнению Февзи, находится в полной готовности, то так оно и есть. По интонации своего друга и начальника Февзи понял, что тот «вражьих голосов» не слушал и о событиях в Чирчике не знает.

Утром Февзи был в аэропорту Симферополя и в тот же день вылетел в Ташкент.

Был вечер пятницы. Февзи, подходя к дому тетушки Мафузе, думал о том, что сегодня же надо будет разузнать, кто из знакомых ему людей был в городском парке, кто может подробно рассказать о происшедшем и посвятить его в дальнейшие планы его земляков.

- Вай, Февзи оглум! – со слезами встретила его старая женщина. – Как хорошо, что ты приехал! Ты слышал, наверное, что у нас случилось? Знаешь Гульсум, жену Диливера, который вместе с тобой учился в ФЗО? Ее избили, и у нее случился выкидыш. Это должен был быть их первый ребенок. Диливер в ярости, хочет мстить, а кому не знает. А старому Осман-ага руку сломали. А мой Энвер, наверное, останется глухим на одно ухо...

- Они натренированные такие, - перебил мать младший брат Энвера. - Стоит на одной ноге, а другою ногой бьет человека по голове. Я отскочить успел, а Энверу солдат в ухо ногой попал.

- Иди, позвони в контору, пусть Энверу скажут, что Февзи приехал, - велела мать, и парнишка побежал на почту, звонить в Чарвак.

И еще много имен пострадавших от десантников людей называла тетушка Мафузе. Февзи же был удивлен, узнав, что и она была в парке, но ее увела от карателей молодая русская соседка, тоже пришедшая на гулянье.

Несмотря на то, что Февзи узнал много печального и оскорбительного, он чувствовал себя счастливым в окружении своих соплеменников. И только когда оглядывался вокруг, он ощущал болезненный толчок в груди от сознания того, что народ его обитает на чужой во всех отношениях земле, под чужим небом. Он вспоминал, как в бытность в лагере его старший товарищ профессор Афуз-заде говорил:

- Когда я смотрю на карту и вижу ту даль, куда забросили мой народ, тот далекий от наших гор, от нашего моря, от наших песен и легенд чужой край, то у меня сжимается сердце. Для крымчан здесь и воздух жидок, и вода солоня...

Приехал Энвер с женой и ребенком. В тот же вечер устроили малый кош-кельды гостю из Ленинграда.

И в субботний вечер посидели уже с приглашенными старыми друзьями Февзи. Все они были на митинге в городском саду и все пострадали от солдат в той или иной степени. Разговор шел и об этой ничем не спровоцированной расправе с народом, и о набирающем силу национальном Движении. Когда гости разошлись, тетушка Мафузе начала разговор, который Февзи ожидал и к которому был готов.

- Февзи, ты, конечно, живешь в Крыму – это большое счастье. Но ты там один, сынок. Тебе не надоело жить в одиночестве? Тебе уже пора жениться и дать счастье какой-нибудь девушке из нашего народа, - так говорила тетушка Мафузе.

- Да, я хотел бы найти здесь себе невесту, - отвечал Февзи. – Я давно мечтаю создать семью и жить с ней на родине.

Тетушка Мафузе и до неожиданного приезда Февзи уже присматривала для своего названного сына невесту, и теперь пришло время реализовать тот или иной из продуманных проектов.

Таким вот образом на завтра же пришли к Мафузе будто бы невзначай гости из соседнего поселка - тетушка Урие и Рамазан-агъа, и с ними их девятнадцатилетняя дочь.

Конечно же, последовали объятия женщин, возгласы, что, мол, «дети растут, а мы стареем», ну и тому подобное.

- А это, познакомьтесь, мой племянник из Ленинграда, - представила гостям молодого человека Мафузе.

И опять расспросы, как это из Ленинграда и вдруг оказался здесь, откуда родом родители, живы ли, здоровы ли? К счастью, не на все вопросы принято было сразу же давать исчерпывающий ответ, не то эта первая фаза знакомства затянулась бы на многие часы.

Февзи с некоторым смущением глядел на красивую девушку, которая протянула ему, знакомясь, руку:

- Люда!

Февзи тоже назвал себя, однако его покорило оттого, что девушка не назвала себя тем именем, которое ей дали родители, а заменила его русскоязычным «эквивалентом». И сейчас же последовало замечание Мафузе:

- Айыптыр, акыз, анань-бабань берген адынъдан инкяр этме! Стыдно, милая, не отрекайся от дабного родителями имени!

И обратилась к Февзи, по-татарски, конечно:

- Ее имя Лютфие! Татарское имя!

- Ана шай, Мафузечигим, ойле бу балалар! Рус адларыны алалар озьлерине! Вот так, дорогая Мафузе, такие теперь дети! Присваивают себе русские имена!

И Рамазан-агъа тоже недовольно хмыкнул.

Девушка смутилась, дернула обидчиво плечами и быстро вышла в другую комнату.

Мафузе сделала знак родителям девушки, что ладно, дескать, замнем, и начала расспрашивать о жите-бытье.

- Сун, биз корюшмегенден берли не олду, не кечти? Ну, что нового с тех пор, как мы не виделись?

Февзи вышел в соседнюю комнату вслед за девушкой.

- Чем вы занимаетесь? Еще в школе учиться? – спросил он.

- Нет, я через год заканчиваю медицинское училище, - отвечала девушка.

- О! Молодой специалист, значит! – неловкий этот разговор молодые люди вели на русском языке.

Наступила пауза. Потом Февзи, засмеявшись, сказал по-татарски:

- Давайте говорить на своем языке, а то старшие опять замечание сделают.

- А вы говорите по-татарски? – спросила девушка.

- Да, хотя в последние годы мало общаюсь с нашими, - отвечал Февзи.

Опять помолчали. Потом девушка произнесла:

- Простите меня, Февзи-агъа. Мне будет неловко, если вы меня будете называть «Людой». Конечно, меня зовут Лютфие.

- А меня все зовут Февзи, и в Ленинграде, и в Крыму, - засмеялся молодой человек, увидевший в этом извинении девушки признак установление некоторых доверительных отношений. Прошло всего несколько минут их знакомства, а Февзи уже был увлечен своей новой знакомой. Да и то сказать – слегка скуластое лицо с большими черными глазами отличалось той спокойной красотой, которая свойственна умным, уверенным в себе девушкам, и которые, хотелось бы надеяться, не обманут и не предадут. Ростом Лютфие была, пожалуй, на голову ниже высокого и стройного Февзи, который, когда девушка резко повернувшись уходила от замечаний взрослых, обратил внимание на те достоинства, которые привлекают достаточно опытный взгляд молодого человека – стройные ножки, в меру крутые бедра...

Февзи пробыл в Чирчике всего пять дней. За это время он съездил вместе с Лютфие в Ташкент, где девушка взяла на себя роль гида. Потом Февзи приобрел без трудностей

билет на авиарейс в Симферополь, до поры не раскрывая девушке факт своего проживания в Крыму. Вечером пошли в Театр оперы и балета.

Этих пяти дней хватило, чтобы некто неизвестный настроил маляву в милицию, что приехал в Чирчик «в связи с известными событиями» крымский татарин, проживающий в Ленинграде - доносчик не знал, что Февзи работает в Крыму. Может быть, этот неизвестный даже сидел за столом, когда созвали гостей на субботний «кош-кельды».

Зависть, желание выслужиться, страх, дурная наследственность – вот обстоятельства, вовлекающие крымского татарина в сексоты.

Из милиции донос передали в городской отдел госбезопасности.

А Февзи уже приземлился в Симферополе. По той причине, что билеты даже на самолет в те годы продавали без предъявления паспорта, отыскать след появившегося и убившего крымского татарина оказалось делом не легким. Решило областное чекистское начальство послать соответствующую ксиву в Питер.

В Ленинграде проверили законность прописки Февзи и не нашли нарушений. Но тот факт, что оказался в числе жителей города не занесенный в особые списки крымский татарин, обеспокоил и разозлил работников госбезопасности. «Какую бы подлянку сотворить этому татарину?» - размышляли чекисты славного города на Неве. Но времена несколько изменились все же.

- Да-а! – печально протянул чекист. – Прежде бы без всяких церемоний лишили бы этого гражданина права проживать в больших городах. А теперь, вот, и выгнать из Ленинграда не можем!

- Да, царь Никитка все! Но погоди, скоро все изменится! – его товарищ был полон оптимизма.

Тем не менее, оставался испытанный способ навредить Февзи. Из городского управления госбезопасности послали запрос в Первый отдел и оттуда пришли сведения на начальника экспедиционной базы в городе Старый Крым не содержащие компромата.

Узнав, что к тому же этот прописанный в Ленинграде крымский татарин работает на базе в Крыму, чекисты ужаснулись.

Их ужас достиг кульминации, когда они раскопали, что Февзи отсидел в тюрьме и был освобожден по амнистии, но реабилитацию не получил.

Несколько успокоились нервы у бдительных чекистов установивших, что категория бывших зеков, к которой принадлежал Февзи, подлежит реабилитации. Но предлагать Февзи написать просьбу о реабилитации разозленные чекисты не стали.

Они вообще не сочли нужным приглашать в свою контору этого татарина, а посоветовали начальнику Первого отдела принять меры по увольнению его.

- Известное во всем мире учреждение не место для представителя неблагонадежной нации, - так они говорили у себя в Большом доме на Литейном проспекте. Своим же людям в Первом отделе чекисты из городского управления посоветовали неспешно действовать по линии профсоюзной организации.

Но Февзи узнал о готовящейся провокации заблаговременно.

О том ему сказал, как это не покажется удивительным, сам начальник отдела кадров Дмитрий Дмитриевич, полковник в отставке, не чета тому неумному московскому коллеге, который преследовал Камилла. Дим Димыч, как называли ленинградского отставника за глаза, а некоторые и при общении, был мужчина лет шестидесяти, небольшого роста, но все еще от природы ловкий и сильный. Эти его природные физические качества, цепкость и прагматичность привели его однажды в ряды НКВД, в тот его специальный отряд, который охранял вождей компартии. В свое время состоял Дим Димыч в личной охране Сталина. Как уж он дослужился до полковника, кого и сколько, может быть, заложил или даже погубил – у чекиста не спрашивай, не скажет. Но почему-то между завкадрами и бывшим зеком Февзи сложились хорошие отношения. Когда у Февзи было какое-нибудь дело в отделе кадров, то он шел, минуя инспекторов, прямо в кабинет к Дим Димычу, порой засиживался там, слушая рассказы старого

полковника о любопытных ситуациях, происходивших при несении службы по обеспечению безопасности вождя всех народов. Даже просто описание того, как, например, приезжал Сталин на свою любимую дачу на озере Рица, Февзи слушал с интересом. Февзи поначалу задумывался, с чего это полковник КГБ добр и внимателен к нему, не скрывается ли за этим какая-нибудь провокация или намерение вербовки. Потом настороженность у бывшего зека спала, ибо никаких подозрительных акций не последовало. Вполне возможно, что начальник отдела кадров знал биографию крымского татарина Февзи, может свои добрым отношением он просто держал его в поле зрения – не знаю, ибо не обучался в школе КГБ и не знаком с богатым арсеналом чекистских схем.

Так вот Дим Димыч в один из плановых приездов Февзи в Археологический отдел остановил его в коридоре и сказал, что корневая контора просекла кое-что о начальнике старокрымской экспедиции и будет настоятельно советовать руководству освободить его от должности под предлогом каких-нибудь должностных нарушений.

- Вам это нужно, Февзи? - улыбнулся Дим Димыч. – Так что приготовьте плацдарм для отступления и уходите по собственному желанию.

Старый полковник обращался «на вы» даже к молодым лаборантам.

- Заниматься вашим делом будут товарищи из парткома и профкома,- добавил он. – Конечно, вы понимаете, что эта информация строго конфиденциальная.

Несколько обескураженный Февзи кивнул головой и, пожав Дим Димычу руку, вышел из здания.

Около часа он ходил по набережной Невы, обдумывая ситуацию. Безусловно, что его прямой начальник Володя ничего не знает о предстоящих кадровых изменениях в экспедиции. В парткоме и в профкоме, понятное дело, сидели все на подбор бесталанные карьеристы, которые готовы носом землю рыть. Володю проинформируют в последнюю очередь, так как знают о его дружеских отношениях с Февзи.

Февзи трезво оценивал обстановку. В его прежних планах на первом месте стояла задача поступления в заочную аспирантуру, продолжая выгодную во всех отношениях работу в старокрымской экспедиции. Затем он собирался приобрести в Старом Крыму собственное жилище и, сыграв свадьбу в Чирчике, привезти в дом молодую хозяйку. Но теперь, после того, как он узнал, что над его головой сгущаются тучи, от мысли об аспирантуре приходилось отказаться, что он и сделал без особых сожалений.

Вернувшись в Крым, он поспешил недорого купить в предгорьях – уже не в Старом Крыму, где он был на виду! - небольшой домик с участком земли, в чем ему, якобы родившемуся в Ленинграде и ныне проживающему там же, никаких препятствий местные власти не чинили. Что с того, что имя и фамилия не славянские? Таких в Союзе две трети от всего населения, хотя в публикуемых результатах переписей приводятся иные сведения.

В конце сезона полевых работ хитрый татарин приехал в Ленинград, выписался, из олеговой квартиры и, вернувшись в Крым, прописался в своем новом «поместье» - никаких следов крымского татарина в его паспорте не было, так что и трудностей пока не ожидалось.

А занесшие его в свой черный список ленинградские кагебисты все еще негодовали, что не могут немедленно выслать этого крымского татарина из Питера.

Глава 7.

Однажды воскресным утром в квартире Камилла раздался телефонный звонок. В трубке зазвучал неуверенный девичий голос. Услышанное Камиллом было не понятно в деталях, но ясно по сути: кто-то дал девушке из Крыма телефон «Кямиль-ага», и она надеялась, что он поможет ей найти мать и отца, которых два дня назад милиционеры

увезли куда-то, а она спряталась у соседки, которая позвонила куда нужно и девочке пришлось убежать от прибывшей милиции через огород в соседний двор, где живут греки.

- Моего папу зовут Фуат... Нас уже несколько раз выселяли... Папу и маму арестовали...

- Приезжайте и спокойно все расскажете, - ответил Камилл, когда девушка, которая боялась, наверное, прервать свое нескладное повествование, сделала небольшую паузу, чтобы вдохнуть в легкие воздуха. – Запишите адрес... Нет, подъезжайте к станции метро... - Камилл назвал станцию и попросил собеседницу повторить. - Так. Я вас буду ждать через полчаса у первого от центра вагона. Это понятно? Во что вы одеты? Хорошо. На мне будет серая пуховая куртка, в руках свернутая газета...

...Фуат, которого вывезли из Крыма в пятнадцатилетнем возрасте, последние годы копил деньги на покупку жилья в родной деревне. В узбекском городе Алмалыке у него был построенный своими руками дом, обставленный хорошей мебелью, с хорошим телевизором - работал Фуат шофером и умел левачить. Но, решив, что пришла пора перебираться на родину, он не хотел полностью порывать с Алмалыком, где он рос, обучился ремеслу, где женился и родил сына и дочь. Не хотел он полностью порывать с этим городком не потому, что тот стал ему второй родиной – родина только одна! – а потому, что знал то, что знали все крымские татары: в Крыму их не прописывают, а купленные дома отбирают. Так что алмалыковский обжитой дом был для него тыловым плацдармом, откуда он собирался, если не повезет с первого раза устроиться в Крыму, совершать методические набеги на Полуостров. Был конец февраля, когда он приехал в Крым и добрался до родной деревни. Людей, желающих продать дом, оказалось хоть пруд пруди! Но дома были какие-то некрепкие, в один кирпич, построенные когда-то для переселяемых сюда русских людей из далеких областей. В его же родовом доме расположилась контора, а другие татарские дома из желтого ракушечника, которые могут простоять хоть триста лет, поселившиеся в них люди продавать не собирались. Хотел уж купить Фуат «переселенческий» дом, да назавтра вызвал его председатель колхоза и по-доброму разъяснил, что, несмотря на Указ Верховного Совета, крымская областная власть пригрозила тем руководителям, которые будут у себя прописывать татар, исключением из рядов коммунистической партии.

- Не могу я тебя принять в колхоз, я должен сообщить о тебе в органы, понимаешь? Милиция тебя не пропишет, Мишка с твоими деньгами смеется, а у тебя дом отберут. Что будешь делать? – говорил председатель.

Это потом уж, когда власти понаберутся опыта с также понабравшими опыт крымскими татарами, такие откровенные разговоры станут невозможными, а тогда Фуат проникся искренностью председателя, который посоветовал ему вот что:

- Ты попробуй купить дом не на колхозной земле, а в каком-нибудь городке. Там тоже будет трудности, но там, может, сумеешь свое право отстоять.

Плохо разбираясь в то время в таких вопросах, Фуат отложил назначенную сделку, чем очень огорчил Михаила, который собирался уехать, наконец, на свою родную рязанскую землю, откуда его сманили пятнадцать лет назад в этот «солнечный Крым». Фуат же поехал по адресу, которым запасся в Узбекистане, к бывшему карасубазарскому татарину, который купил дом в Старом Крыму и, хотя прописку не получил, но как-то держался.

Ремзи, который уже имел опыт борьбы с «оккупационными властями», как он не вполне уважительно к системе выражался, показал гостю целый список жителей, мечтающих продать дома и уехать на свою родину. На следующий же день Фуат в сопровождении нового знакомого отправился по некоторым адресам. Хозяева домов встречали потенциальных покупателей как вестников новой жизни. Действительно, за сумму, полученную от татарина они могли приобрести у себя в родной деревне, покинутой по глупости пятнадцать - двадцать лет назад, солидное строение, а в придачу еще «москвича» или даже «жигуля». До внезапного появления в Крыму татар надежды на

продажу домов практически не было, а возникшую сейчас возможность жестко обрубали местные власти. Тем не менее, татары рисковали покупать, а мечтающие вернуться на родину русские продавали дома вопреки запугиванию со стороны местной администрации и милиции.

По цене и по месторасположению Фуату приглянулся двор, расположенный неподалеку от жилища Ремзи. Приземистый домик в две комнатки с сенями соседствовал с пристройкой, используемой как кладовая, в дальнем углу двора был загон для овец и небольшой курятник. И главное - было достаточно места для возведения нового дома, для огорода и для посадки новых деревьев.

- Все, покупаю! Будем соседями! - сказал он Ремзи и на следующий же день поехал с хозяином в райцентр, где нотариально оформил покупку.

Дальше все было как всегда. В паспортном отделе милиции вопреки существующему положению прописывать владельца в его доме отказались. Почему?

- А вы нигде не работаете, нам тунеядцев здесь не нужно.

Пошел татарин устраиваться на работу:

- А у вас прописки нет! - такой ответ получал он и в соседнем совхозе, и во всех ближних колхозах, изнывающих, между прочим, от недостатка шоферов, трактористов, ремонтников. Однако у руководителей страх перед органами безопасности был сильнее долга перед хозяйством.

Как сотни семей по всему Крыму решил и Фуат жить в своем доме без прописки - гори она голубым огнем! Через неделю приехала жена Хафизе с дочкой, привезла матрацы и одеяла. Сын, который проходил срочную службу в Советской Армии, дал родителям телеграмму с поздравлением. Вскоре прибыл из Алмалыка контейнер с простой мебелью - гардероб, деревянные кровати да диван, и семья перешла с походного образа жизни на более или менее цивилизованный.

Как описать чувства человека, обретшего свой дом на отчей земле, откуда он ребенком был изгнан и о которой думал каждый день, каждый час всю свою жизнь! Не один год возделывали Фуат и его жена огород на участке вокруг алмалыкского дома, а сейчас довелось им очищать и подготавливать землю под запоздавшие весенние посадки в родном Крыму - впервые в жизни! Здесь земля была своей, родной, пропитанной потом многих сотен поколений предков. Вонзать в нее острие лопаты, мять ее в пальцах, нюхать ее, даже пробовать ее на вкус - все это доставляла не только душе, но и телу необыкновенную радость. Провозившиеся целый день на этой земле мужчина и женщина ощущали особый вид усталости, когда душа молодеет, улыбка не сходит с губ. Фуат в те часы, когда оставался во дворе один, выходил в огород и ложился на землю, прикладывал к ней ухо, и ему казалось, что он слышит голоса своих родителей, своих дедов и бабушек. «Машалла, Фуатчыгым! Къардашларыньы хорчаладынъ, бабанъы дженктен кельгенини кординъ, ве бугун энди ватанымызгъа къайттынъ, огълум!» - это был голос матери, умершей от азиатской болезни летом сорок четвертого. «Афферим, оглум, энди ватанындан вазгечмессин!» - это был голос его отца, который вернулся в Узбекистан с фронта в сорок пятом году, когда Фуат жил впроголодь в тесном бараке с двумя сестренками восьми и двенадцати лет и работал тачечником на шахте. Отец, потомственный виноградарь, мечтавший хоть когда-нибудь вернуться в Крым и умереть на своей земле, погиб в случившейся на шахте аварии еще в те годы, когда крымский татарин не мог покинуть границы административного района, указанного в его заменяющем паспорт листочке.

И еще слышал Фуат вперемежку звучащие голоса дальних предков, предрекающие ему и его потомкам счастливую жизнь на родном Полуострове на все будущие времена, и одна фраза четко выделялась в нестройном хоре - «Кош кельдинъ Ватаныньа, эвляд!»

(Перевод фраз: «Хвала тебе, Фуат! Ты сумел сохранить сестричек, дождался вернувшегося с войны отца, а нынче уже вернулся на родину!»; «Молодец, сынок, теперь уже ты родину не покинешь!»; «Добро пожаловать на родину, чадо!»).

Ни один крымский татарин не сомневался в предстоящем счастливом будущем на земле своих предков. Но сегодня трудности шли одна за другой.

Сразу же возникла серьезная проблема у десятиклассницы Алиме: ее не принимали в школу. Но девочка твердо решила заканчивать школьное обучение на родине.

- Нет прописки, значит, не положено! - задыхаясь от одышки кричала директор школы, не стесняясь присутствия своих молчащих коллег.

После неоднократного посещения Фуатом районного отдела народного образования, дочке разрешили посещать уроки, не зачисляя ее в ученицы официально.

- Все равно вашу семью скоро выгонят из Крыма, - с прелестной улыбкой говорила Фуату молодая и красивая чиновница, давшая такое милостивое разрешение. – Ладно, пусть доучивается, уже до конца учебного года недолго ждать.

Девочку в классе приняли хорошо. Но через пару недель директриса была обеспокоена тем, что Алиме прочно вписалась в ученический коллектив благодаря своему веселому нраву и хорошей успеваемости. Не поленилась товарищ директор и посетила на дому нескольких родителей, в политической благонадежности которых она была уверена. Им она поведала, что по попустительству районного отдела образования в школу была допущена крымская татарка, не имеющая прописки в Крыму. В ответ на испуганный возглас благонадежных родителей «Ах! Как так?», директриса горестно кивала головой – вот так, мол, притупилась большевистская бдительность у некоторых наших работников.

- Поэтому, - говорила директриса-большевичка, - убедите своего ребенка не дружить с представительницей преступной нации, а разоблачать ее попытки войти в доверие к нашим замечательным советским десятиклассникам.

Не каждое из чад предупрежденных родителей приняло к руководству указание бдительной директрисы, а те, кто стал распространять среди соучеников информацию о зловещих планах девушки по имени Алиме, не добились никакого успеха.

Алиме успешно закончила десятый класс, на выпускном вечере погуляла, а аттестат ей не дали.

Директриса школы по наглomu воровала из небогатого школьного бюджета, а, кроме того, брала взятки - это всем было известно. Вот она и выслуживалась перед районными управлениями милиции и КГБ.

Да, аттестат зрелости девушка не получила, а вот когда она после окончания школы обратилась с некоторым опозданием в милицию с просьбой выдать ей паспорт, – шестнадцать лет уже давно исполнилось! - то паспорт ей дали, не стали отсылать в Узбекистан. Но паспорт тот был без прописки, чистый. Вот, мол, у нас гражданские права соблюдаются, по достижении должного возраста советская власть даже крымской татарке паспорт выдает.

Тут советская власть уподобилась растрепанной пьяной женщине, со спущенными чулками, обмочившейся, но глядя в вытащенное из кармана зеркальце криво-косо намазывающей помадой губы – комильфо, блин.

Поначалу Фуат не менее раза в неделю посещал районный отдел милиции и райсовет с требованием прописать его и семью в законно купленном доме.

- Дом куплен незаконно, вы запугали его хозяина и заставили его продать свое жилье! - так заявил однажды ему начальник районного отдела внутренних дел. После этого разговора Фуат перестал ездить в райцентр.

В РОВД, однако, о нем не забыли, и по прошествии нескольких дней ему пришла повестка с требованием явиться в паспортный стол. Там Фуат услышал требование немедленно покинуть Крым.

- Иначе мы привлечем тебя к ответственности как нарушителя паспортного режима, - заявил усатый майор. - Вот, подпишись, что ты предупрежден.

Фуат по неопытности подписал подsunутую ему бумагу, но это было в первый и последний раз. В дальнейшем он, как и тысячи других крымских татар, не подписывал подсовываемые ему в милиции или в КГБ бумаги, основывая свой отказ на незаконности и антиконституционности предъявляемых требований. Крымские власти тоже поначалу не знали, как поступать с упорно не желающими добровольно покидать - подумать только, как они непослушны! - свои дома татарами. Но вскоре тактика была разработана, и законных хозяев законно купленных домов стали силой выселять и вывозить за пределы Полуострова.

Но этот день для семьи Фуата пока еще не наступил. Его еще не раз вызывали в РОВД, и он являлся в паспортный стол. Потом он дважды игнорировал приглашения, но беспокойство росло. Между тем лето подходило к осени, с позднего огорода был собран какой-то урожай. Что сулила вернувшейся на родину семье зима?

В селе, примыкающем к Старому Крыму, жил Шамиль, прописанный «по запарке», нечаянно - бывало и такое в первые дни после Указа от 9-го сентября шестьдесят седьмого года, подлого Указа, фактически закрепляющего запрет на возвращение коренного населения Полуострова на родину.

Шамиль, хотя и был в числе тех нескольких десятков счастливицков, которые имели прописку на родине, не разрывал связи с товарищами по национальному Движению, принимал участие в большинстве проводимых мероприятиях. В свое время, как большинство татарских юношей его возраста, он не имел возможности окончить школу и получить среднее образование. Это поколение крымских татар стремилось обучиться ремеслу шоферов, трактористов, механиков, чтобы начать работать и кормить оставшихся в живых родных. Шамиль был опытным ремонтником и его, прописанного, с радостью взяли работать на колхозную машинотракторную станцию. Рослый и жилистый, немногословный он сразу завоевал авторитет среди новых товарищей по работе, так что попытки районных гебистов интриговать против него не увенчались успехом.

Как-то августовским вечером заехал Шамиль к Фуату, а тот только что получил очередную повестку и раздумывал, скрыть ее от жены или показать ей и наутро ехать в райцентр.

- Ну, что загрустил, в первый раз, что ли? - пытался растормошить приятеля Шамиль, который был старше Фуата лет на пять, и до Узбекистана побывал еще в трудармии на Урале, прошел через все муки ада, потеряв почти всех родственников.

Фуат молча стал готовить кофе для гостя.

- Знаешь что, - Шамиль снял с головы кепку и, опустив пятерню в густую черную шевелюру, почесал макушку. - Знаешь что, давай с утра возьмем с собой Керима, он живет недалеко, и поедем в Симферополь. Там назначен большой сбор, где будет рассматриваться тактика нашего поведения в Крыму.

Утром пораньше, как и договаривались, Фуат пришел к Шамилю.

- Ты уже завтракал? - осведомился Шамиль, когда жена принесла гостю чашечку кофе. - и, получив утвердительный ответ, сказал: - Сейчас заедем к Кериму, потом вернемся и еще попьем чайку.

И пошел заводить свой «жигуль».

Керим, ровесник Фуата, тоже приехал в Крым весной, помытарствовал, пытаясь приобрести жилище в Симферополе или в Евпатории, потом купил по наводке одного из ранее приехавших дом на окраине Старого Крыма и, естественно, не получил прописки. Он жил в доме один, перевозить семью пока не собирался. Энергичный спортивный мужчина, он соорудил, вкопав в землю два столба, турничок, приобрел гантели, и пытался наладить привычный образ жизни. Кроме привычного он занялся и непривычным: завел огород, посадив под шефским наблюдением Шамиля помидоры, огурцы, зелень - все, что положено, короче говоря.

Позже для приработка, по подсказке того же Шамиля, посадил луковицы тюльпанов и сдал цветы оптом посредникам, которые возили их аж в холодную Карелию. Кроме того,

купил Керим пару овец, которых местный пастух уводил от его дома каждое утро, а с трудом получившая короткий летний отпуск жена посетила, наконец, мужа-отшельника и завела в хозяйстве кур.

Надо сразу же сказать, что Керим был доктором медицинских наук, в Узбекистане работал заведующим кафедрой в областном медицинском институте. Он был очень обрадован приезду земляков и выбежал за ворота на улицу, едва услышав сигнал шамилевой «шестерки». В невысоком улыбающемся сорокалетнем мужчине с обгоревшем на солнце лицом нельзя было заподозрить ценимого коллегами и пациентами известного кардиолога.

Он не раздумывая, принял предложение ехать в Симферополь. Дело было еще и в том, что за лето он подавал уже не в первый раз документы на конкурсы в разные медицинские учреждения Крыма, но все напрасно. Недавно один старый приятель Керима по докторантуре в Московском институте усовершенствования врачей, осведомленный о его трудностях, написал письмо, в котором сообщил, что заведующий одной из клиник известной симферопольской больницы может взять его, профессора, на должность дежурного врача. Он собирался ехать в столицу Полуострова, и подвернувшийся случай был очень кстати.

Вернулись к дому Шамиля, где их ждала трапеза на дорожку – женщины нажарили оладий и подали их отъезжающим с медом и чаем. Отказавшись от предложенного кофе – время уж к десяти часам! – мужчины вышли за ворота к машине.

- Хорошо Шамилю, он здесь с семьей, - грустно произнес Керим и обернулся к Фуату. – А ты как, своих уже перевез?

- Да, - ответил Фуат. – Сын в армии, а со мной жена и дочь.

Шамиль, уже включивший было зажигание, почему-то вдруг заглушил мотор и задумчиво посмотрел на заднее сиденье, где расположился Керим. Потом вышел из машины и обернулся к дому.

- Сервер! - крикнул он старшему сыну, - Сервер, принеси ящик яблок.

- Зачем, папа? - откликнулся вышедший на зов отца юноша. - Возьмите лучше в сумку груш.

- Э-э, сынок, груши это для нас, а яблоки для милиции, если остановят. Груши тоже давай.

- Что, здесь гаишники взятку натурой берут? - засмеялся Фуат.

- Нет, гаишники везде берут деньгами, - отвечал Шамиль. - Яблоки чтобы обдурить их, если спросят, зачем в Симферополь еду. Будь уверен, на дорогах сейчас контроль - так всегда бывает, когда мы начинаем проявлять активность. Откуда только узнают? Неужели среди нас так много доносчиков?

- Много не нужно, достаточно одного осведомленного мерзавца, - заметил Фуат.

Килограммов на двадцать ящик поставили на свободное место на заднем сиденье.

- Теперь поехали, - Шамиль сел в машину и захлопнул дверцу. - Теперь есть, что на уши ментам вешать.

Значительную часть пути проехали без приключений. Но в центре поселка Золотое Поле машину остановил офицер ГАИ. Шамиль вышел из машины и подошел к гаишнику, которого хорошо знал, но тот в этот раз даже не козырнул, как это предписывалось, водителю остановленной машины. Рядом с гаишником вдруг оказались два автоматчика и неспешно приближался некто в штатском.

- Куда едете, - спросил офицер, взяв в руки права, протянутые ему водителем «шестерки».

- В Симферополь еду, товарищ начальник, - миролюбиво отвечал Шамиль, который уже оценил ситуацию, - на рынок. Яблоки, вот, хочу продать.

- Яблоки... А в машине кто?

- Гости ко мне приехали.

Тот, который в штатском, подошел и взял в руки автомобильные права.

- Паспорт есть? - спросил он.

- Конечно, есть, - Шамиль достал, усмехнувшись, паспорт и раскрыл его на странице, где стоял штамп о прописке.

- Вы знаете, что если органы сочтут необходимым, то, как дали вам прописку, так и отберут? - грубо произнес человек в штатском.

Шамиль имел свойство быстро закипать.

- Нет, не знаю, - недавняя подчеркнутая вежливость Шамиля разом покинула его. - Я знаю, что прописки лишают только по приговору суда. Кто вы такой, представьтесь, пожалуйста.

- Будет и приговор, если понадобится, - зло изрек человек, проигнорировав требование представиться, и обратился к сидящим в машине мужчинам: - А ваши паспорта?

Те, чтобы зря не осложнять ситуацию, без слов протянули свои книжицы. Штатский заглянул на страницу с записью о прописке.

- Почему без прописки по стране шляетесь! - вдруг возопил он.

- Потихе, гражданин! - спокойно ответил Керим. - Мы из Узбекистана выписались и приехали на свою родину в Крым, собираемся здесь жить. Какие претензии? Между прочим, назовите себя, кто вы такой?

Штатский с нескрываемой злобой посмотрел на светловолосого и веснушчатого татарина, но взял себя в руки и смолчал. Ему было трудно, очень трудно сдерживать себя, у него поднималось давление. Однако этот белокрысы татарин, похоже, из интеллигентов, а они опасны тем, что могут все достоверно накарябать на бумаге и передать иностранным журналистам - во времена настали! Бросив короткий взгляд в сторону гаишника, он отошел. Перед постом была поставлена одна задача - не допускать проезда татар в Симферополь, иначе он приказал бы этих наглых националистов отвезти в кутузку, там бы разобрались. Ишь, родина им нужна! Монгольская пустыня ваша родина, предатели проклятые! От сдерживаемой злости у штатского даже лицо распухло. Жили без этих татар, горя не знали! Надо было их тогда, в сорок четвертом, всех расстрелять, как немцы евреев! Гуманность проявили, гнеби их мать!

Автоматчики стояли неподвижно, безучастно глядя на участников беседы.

- Все, поезжайте назад! - без каких-либо дальнейших объяснений приказал гаишник и махнул рукой в сторону, откуда подъехала «шестерка».

- Почему это? - возмутился было Шамиль, - объясните, в чем дело? Почему я не могу ехать в Симферополь?

- В Симферополь проезд закрыт, - так же нетерпеливо произнес офицер

- Дайте разъяснения, - потребовал татарин. - Там что, наводнение, землетрясение или эпидемия?

- Поезжайте назад, мой вам совет, - гаишник оглянулся на автоматчиков и один из них приблизился к машине. - Вся трасса закрыта для проезда.

Как раз в это время мимо проехала «Волга», остановить которую гаишник даже не попытался - они тут знают всех владельцев машин.

- А вот..., - начал Шамиль, но вдруг осекся. - Ладно, нельзя, так нельзя.

Он сел в машину, развернул ее и поехал назад.

Пассажиры его молча сидели во время его перепалки с вооруженными представителями советской власти. Теперь же догадливый Фуат спросил:

- Ты, что, партизанские тропы знаешь?

- Ага, - кратко подтвердил Шамиль. Никто в машине не засмеялся, все сидели оскорбленные, недоумевающие.

Шамиль всегда пробивался через заградотряды...

В сквере в центре Симферополя собрались татары. Когда там появился Шамиль со своими товарищами, как раз молодой парень в клетчатой рубашке рассказывал о том, что отправившаяся в Москву делегация крымских татар не находит поддержки у властей.

- Мы думали, что московские власти на нашей стороне, что они будут обеспокоены тем, что в Крыму не исполняется Указ Верховного Совета. А оказалось, что с самого начала это был обман! Представляете, ватандашлар, обман на самом высоком уровне!

- Значит, они нас боятся! - выкрикнул один из присутствовавших, и все согласно приняли это мнение.

- Да, боятся и нас, и международную общественность боятся, которая нас поддерживает. Они хотели весь мир обмануть, но мы разослали по многим адресам разоблачающую информацию. Теперь будем собирать информацию по Крыму. Друзья, сообщайте обо всех нарушениях законности нашим уполномоченным людям, старайтесь запоминать фамилии тех должностных лиц, которые участвуют в мероприятиях против татар. Борьба продолжается! - горячо говорил приехавший из столицы парень, который был одним из организаторов митинга.

- А, может быть, сейчас только и начинается настоящая борьба - громко сказал Фуат под всеобщее одобрение.

Среди людей, собравшихся на площади, ходил мужчина и записывал имена и адреса земляков, купивших в Крыму дом и живущих без прописки.

- Мы должны отслеживать все случаи противоправных действий властей и знать, кто из наших в очередной раз подвергается насилию, - повторил он Фуату, то, что говорил оратор, записав в тетрадку адрес купленного дома, и добавил: - Для себя запишите адреса наших активистов, к которым нужно будет обратиться в случае необходимости.

Между тем в центре собравшихся оказался молодой интеллигентного вида мужчина..

- Баггышланъыз, ватандашлар, мен русча айткъанда фикиримни айныкъ ача билирим, - начал он. - Прошу меня простить, земляки, но по-русски я смогу точнее выразить свою мысль.

И дальше он говорил по-русски, включая в речь отдельные татарские выражения:

- Почему здешние русские озверели? - говорил он. - Почему они так враждебны к нам? Я думаю, что они родились нормальными, человечными. Но много лет в Крыму велась разнузданная антитатарская пропаганда, нас называли предателями, хотя никто не мог сказать, кого или чего мы предали. Нас обвиняли в том, что мы продали немцам Крым, но какими деньгами шел расчет, оккупационными марками или советскими бумажками с изображением Ленина, и где сейчас эти деньги – никто не знает. Вы смеетесь, смешно, конечно. Но эти обвинения здешние жители предъявляют нам всерьез, ведь этими идиотскими измышлениями полны были газеты и разные книжонки. Имейте в виду, народ здесь темный, их понавозили из российской глубинки, они там не могли устроить свою жизнь, и здесь прозябают. И всю злость за свое тяжелое существование вымещают на татарах.

Тут пожилой мужчина, стоящий рядом с говорившим, подал голос:

- Здесь еще много отставных военных, которые все понимают, но которым выгодно поддерживать антитатарскую пропаганду.

- Да, именно из среды этих отставников, получивших в Крыму лучшие дома и земли, выходят идеологи антитатарской кампании. Это изошренные в своей злобе люди, но тоже не все, разумеется. Я сейчас говорю об основной массе заселивших Крым после нашего выселения людей. Товарищи, аркадашлар, их надо понять! Они запуганы властями, им говорили, что татары чуть ли не черти рогатые. Они живут в наших старых домах и больше всего боятся, что мы потребуем свои жилища назад. Надо, аркадашлар, терпимо относиться к этим людям, разъяснять на словах и своими поступками доказывать, что мы им не враги...

- Им ничего не докажешь! - раздался голос из толпы. - Мы им не враги, они нам враги!

- Ничего подобного! - возразил другой. - Я, вот, живу без прописки уже почти год, мой сосед русский мне сочувствует, ищет способа помочь. Лякин оны элинден кельген шей ёк, от него ничего не зависит.

- Это, наверное, из старых наших русских, - заметил еще один. - Наши русские все нам сочувствуют.

- Да нет, - был ответ. - Этот мой сосед приехал в Крым в сорок шестом по оргнабору, тоже много мучился...

- Короче говоря, - опять перехватил разговор прежний выступающий, - не надо на их враждебность отвечать тем же. Давайте будем разьяснять им ситуацию, рассказывать о нашей прежней жизни здесь. Эти люди тоже жертвы сталинского режима, в их душах поселена злость. Давайте будем к ним добры...

- Кто он такой, - спросил Фуат о выступавшем у Шамиля.

- Точно не знаю, кажется, из Ташкента, - был ответ.

Фуат умом понимал правоту ташкентца, но сердцем - нет! Он вспомнил, как на улице в райцентре незнакомый ему немолодой русский человек кричал:

- Всех татар надо было не в солнечный Узбекистан, а в тундру выслать, чтобы они там все замерзли!

Как только таких людей земля носит?

Речь держал теперь другой человек, тоже молодой, интеллигентного вида, хорошо одетый.

- Ненавистники татар в Крыму надеются выиграть за счет проигрыша татар. Что они желают выиграть - им и самим не вполне ясно, но они добиваются унижения татар. А на самом деле население Полуострова может выиграть хорошую жизнь только в единстве, а не в противостоянии. Тем более что война, объявленная русскими шовинистами коренному населению Крыма, исторически обречена - это обстоятельство, к сожалению, колонизаторы не всегда понимают...

- Дайте мне сказать! – на импровизированную трибуну влез мужчина лет сорока, в промасленных брюках и в такой же рубаше с закатанными рукавами.

- Извините меня, - произнес он, заправляя рубашу, - я не успел заехать домой, работаю нелегально на ремонте автомашин на окраине Симферополя. Я купил дом недалеко от Белогорска...

- Карасубазара! – крикнул кто-то из толпы.

- Да, Карасубазара, да!! Не прописывают, потому что не берут на работу, на работу не берут, потому что не прописывают. Богъа не дерлер? Как это называется? Издевательство, конечно! Я простой рабочий, за хорошую работу имел благодарности. Служил в армии, был там секретарем комсомольской организации. Отец мой погиб в Отечественную войну, защищал Советский Союз. А меня не прописывают на моей родине!

Другой молодой мужчина, на этот раз аккуратно одетый, сменил авторемонтника.

- Я техник-стоматолог, в Узбекистане хорошо зарабатывал. Тойгъан еринъ ватан дегиль, догъгъан еринъ ватан дейлер. Говорят, что родина не там, где ты сыт, а там, где ты родился. Надо внести поправку – родина там, где родились твои предки. Родился я осенью сорок четвертого в Дальверзине, но я не кошка, чтобы считать своим домом место, где я вырос. У всех у нас один дом, одна родина – Крым! А меня уже два раза выселяли из купленных домов, а дома сносили бульдозерами. Сейчас я купил третий...

Толпа зашумела: - О-о! Ого!

- А что? - засмеялся молодой мужчина (говорил он по-русски). – Я не женат, один. Я покупал маленькие недорогие домики. Мне главное зацепиться. Вообще Белогорское, то есть, извините, Карасубазарское..., нет, все же Белогорское, гниби иху мать, кагебе самое злбное...

- А! Ну да! Ты других не знаешь! Они везде такие! – раздалось в толпе.

- Да, наверное. Недавно начальник районного кагебе опять вызывал, грозил арестовать и дать срок. И нагло мне говорит: «Обращайся куда угодно, хоть в Москву, никто тебе не поможет. Мы делаем то, что Москва приказывает».

Толпа слушала и глухо волновалась, и каждый чувствовал в себе силу десятерых.

Еще несколько человек рассказали о своих бедах, и от каждого такого рассказа болело сердце.

- Ты обрати внимание, - негромко обратился Керим к стоявшему рядом Фуату, - почти все говорят по-русски. Среди своих говорим на чужом языке! А?

И произнес он этот упрек тоже на русском языке.

Фуат подумал, что и малообразованные, и получившие образование в институтах люди плохо знают свой родной язык - это было горьким наследием депортации. И еще с удовлетворением думал он, что несмотря ни на что вызрело новое поколение умных и образованных людей среди его несчастного народа. Сам он в ссылке только выживал и воспитывал младших сестер, сейчас уже окончивших медицинский институт. Только на курсах шоферов и довелось ему самому учиться...

Яблоки, которые предназначалось вешать на уши ментам, Фуат выставил на всеобщее съедение и люди на несколько минут расслабились.

- Мустафаны якъинда кене де къапаттылар, - вдруг произнес ташкентец. - Мустафу недавно опять арестовали.

- Сволочи! На этот раз какое обвинение предъявили? - со злостью спросил стоматолог.

- Обвинение на суде предъявят. Но люди говорят, что Мустафа публично где-то сказал, что в Советском Союзе нет ни одной крымскотатарской школы.

- А разве есть? - тот, который из Карасубазара, растерянно оглянул товарищей.

- Нет, конечно! Чего ты удивляешься? Одного моего знакомого посадили за то, что он говорил кому-то, что в сорок четвертом году татар выселили из Крыма.

Фуат вспомнил то, что слышал от Февзи.

- Один мой друг рассказывал, что в лагере с ним сидел один старый человек, которого обвинили в том, что он неправильно понял выселение татар из Крыма, - включился он в разговор. - А как правильно будет понимать?

- Совсем обнаглела советская власть! Благодарить ее за выселение и гибель людей, что ли?

Никак не могли многострадальные крымчане привыкнуть к такому бесстыдному цинизму!

- Нет, эта власть с такими принципами долго не протянет, - негромко проговорил Керим, разнервничавшийся как и все остальные. - Изнутри развалится. И тридцати лет не пройдет...

- По новой арестовывают и наших инициативников, и тех, кто нас поддерживает, - продолжал ташкентец. - Слышали, что генерала Григоренко еще в мае арестовали? Недавно еще других людей в Москве взяли.

- Да, про Григоренко знаем, - отозвались те, которые регулярно слушали зарубежное радио. - Молодец генерал! Настоящий человек!

Вдруг все время молчавший парень лет тридцати с болезненной гримасой на бледном лице хронического геморойщика истерично воскликнул:

- Зачем нам эти генералы! Когда наш народ умирал от голода все эти генералы и академики государственные пайки получали, мясо и масло жрали!

На несколько секунд воцарилась изумленная тишина. Фуат выразительно посмотрел на Керима:

- Теперь понимаешь, как власти узнают о наших мероприятиях? - негромко проговорил он.

Едва сдерживаясь, Керим, как мог спокойно задал вопрос, заранее предполагая, каков будет ответ:

- А ты что предлагаешь?

Глупый геморойщик воодушевился прикованным к нему вниманием.

- Не надо нам общаться с этими предателями! - выкрикнул он. - Родная советская власть сама восстановит справедливость. Если мы будем общаться с этими генералами и

академиками, то только ухудшим свое положение! Крым наша своя проблема, обращаться к другим нациям нам не нужно!

Такая аргументация этого платного агитатора была ожидаема.

- Ах ты, сукин сын! Гони провокатора! – раздались возгласы.

Стоявший рядом с геморойщиком немолодой мужчина некультурно пнул его ногой по заднице.

- Джойтыл, копек огълу копеек! Вон, сукин сын!

Геморойщик, потирая задницу, отошел в сторону, но не уходил. Тогда здоровый молодой парень подошел к нему и что-то серьезное сказал. Геморойщик постоял еще несколько минут и удалился.

- За оплатой своего труда пошел, - произнес кто-то.

Все недобро засмеялись.

- Кто-нибудь его знает? – спросил Керим. – Откуда он?

- Да крутится среди нас второй уже день, - ответил ему ташкентец. - Говорил, что из Янги-Юля приехал.

- Я его знаю, - крикнул парень, который вытаскивал геморойщика. – Он не из Янги-Юля, это Якуб из Беговата. Шпиён и доносчик! Его наши инициативники давно знают.

- Что же ты раньше нам не сказал? – сердито спросил РР.

- Так я вчера вечером только из Кировского приехал, его здесь увидел. Хотел сказать, да как-то...

- Вот так все мы со шпионами как-то, - недовольно проворчал немолодой, интеллигентного вида мужчина. – А надо их публично выявлять и позорить.

В это время в сквере появилась толпа человек в двадцать и сгрудилась возле памятника писателю-чекисту Тренину. Очень быстро эти пикетчики развернули плакаты и начали что-то выкрикивать. Прежде, чем татары разобрались в выкриках, они прочли тексты, с профессиональной аккуратностью выписанные на полотнищах: «Не допустим татаризации Крыма!», «Татары, ваша родина Монголия!», «Крым – исконная русская земля!». В толпе татар началось веселье.

- Ишь, как быстро отреагировали! Молодцы! – смеялся один.

- Да ты посмотри, как художественно все написано! Они приготовились заранее...

- Все равно молодцы! А тексты, смотри, какие!

Тут выдвинулся один из пикетчиков, держащий в руках большой плакат с надписью «Екатерина II освободила Крым, а мы его не сдадим!».

- У-у, мерзавец! – раздались возмущенные возгласы среди татар.

Керим рассмеялся и громко произнес:

- От кого освободила – понятно. Но кого освободила?

Не все присутствующие поняли сарказм, и Керим счел нужным добавить:

- Русский генерал Суворов в 1778 году погнал крымских христиан, греков и армян, всех до единого за пределы Крыма. Так кого же Россия в Крыму освободила?

Среди татар мог бы возникнуть разговор на эту не всем известную тему, но пикетчики стали что-то громко кричать. Татары прислушались к выкрикам. Антитатарские демонстранты поочередно скандировали:

- Татары, убирайтесь в Азию! Крым русская земля!

Они разгорячились и уже визжали, перебивая друг друга:

- Вон из Крыма! Слава Сталину! Вас всех надо было в сорок четвертом году расстрелять!

Настроение татар стало быстро портиться. Количественно противостоящих было поровну, но неподалеку молча наблюдали за происходящим сосредоточенные молодчики, которые дожидались, что татары не выдержат и полезут в драку.

- Акайлар! – громко произнес Ферат из под Феодосии. – Сакъын къавгъа башламанъыз! Оларны макъсадлары шудыр! (Мужики, не ввязывайтесь в потасовку! Они только того и ждут!).

Техник-стоматолог из Карасубазара отбежал в сторону и стал фотографировать беснующихся пришельцев. Затем вернулся к своим, быстренько вытащил пленку и передал Кериму.

- Спрячь.

Потом так же ловко заправил новую кассету и вновь стал щелкать затвором, стараясь запечатлеть и тех, кто стоял вдали под деревьями.

Пришельцев выводило из себя созерцательное спокойствие татар, которые молча слушали их уже чуть ли не матерщину. На самом деле спокойствие татар было только внешнее, обусловленное пониманием ситуации. Они не могли так вот взять и уйти, чтобы не слышать оскорблений и стояли побледневшие, играя желваками. Вдруг доселе молчавший высокий мускулистый парень не выдержал и, выдвинувшись к сразу же замолчавшей толпе организованных крикунов, стал нервно кричать:

- Вы ошалевшие от халявы горлопаны! Присвоили наше имущество, наши дома, наши земли - все вам мало! Нас, потомков тавров и скифов, вы в монгольские степи посылаете? Поглядите на свои ряды – вот где выставлены монгольские гены! Не удивительно – четыреста лет были под монголами, которые имели вас в хвост и гриву!

В толпе, сгрудившейся вокруг памятника писателю, возникло замешательство. Плакаты с руганью в адрес татар заколебались, их держатели стали призывно оглядываться в сторону стоящих под деревьями наблюдателей в штатском. Но те повода для нападения на татар пока не видели, выкрикивания парня до них явственно не доходили.

- Эй, Ахтем, - негромко, но требовательно окрикнул товарища осторожничающий Ферат. – Оставь их. Они отработывают плату, в твоих словах они не разбираются.

- Ничего, - жестко произнес Шамиль, - пусть послушают и другим передадут.

- Они все про себя знают, - заметил Керим. – Как же, ведь живут в наших домах, нашим имуществом пользуются. Вор всегда знает, что он вор.

- Вы нас ненавидите, как вор домовник ненавидит вернувшегося в дом владельца, - продолжал горячо говорить Ахтем. И много такого же справедливого выкрикнул он в растерянню слушающую толпу пришельцев. Те, наконец, сориентировались и громче прежнего, заглушая голос Ахтема, стали орать:

- Монголы, вон из Крыма! Монголы, вон из Крыма!

Но услышанное от Ахтема осталось в их памяти, не воздействуя, однако, на их совесть.

Выступление Ахтема было очень уместным. Теперь после того, как преодолевшие растерянность пикетчики вновь перешли на ругань, наступил момент, когда татары могли, сохранив достоинство, со смехом удалиться, что и было сделано. И пока они не разошлись небольшими группами, наблюдатели в штатском следовали за ними.

Шамиль подвез Керима к больнице имени Семашко и вместе с Фуатом остался в машине дожидаться. Керим вернулся довольно быстро. Заведующий клиникой смущенно объяснил коллеге, что он говорил с руководством, которое категорически запретило ему принимать на работу крымского татарина, пусть хоть и высококвалифицированного специалиста с профессорским званием. Смущение заведующего клиникой, доцента, было столь велико, что он проводил Керима на улицу до самой ожидавшей его машины не снимая белого халата, нарушив тем самым принятый порядок.

- Ладно, хрен с ними! – подвел итог Фуат. – Давай, Шамиль, рули к моему родственнику Асану на Киевскую улицу, он здесь уже два года живет в квартире, купленной на имя русской жены.

- О-о! Какие у тебя, оказывается, родственники! – Шамиль действительно был удивлен.

- Ага. Только сделай остановку у гастронома...

Глава 8.

В свою бытность в Узбекистане, Керим принадлежал к числу самых известных республиканских кардиологов. Относясь по своему психологическому складу к людям, полностью отдающим себя выбранной профессии, Керим поначалу, когда он после защиты в Москве докторской диссертации вернулся в Узбекистан, всю свою амбициозность направлял на успешную профессиональную деятельность. Он стал профессором, потом его избрали заведующим кафедрой. Все эти ступени он проходил благодаря своей высокой специальной подготовке.

Отношение его к всенародному движению крымчан было взволнованным, но в значительной мере отстраненным. Он, конечно, подписывал обращения к властям, давал деньги на деятельность инициативных групп, но не больше – Аллах ему судья.

Вообще молодой профессор был человеком общительным, и если это не было помехой его работе, то охотно принимал участие в компаниях со старыми друзьями или с коллегами на работе. Поэтому, наверное, в «высших сферах» институтской элиты было решено приобщить становившегося известным в медицинских кругах всей страны Керима к этой самой элите – такие успешные как он люди могут оказаться полезными во внешних связях группы. Так было решено избрать его в профсоюзный комитет института.

«Ни с того, ни с чего» - подумал Керим, но потом понял: приобщают.

Он, пораздумав, уразумел, что, оказавшись на этом выборном посту можно на нем закрепиться и двинуться дальше уже в дружной полукриминальной когорте руководства родного института. А можно и не прийти ко двору и в дальнейшем не иметь шансов на карьеру, а, напротив, находиться в кризисной зоне. Чтобы закрепиться, надо было для начала сделать несколько неформальных визитов к ректору, показать тем самым, что доверие оценил и готов оправдать. Надо было выпить разок-другой с парторгом института, но не на общем празднике, а тет-а-тет. С профоргом, непосредственным начальником, в близкие отношения не вступать, дабы сразу означить свои более высокие амбиции, а тем самым и большую преданность высшему институтскому братству.

Только и всего, большого ума не надо! Но Кериму это все было на фиг не нужно!

Не прельщала его такого рода карьера. Взаимная поддержка профессионально слабых и жуликоватых функционеров советской системы дала бы ему, после вступления в ряды компартии, путь к местам, где к хлебу дают еще и красную икру. Но ему нужна была благодарность поднятых им на ноги больных людей, нужно было уважение и почитание коллег из других городов и даже стран, ему нужна была любовь его студентов и ассистентов – вот по пути какой карьеры он шел! А что касается икры и других деликатесов, то можно и без них обойтись.

С трудом удалось ему, ссылаясь на занятость с пациентами и аспирантами, отклонить («временно», как он сказал) настойчивое предложение вступить в партию. После этого на следующий год он не был переизбран в профком. Через два года предстояло переизбираться на должность заведующего кафедрой, успешность такого переизбрания после «антипартийного» демарша нашего профессора становилось проблематичной. Активизировался всепроникающий Комитет. Керим это понимал, но он надеялся, что из высшего сообщества специалистов-кардиологов его вывести не смогут никакие тайные силы – не те были времена. Оставаясь профессором кафедры, - а звание профессора дается пожизненно, - он мог с не меньшим успехом продолжать свою деятельность.

Два года прошли, и Керим вновь был переизбран на должность завкафедрой. Конечно, члены институтской элиты в этом вопросе не обошлись без консультации в республиканском министерстве здравоохранения, где наш Керим имел всемерную поддержку – республика нуждалась в нем. Министерская консультация взяла верх над «комитетскими» желаниями принизить положение этого выскочившего в верха крымского татарина.

Керим всегда сам добивался успеха и сам выкарабкивался из срывов, которые всегда бывают в реальной жизни. Министерская поддержка была очевидной, и очень деликатно и мягко Кериму дали знать, что он теперь несет обязательства перед высшими инстанциями.

Свободной же личности, каковой себя считал Керим, не нужны бесспорные обязательства. Свободный человек не желает ни корпоративной, ни индивидуальной подчиненности, и он не подчиняет себе других – только в рамках штатного расписания. Керим с неудовольствием ждал, когда к нему поступят неприятные предложения.

Случилось так, что Энвер-агъа, родственник Керима, написал в ЦК КПСС и в Министерство обороны письмо:

«Я с сорокового года в Красной Армии. Прошел войну с первого дня до последнего, освобождал Варшаву, Будапешт, Вену, где и встретил день Победы в звании артиллерийского полковника. Воевал я неплохо, о чем могут свидетельствовать мои боевые награды (список прилагается). После демобилизации в 45 году я нашел мать и отца, слава богу, живых, в Самаркандской области Узбекистана, куда они, родители трех ушедших на Великую Отечественную войну сыновей, были насильственно высланы в 44 году. Два моих брата не вернулись с войны – один погиб под Сталино в 41 году, другой под Берлином во время штурма Зееловских высот. Я по прибытии в Узбекистан был взят под комендантский надзор, и каждый месяц ходил отмечаться, как какой-нибудь преступник. Ко мне в последующие годы власти всех уровней относились с недоверием, как к неполноценному гражданину, но у меня нервы крепкие и совесть чиста – я все это перенес с достоинством. Работал я механиком на автобазе, женился и вырастил двух дочерей, которые сейчас отлично учатся в университете. Так что я имею все основания считать себя честным и полезным для общества человеком. Я думаю, что советской власти нет оснований отказать мне в праве приобрести дом в моей родной деревне в Крыму, но в праве жить в Крыму мне отказали местные власти Крымской области, выслав меня за пределы области под конвоем. Я член Коммунистической партии с осени 41 года, полковник в отставке. С этим письмом я обращаюсь к высшему партийному органу и в Министерство обороны – разрешите мне приобрести дом в Крыму».

Письмо полковника в отставке было переправлено из Министерства обороны в Самарканд, в областной военкомат, откуда он получил стандартный ответ, в котором указывалось, что вопросы прописки в Крыму решает местная власть. Из ЦК КПСС тоже пришел ответ (надо признать, что при советской власти заявитель всегда получал какую-то отписку). В нескольких строках этого ответа отправитель уведомлялся, что «ЦК КПСС вопросами прописки граждан не занимается», далее был приписан совет обратиться в соответствующие инстанции Крымской области Украинской Советской Социалистической республики. Энвер-агъа с этим ответом опять полетел в Симферополь, хотя знал наверняка, что положительного результата не будет – просто хотел знать, чем заканчивать свой разговор на эту тему с друзьями и знакомыми. Конечно же, его опять поперли из Крыма. Именно о таком финале рассказывал Энвер-агъа своим землякам и добавлял, что надо всем объединяться во всенародном движении.

И молодой родственник его Керим, уважаемый в республике профессор медицины, тогда же решил, что в ближайшее время он покинет Узбекистан и поедет в Крым, чего бы это ему не стоило – Керима оскорбляла мысль, что там, наверху, считают его запуганным человеком, ради достаточно высокого общественного положения на чужбине отвернувшегося от своей отчей земли.

Ну не мог Керим вынести этой мысли!

Теперь он стал больше времени проводить со своими земляками, общаясь и с активистами Движения и с безразличными – были и такие. Если раньше он просто отмечал в памяти таких личностей, которые, зарабатывая честно или не очень, прожигали жизнь в кутежах, то теперь он обозначал свое отношение к таким типам или

прекращением общения или сдержанным – все же интеллигент, профессор – речевым отпором. Так происходящие вокруг него события, среди которых были и значительные и вовсе незначительные, но знаковые, вдруг изменили его характер, сделав его непримиримым к нелогичным поступкам и заявлениям, особенно касающимся его народа.

Прежде всего, надо отметить появившееся у него понимание того, что позиция «каждый должен заниматься своим делом» в условиях национального кризиса сродни трусливому уходу если и не в команду противников своего народа, то в толпу «без роду и племени».

И вот Керим узнал, что советская власть принимает меры к заселению Крыма нетатарским населением, затрачивая на это огромные средства из бюджета. Это обстоятельство добавило возмущения в душу Керима. Сунулся было наш профессор в одну из инициативных групп, но был шокирован междоусобицей там происходящей, и решил действовать в одиночку. А что может сделать человек, не желающий долгих разговоров? Он может сразу взять и поехать на жительство в Крым. Как, между прочим, и поступило большинство крымских татар.

И Керим не стал ждать, а, удивив всех уволился, чтобы сжечь мосты назад, и, прихватив часть сбережений, поехал в Крым. Снял внаем комнату у старой женщины в Симферополе, адрес которой дал ему один знакомый, и занялся поиском работы. В первую очередь пришел в мединститут, зашел к ректору и предъявил свои дипломы и трудовую книжку. Когда ректор узнал, что перед ним крымский татарин, он сразу изменился в лице и спросил, прописан ли тот в Крыму. Керим ответил, что собирается купить в городе или на окраине жилье, ректор холодно ответил, что тогда, мол, и приходите. И встал, показывая, что посетитель может быть свободным.

Этот визит в медицинский институт был первым экспериментальным подтверждением существования тех запретов для татар, о которых Керим знал теоретически. До этого в глубине души он полагал, что статус профессора дает ему некоторые привилегии и право на уважительное отношение к себе. Тем не менее, Керим не был обескуражен. Он решил, что в таком городе, как Евпатория, где множество различных санаториев, он имеет шанс найти себе в той или иной степени приличествующую своему статусу работу.

На следующий день Керим поехал в Евпаторию.

Нет смысла описывать в подробностях хождения профессора-кардиолога по санаториям Евпатории. Его везде поначалу приветствовали с улыбкой, но каждый раз, как только главный врач узнавал, что перед ним крымский татарин, тотчас же следовал ответ, что в настоящий момент вакансий нет.

Со временем, почти отказавшись от попыток устроиться в медицине, наш профессор-кардиолог стал огородничать в Старом Крыму.

Это случилось так.

Однажды на центральной улице Симферополя Керима окликнули по-татарски. Он остановился и увидел, что с противоположного тротуара перебегают дорогу двое мужчин, в одном из которых он узнал бывшего своего сотрудника по институту Бекира, который с полгода назад уволился вроде бы безо всякой причины.

- Керим-ага, и ты в Крыму? Вот не ожидал! – Бекир радостно пожимал руку своему бывшему руководителю.

Керим напустил на себя невозмутимость.

- В том, что я в Крыму нет ничего удивительного, - произнес он. – А ты что здесь делаешь?

Хотя вопрос был риторическим. Керим теперь понял, почему Бекир так неожиданно и без объяснений покинул институт.

- Так я дом в Крыму купил! – радостно ответил Бекир. – Вот, познакомься, это мой двоюродный брат Ирфан. Мы с ним вместе один дом купили...

- И вместе ходим без работы, - добавил Ирфан.

- Как это без работы? – Керим удивился. – Бекир, ты же дипломированный врач, как это ты работу не можешь найти?

- Э-э, Керим-ага, ты, значит, недавно в Крыму! Нам удалось в Советском районе домик купить, повезло с пропиской, а на работу по специальности устроиться не можем. Я врач, Ирфан инженер-строитель. В Крыму недостаток специалистов, а нас, как татар, на работу не берут. Еще и угрожают прописки лишить, ты представляешь?

Тут профессор признался, что и он не может найти себе работу.

- Но я к тому же и бездомный, - добавил он.

- Есть недорогой и замечательный домик в Старом Крыму! – воскликнул Бекир. – Хозяин спит и мечтает продать дом татарину, чтобы самому уехать к себе в Россию.

Сразу же на машине Бекира поехали в Старый Крым и на завтра уже Керим нотариально оформил покупку дома.

Вот так зацепился наш профессор за древнюю землю Солхата.

Он и после покупки дома еще ездил по многочисленным здравницам Крыма, предлагая свои услуги хотя бы в качестве рядового врача – благо, что расстояния на Полуострове невелики. Мало того, что его предложения отвергались, с ним еще и разговаривали грубо, оскорбляли его. В Узбекистане, его, окончившего докторантуру в Москве, ценили как одного из лучших республиканских кардиологов, в вопросах подготовки специалистов прислушивались к его мнению, редкое совещание в министерстве здравоохранения республики обходилось без него. Здесь же, в Крыму, где уровень работников был намного ниже, чем в Узбекистане, он, высококлассный специалист, оказался не нужен, более того - ему угрожали тюремным сроком за проживание в своем, законно купленном доме. Как раз накануне к нему приезжал милицейский лейтенант и, обращаясь на «ты», запугивал, требуя покинуть Крым.

Поскольку Керим, живя в Узбекистане, не участвовал в Движении, он не имел опыта общения с милицией и КГБ, где только так, хамски, и общались с активистами, которые, надо сказать, не оставались в долгу. Керим знал, на что идет, переехав на родину, но все же иногда настроение у него сильно портилось.

- Не печалься, Керим, - успокаивал товарища Шамиль, - тут со всеми нашими так. Вот Фуат у нас, его запугивают, а он не боится.

- А я разве их боюсь? – темпераментно возражал Керим. – Обидно очень, что так нагло милиция себя с нами ведет. Я для них не самостоятельный солидный человек, а бродяга, преступник. Недоучки всякие оскорбляют, пугают, матерят... Я решил, что пойду под суд, под расстрел, - что хотите! - но не покину Крым, а если силой выселят, то буду возвращаться, пока хватит сил переставлять ноги...

Шамиль подумал, что специалистам, которые в Узбекистане были на высокой работе, пользовались там уважением, труднее переносить беспредел крымских властей, чем простым работягам, которых везде привычно шпыняли. Но Кериму было трудно еще и потому, что он проживал в своем доме один, без семьи.

- Да, тебе здесь нелегко, - вздыхнул Шамиль, и решил про себя, что живущим в окрестности татарам надо чаще посещать Керима – мало ли чего.

Случались в жизни Керима, как и в жизни любого человека, такие ситуации, в которых он выглядел не лучшим образом, и ему оставалось молча признать свою неправоту. Такое случилось, когда он однажды в гостях с обидой стал рассказывать, что его родственник Энвер, полковник в отставке, прошедший всю войну и награжденный орденами и медалями, не получил разрешения купить дом в Крыму. Когда он закончил свою взволнованную и возмущенную речь, на несколько секунд наступила тишина, потом стал говорить один из присутствующих по имени Рефик.

- Здесь в Старом Крыму недавно проживал один человек по имени Амет-агъа – спокойным голосом начал Рефик, и ниже следует его рассказ.

Амет-агъа, офицер, кавалер множества боевых орденов и медалей, приехал на родину и купил в Старом Крыму маленький дом и жил в нем с женой и дочерью, злостно нарушая тем самым советские порядки - никто из них не был прописан. Дважды их вывозили за пределы Крыма, дважды они возвращались, срывали пломбы и ломали чужие замки на дверях своего дома. Власть советская собиралась уже арестовывать ветерана войны, к тому же и члена компартии, чтобы судил его советский суд, самый справедливый на свете, за нарушение паспортного режима, о чем ветеран был предупрежден. Но вот к юбилейной дате сражения на плацдарме Малая Земля, что под Новороссийском, стали по всему Советскому Союзу выискивать воевавших на этом плацдарме воинов, оставшихся к тому времени в живых. И надо же, чтобы подвергаемый шантажу и унижениям орденосец Амет-агъа, все сведения о котором имелись в управлении госбезопасности, оказался единственным во всем районе участником боев на Малой Земле! Местные власти были очень обрадованы, но полному их счастью мешало то, что был этот воин крымским татарин, коего высшие инстанции государства запрещали прописывать на Полуострове. Госбезопасность и милиция не могли теперь просто без всякого взять и прописать этого татарина. Чтобы не стал этот случай прецедентом, надо было обставить его процедурой, публично демонстрирующей принадлежность этого человека к «очень хорошим» татарам, подчеркивая, тем самым, что все остальные «очень плохие» и посему на милость властей им рассчитывать не приходится. Приехал в домишко к нашему «малоземельцу» сам глава района в сопровождении того самого кагебиста, который еще неделю назад материл старого ветерана войны. С ясной улыбкой на устах глава района в присутствии полковника КГБ, молча, но благосклонно смотрящим в глаза еще недавно оскорбляемого им человека, говорил ветерану:

- Вы напишите просьбу, чтобы прописали вас в купленном доме как участника боев на Малой Земле! Я гарантирую вам, что ваша просьба будет исполнена!

Амет-агъа нахмурился и спросил:

- А если я попрошу прописать меня просто как гражданина, купившего здесь дом, моя просьба будет удовлетворена?

- Нет, нет! – воскликнул наивный глава района, а кагебист уже понял, куда клонит этот татарин. – Нет, нет! Вы укажите, что вы воевали на Малой Земле! Ни каких доказательств прилагать не надо, мы все уже проверили!

- А мой сосед Алимов, который вообще не воевал, потому что ему тогда было шесть лет, тоже будет прописан в купленном им доме? – спросил Амет-агъа.

- Почему это он должен быть тоже прописан? – искренне удивился глава района.

В разговор вмешался кагебист, который все окончательно понял. Он разъяснил в привычном с этими татарами стиле беседы, что если желает Амет-агъа быть прописанным, пусть выполняет то, что ему велели. Не хочет - вольному воля.

- Я такой же гражданин Советского Союза, как и другие, не могущие получить прописку в Крыму татары, и как русский Сергеев, который купил дом на соседней улице и сразу получил прописку, - как мог спокойно отвечал Амет-агъа. - Предлагаемая вами привилегия оскорбительна для меня как представителя униженного вами народа. Прописывайте всех.

Инициативу взял в свои руки кагебист.

- Если передумаете, приезжайте с просьбой о прописке, но с обязательной ссылкой на Малую Землю. И последний срок - пятница! - жестко заявил он.

Старый ветеран приехал в пятницу в район, но приехал он с двадцатью другими татарами. Все они зашли в райотдел милиции с заявлениями, в которых излагали просьбу прописать их в законно купленных домах. Начальник паспортного стола велел всех выгнать на улицу, предложив оставить заявление только Амету-малоземельцу, на что последовал отказ. Затем начальник паспортного стола позвонил в районное управление госбезопасности, и два офицера долго рассказывали друг другу по телефону, что они думают об этих татарах вообще и об этом малоземельце в частности.

А татары уже стояли на центральной площади райцентра с плакатами в руках, на которых был изложен их протест против отказа прописывать крымских татар в Крыму.

Назавтра приехал к нему инструктор райкома и пригласил поехать с ним в райком партии. Амет-агъа поехал, уже догадываясь о чем будет разговор. Но в тот раз разговора не было, а просто работник райкома записал сведения о том, когда и где он вступил в партию, и велел встать на временный учет.

Через три дня его опять пригласили в кабинет второго секретаря, где уведомили, что он решением бюро райкома исключен из членов КПСС. Амет-агъа не стал выкомариваться, кричать, что он, мол, вступил в партию во время войны в окопах и тому подобное.

- Идите вы со своей КПСС к едреной матери! – заявил он спокойно и вышел.

Он ожидал ареста за оскорбление компартии и ее преданных членов, но его пока что не трогали. Свой партийный билет он из упрямства не сдал:

- В соответствии с уставом райком обязан был пригласить меня и выслушать, - заявил Амет-агъа.

Вот как раз этого выслушивания и опасались районные бонзы.

Вскоре вместе с женой и дочкой его вновь вывезли за пределы Полуострова, а дабы вредному татарину некуда было возвращаться, то дом и все постройки во дворе разрушили бульдозером, огород же заасфальтировали. И это притом, что тротуары городка пребывали в ямах и в промоинах – асфальт был в дефиците.

Амет-агъа после этого приобрел такой же маленький домик в Геническе, откуда вел наблюдение за событиями в Крыму, готовый в любой момент вновь высадиться на родной земле. Сохранил старый солдат честь и достоинство.

- Именно таких людей нужно именовать героями Крыма и ставить им памятники на родине! – этими словами Рефик закончил свой рассказ.

В комнате повисла тишина. Через какое-то время присутствовавший здесь же Шамиль крикнул и вышел. Вслед за ним вышли, нашаривая в карманах сигареты, и другие. Смущенный хозяин дома оставался за столом, за которым сидел растерянный Керим. Наконец и Керим вышел во двор, где, не включая висящую на шесте лампочку, попыхивали в темноте сигаретами остальные мужчины. Увидев Керима, Шамиль протянул ему пачку «Примы».

- Закуришь?

Некурящий Керим взял сигарету, стоящий рядом мужчина чиркнул зажигалкой. Лениво переговариваясь на неопределенную тему мужчины дружно пускали дымы, когда вышла во двор хозяйка дома.

- Чего это вы в темноте стоите? – она чиркнула выключателем и двор осветился стоятидесятиваттной лампой. – Садитесь за стол, ужин готов, сейчас постелю скатерть.

Стол располагался здесь же у обвитого виноградной лозой забора. Прохладный ночной ветерок отнес запах табачного дыма в сторону темных деревьев сада.

В ту ночь Керим долго не мог уснуть. Он думал о том, как важно оказаться среди своих, окунуться в жизнь той части крымчан, которая находится на ударном фронте национальной борьбы за свою родную землю. При всей важности общеполитических мероприятий, проводимых многочисленными лидерами Движения, часто не находящих общей точки зрения и потому пребывающих в перманентном раздоре (обычное для всех стран и эпох состояние теоретиков!), передний фронт борьбы проходил через жизнь простого народа, готового оставить налаженный быт на чужбине и приехать в Крым, где нужно бороться за свои естественные права не с секретными постановлениями ЦК КПСС, не спорить о конституционных правах, не бомбить противников цитатами из классиков марксизма-ленинизма, из исторических трудов, а идти грудью на грудь с конкретным неприятелем, плечом к плечу с женой защищать от пьяных дружинников своих детей,

срывать чужие замки с милицейскими пломбами с дверей своих законно купленных домов... И при этом умудряться выращивать для продажи цветы и помидоры, выпасать овец и бычков.

Керим осознавал себя в трех ипостасях. Высшим своим состоянием он считал состояние обитателя планеты, имеющего право (не политическое и не экономическое, а попросту биологическое) на любую ее часть. Во-вторых, - он гражданин своей страны, где он полноправен политически и экономически. И, наконец, - но не в третью очередь, а как сердцевинная сущность, - он из синтетического племени, нынче именуемого крымскими татарами, объединившего в себе несколько племен, в разное время пришедших на лучший из полуостровов планеты, и слившихся в народ с единым языком, с единым жизненным укладом.

И, тем не менее, он оказался для властей настолько плохим, что она не давала ему возможности работать в должности, где его знания опытного врача были особенно нужны.

«Иди и работай там, где тебе положено быть. Там, в Азии, тебе мы дали возможность стать специалистом

Всё мы тебе там дали, несмотря на то, что ты татарин, из числа прежде проживавших в Крыму».

Если быть татарин^{ом} это вообще плохо, то «татарин, прежде проживавший в Крыму» – это худший из татар!

Глава 9.

...Однако были для Кремля и *хорошие* крымские татары. Были и «*чрезвычайно хорошие*», которым разрешено было проживать даже в Крыму - таких насчитывалось несколько десятков человек, не больше. Потом были «*просто хорошие*» - этим можно было жить по всему Союзу, но только не в Крыму. За ними следовали те, которым предписывалось проживать только в Узбекистане, но они не обязаны были посещать спецкомендатуру – эти уже были «*не очень, но все же хорошие*», не чета всем этим пастухам, учителям и поэтам. Всех хороших не подвергали ежемесячно оскорблению в спецкомендатурах, дети их по достижении шестнадцати лет не становились на учет в комендатуре, а были свободными людьми. Не то, что я и мои друзья, все мы, очень плохие, которым в тот год, когда Красная Армия бежала из Крыма, не было еще и десяти лет. Мы попали под операцию по переселению из Крыма вместе с нашими родными, а по достижении шестнадцати лет уже сами несли наказание за то, что Красная Армия позорно сдала Крым через три месяца после начала войны, а вместе с армией бежали и «хорошие» вместе со своими семьями - едрена мать!.

И стали мы в секретных документах именоваться «*спецконтингентом*».

Нет, конечно, те отцы, дети которых не ходили в спецкомендатуру, не были виновны в том, что власть даровала им такую привилегию, их нельзя за эту привилегию упрекать. Нельзя было требовать от них, чтобы они, воскликнув «Я с моим народом!», демонстративно стали бы посещать комендатуру. Такого не бывает! Хотя...

Хотя об одном таком похожем, даже очень похожем случае выше рассказывал Рефик. Вы прочли рассказ об Амете-малоземельце? Это не выдуманный персонаж, это реальный человек Амет Абдураманов, уроженец знаменитого села Черкез-Кермен, офицер, орденносец, прошедший всю войну с автоматом в руках.

А время, между прочим, брало свое, и появлялись «новые хорошие татары». Эта новая поросль была очень немногочисленна, но она была. Чтобы заслужить благосклонность

властей «новые хорошие» доносили на своих соотечественников, доносили на людей других национальностей, искренне желавших помочь несчастному народу крымских татар. Этим «новым хорошим» власть советская в ипостаси КГБ дала в руки лозунг «Бывшие крымские татары укоренились в Узбекистане!», и несчастные слабаки несли этот лозунг – можно ли такое себе представить? Эти, так сказать, коллаборационисты шли на такую низость ради карьеры в органах власти, ради должностей редакторов газет и журналов, ради денег, в конце концов, или, будучи пойманы за руку в воровстве, ради сохранения своей свободы. Были и такие, которые убедили себя, что, сотрудничая с коммунистической властью, - а это равнозначно сотрудничеству с КГБ! - они проникают в стан противника, получают возможность влиять на него в интересах своего борющегося народа. Над такими больше всего смеялись в кабинетах КГБ, но при встрече с «лазутчиком» делали серьезное лицо и жали руку.

Этих, «новых хороших», было совсем немного, человек двадцать, ну тридцать от силы на весь наш народ. И все равно обидно, что такие среди нас были!

Признаться, у меня было искушение создать идиллическую картину: после 37-го года коммунисты всех народов СССР в полном говне, а наши, крымскотатарские выдвиженцы 37-го года, во всем белом. Однако потом я устыдился – кого хотим обманывать?

Но в условиях бесправного и униженного существования крымских татар на спецпоселении нужно было оказаться полным ничтожеством и моральным самоубийцей, чтобы отречься от несчастья своего народа. Давайте договоримся, что таких среди нас не было, а если и были, то сгинули, покинули наш национальный генофонд, как кемаловы и сеит-ягьяевы.

К коллаборационистам я ни в коей мере не отношу тех, кто вступил в коммунистическую партию ради возможности продолжать работу по специальности - беспартийные не могли перейти через некоторый очень низкий карьерный порог. Я достоверно знаю, например, что в годы правления Брежнева появилось указание не переизбирать по возможности на должности институтских преподавателей граждан, не состоящих в компартии. Если бы все крымские татары отказались бы вступать в компартию, то не выросли бы в нашем народе великолепные хозяйственники, руководители учреждений и предприятий, юристы, профессора - люди всех тех специальностей, на которых категорически было запрещено держать беспартийных!

(Здесь я должен, во избежания кривотолков, заметить, что ни я сам, ни кто-либо из моих ближайших родственников в компартии не состояли!).

Да, нация не может состоять из одних только героев. Героев и не должно быть много, но те, которых Аллах подвигнул на самоотречение, должны быть настоящими, они должны быть окружены верными соратниками и продолжателями, готовыми подхватить знамя борьбы.

Нет, вы только представьте себе пятьсот тысяч одних только героев! Кто же будет землю пахать, помидоры и цветы выращивать, детей учить, людей лечить? – ведь героизм несовместимо с нормальным бытом. За то и принимают герои на себя страдания, чтобы все остальные их соплеменники могли жить не хуже, чем соседние народы. Для того и нужны герои, чтобы возродилась нормальная нация с положительными и отрицательными качествами, как и всякая другая нация. Но, конечно, желательно, чтобы было поменьше отрицательных, а побольше положительных качеств.

Сейчас, когда, по мнению людей планеты, наблюдавших за борьбой крымских татар, напряжение в этой борьбе снизилось, часто приходится слышать слова доброй зависти и

от тех, к кому судьба в середине XX века оказалась милостива, и от тех, кто тоже перенес геноцид. Завидуют нашему единению в борьбе, нашей взаимопомощи, нашей неподатливости перед лицом провокаций вербовщиков из органов безопасности.

Я полагаю, что для такой зависти есть основания!

Подавляющее большинство вынужденных вступить в партию крымских татар готовы были отказаться от партбилета, если бы КГБ пыталось их завербовать, чтобы использовать против Национально-освободительного Движения.

Я подчеркиваю, что моя недоброжелательность относится не к тем, кто вынужден был вступить в компартию, а к тем, кто активно участвовал в пропагандистской кампании, нацеленной на отрыв крымских татар от Крыма! Я акцентирую на этом внимание читателей, дабы недобросовестные люди не настроили против меня некоторых из моих, надеюсь, искренних друзей, которых жизнь заставила в свое время подать заявление с просьбой принять их в КПСС...

Да, имперская практика, выраженная в формуле «разделяй и властвуй» в советской империи обогатилась новыми гнусными гранями. Советская пропаганда внедрила в сознание людей представление о том, что член единственной в стране партии, именуемой коммунистической, лучше просто члена профсоюза не коммуниста, более достоин, чем не члены КПСС, всяческих благ и привилегий. Та же пропаганда внедрила понятие «первый среди равных», относящееся к русскому человеку среди разных нерусских. Будь этот русский человек пьяницей, охальником, недоучкой, выскочкой – он все равно первый, он первым достоин всего, что есть от Москвы до самых до окраин. Абсурдно!

И были среди «первых среди равных» очень первые – это номенклатура! И если человек был когда-то введен в состав управленцев, в состав обличенных доверием вышестоящих партийных органов, то он остается в этой номенклатуре, даже если он человек третьего сорта – спецпереселенец. Кстати, номенклатура по латыни означает «роспись имен», список избранных личностей то есть.

Жизнь строилась не по закону, а по понятиям. Причем понятия партийно-советские были намного бесчестнее, чем у уголовников.

Вот наказали целый этнос – крымскотатарский ли, чеченский ли, калмыцкий ли. Выслали без суда и следствия всех, а потом стали отделять в этом этносе беленьких от черненьких. Член компартии? – использовать на должностях в зависимости от специальности. Бывший очень ответственный работник? – освободить от спецкомендатуры и его, и его детей. Они ни в чем не виноваты. А другие татарчата возрастом от нескольких дней и больше – виноваты. Из-за них, младенцев, германская армия захватила Крым. А младенцы из семей номенклатурщиков не виноваты. И все офицеры и солдаты, прошедшие войну с первого дня до последнего, награжденные орденами, раненные, но выжившие – все виноваты. И всех тех детишек, которые не номенклатурные, у которых отцы пали в сражениях с германскими войсками, как только им исполнится шестнадцать лет, немедленно взять на учет в спецкомендатуры, установить над ними гласный надзор и запретить свободные прогулки в пределах даже одного небольшого города. А если без специального письменного разрешения спецкоменданта на руках вздумают перейти с разрешенного тротуара на противоположный неразрешенный, то ему 20 лет каторги, возраст не помеха. А ровесник этого каторжанина из номенклатурной семьи может хоть сто раз прыгать с одного тротуара на другой. Ну а сам глава номенклатурной семьи должен, конечно, эту милость властей отрабатывать.

Недобрая, грязная, абсурдная ситуация. А вот если бы был правый суд, то осудили бы виновных, тогда бы сын джанкойского пастуха был бы таким же полноправным, как и сын какого-нибудь секретаря райкома, и прыгал бы с тротуара на тротуар без страха. А то ведь раз! – и 20 лет каторги!

Я выше дал перевод слова «номенклатура» с латинского. А каков реальный смысл этого понятия? Не ищите ответа на сей вопрос в изданных при советской власти справочниках и энциклопедиях. Там вы найдете только такое: «номенклатура – перечень названий, употребляемых в какой-либо отрасли науки, техники, искусства» или «перечень счетов, открываемых бухгалтерией предприятия». Не больше и не меньше!

А вот как в 1932 году сформулировал критерий отбора в номенклатуру М. Рютин, секретарь Краснопресненского райкома партии (Москва), расстрелянный в 1937 году: «На партийную работу чаще всего выдвигаются люди бесчестные, хитрые, беспринципные, готовые по приказу начальства десятки раз менять свои убеждения, карьеристы, льстецы и холуи».

Давайте обопремся на слова «чаще всего» и поверим, что крымская номенклатура была за пределами этого «чаще всего». Но все же...

Может кто-то упрекнет Керима, доктора медицинских наук, профессора – столько, мол, времени прошло, достиг в жизни тех рубежей, до которых не доросли дети номенклатурщиков, пора, мол, успокоиться.

А с чего, скажите, забывать такие обиды?

Конечно, к какому-нибудь Велиеву и к его детям обиды быть не может, к ним не может быть никаких претензий. Претензии к советской системе, к компартии – нет срока давности для издевательств над людьми! А Велиев и ему подобные – не они определяли политику компартии, они только служили своим покровителям, чего с них взять.

Да, вправе Керим не забывать, как он вместе с тысячами других малолетних детишек был причислен к преступникам, которые были под гласным жандармским надзором многие годы, которым только в порядке особой милости разрешали после семилетки продолжать учебу в школе. А чтобы поступать в вузы – так до пятьдесят третьего года, когда помер Сталин, редко у кого принимали документы для поступления в институт. И в тюрьму попадали наши ребята только за то, что хотели получить высшее образование. Айдеру, сыну известного народного поэта Якуба Шакир-Али, в год начала войны было десять лет. Он рос сиротой, был выслан в Узбекистан вместе с матерью и старшим братом, выжил, закончил в 1951 году десять классов в городе Янги-Юле, находившемся в 25 километрах от Ташкента. Разрешение на подачу документов в медицинский институт юноша не получил. Он тайно прошел пешком эти 25 километров, скрыв свою национальность подал документы в приемную комиссию, успешно сдал экзамены и стал студентом. Через три месяца доблестные чекисты его выследили и заточили в ташкентскую тюрьму. Из тюрьмы он чудом вышел после смерти Сталина с седой головой. А был бы его отец не поэтом, а номенклатурщиком, то учился бы Айдер в своем институте без проблем.

А мне, в добавление к клейму спецпереселенца носившего еще и клеймо сына «врага народа» (еще бы – отец мой получил срок в двадцать пять лет!), даже и после смерти Сталина не давали разрешения учиться в высшем учебном заведении. Все крымские татары из всех школ городка Янги-Юля получили разрешение, а мне в качестве издеательства республиканское ЧК велела ехать в Каракалпакию, в педагогический институт с узбекским языком обучения...

Глава 10.

То ли были у советской власти некие другие высокие державные дела, то ли местные власти не получали приказа на начало новых репрессий, но пусть и беспокойно, но дожил Фуат с женой и дочкой без выселения до весны.

Крымская земля щедра к трудолюбивым. Успешно продали рано выпустившие бутоны тюльпаны, справились с рассадой помидоров, сняли первый урожай и посадили на освободившиеся грядки картошку.

К осени милиция опять стала проявлять активность. Вскоре вновь начались вызовы в районный отдел и уже более жесткие требования покинуть территорию Крымской области – видно органы теперь не надеялись запугать этого татарина, а принятие карательных мер было только вопросом времени. На третий вызов, между прочим, Фуат не явился. И вот второе лето на родине приблизилось к своему концу.

...В конце ноября к Фуату на дом заявился оперуполномоченный и, не спрашивая у хозяина разрешения, облазил все помещения, весь двор.

- Ну, когда будешь выполнять требование РОВД? - спросил лейтенант мрачно ходившего следом за ним хозяина. – Живешь-то ты в Крыму незаконно.

- Я не собираюсь никуда уезжать, - угрюмо ответил Фуат, - это мой законный дом, это моя законная земля.

- Ну, ну! - добродушно говорил опер, тщательно оглядывая все хозяйство.

Так и уехал без ожидаемых угроз. От жены и дочки Фуат скрыл визит милиционера.

Несколько дней Фуат напряженно ждал следующего шага властей. Но ни новых визитов, ни очередных повесток из района не последовало. Прождав еще немного, не то, чтобы успокоившийся, но не желающий жить в постоянном страхе татарин купил небольшой черно-белый телевизор, о чем давно просила его жена, - сам-то он довольствовался информацией о событиях в мире, доносимой радиоволнами от передатчиков Би-Би-Си и «Голоса Америки». И еще купил он луковицы тюльпанов, израсходовав на эту покупку почти всю свою наличность.

... Камилл и Алиме, дочка Фуата, шли от метро пешком, и девушка рассказывала о событиях последних дней.

- Я была на заднем дворе, - рассказывала Алиме, - когда в железные ворота с улицы стали колотить ногами. Я побежала к дому, но увидевший меня отец махнул мне рукой – спрячься, мол. Я опять вернулась на огород и спряталась за туалетом, скрытно наблюдая за событиями. Отец открыл калитку и во двор ворвались с руганью человек десять и среди них двое в милицейской форме. Отца затолкали в дом, оттуда послышался крик матери. Я кинулась было им на помощь, но услышала громкий голос отца, кричавшего мне по-татарски:

- Сакъланып отур! Сонъ эмдженье кетерсин!

Эти гады думали, наверное, что отец мой ругается, а он мне велел прятаться и потом поехать к дяде, который жил в Симферополе.

Я с трудом заставила себя остаться в моем убежище, потому что поняла возникшую в создавшихся условиях передо мной задачу, о чем мы не раз говорили в семье: наладить связь с нашими людьми и дать огласку произошедшему незаконному выселению.

Тем временем пьяные дружинники под руководством офицера и сержанта милиции вывели моих родителей на улицу, отобрали у отца ключ и закрыли ворота. Я то и дело слышала, как опер орал:

- Дочь где? Куда свою Алиме спрятали?

Дурак, на такие вопросы ответов не дают...

Когда машина увезла моих родителей неизвестно куда, я вышла из укрытия и подошла к дому. Дверь была заперта, но я легко открыла окно и забралась в комнаты. Осмотрев вещи, я убедилась, что родителям взять с собой ничего не разрешили. Это означало, и я это уже знала из рассказов других наших земляков, что их не выслали, а арестовали, а опись вещей и опечатывание дома произведут, наверное, позже. Деньги и документы хранились у Шамиль-агъа, который был в Крыму прописан и поэтому считалось, что его положение более прочное, чем у таких как мы. Впрочем, с татарами в Крыму могли совершить какое угодно беззаконие, но все же. Я не стала заходить к Шамилю-агъа, там могла быть засада. У меня были спрятаны кое-какие деньги, которых вполне хватало, чтобы добраться в Симферополь. Я оделась потеплее и вышла во двор. Из-за дощатого забора на меня смотрела соседка баба Дуся.

- Увезли твоих родителей, - скорбно произнесла старая женщина.

- Да, баба Дуся, я видела, я в огороде пряталась, - отвечала я.

- А ты теперь куда? – посочувствовала соседка.

Я почему-то поосторожничала (хотя с соседями отношения у нас были хорошие) и ответила:

- Сейчас в Феодосию к тете своей поеду.

- Ну да, оставаться тебе нельзя, - закивала головой баба Дуся. – Но мой тебе совет, зайди и посиди у меня, а как стемнеет, так и отправишься в путь, а?

Я и сама думала, что в сумерках выйти на трассу, где в одну сторону машины идут в Симферополь, а в другую на Феодосию, безопасней, и перелезла через забор к соседке.

Баба Дуся поставила передо мной блюдо с оладьями и налила в чашку чаю.

- Пей, доченька, отдыхай. А как стемнеет, так и отправишься в Феодосию.

Минут через десять я увидела, как баба Дуся вышла со двора на улицу и повернула направо к другим соседям. Я заподозрила недоброе, выскочила во двор и стала прислушиваться. Дело в том, что на улице телефон был только у тех соседей, к которым пошла бабка Дуся. И я слышу, как моя «спасительница» говорит:

- Настя, позволь мне позвонить, срочно надо!

С чего бы это, да еще и срочно? Я оглянула бабкин двор. Сын ее жил в Симферополе и приезжал иногда по выходным, а летом дети его месяца три жили здесь. Я вспомнила, что внуки бабки летом перекликались со сверстниками с того двора, который выходил на соседнюю улицу и каким-то образом ходили к ним. Я прошла в конец двора и убедилась, что забор там не высок. За забором жила семья греков и, как мне помнилось, собаки у них во дворе не было. Я без труда перелезла через забор и сразу же оказалась лицом к лицу с хозяином. Я не знала что сказать, но дяденька оказался сообразительным.

- Родителей арестовали, да? Заходи, спрячешься у нас.

Тут вышла во двор его жена, которая тоже уже знала о случившемся.

- Пусть девочка побудет у нас, Акакий, - понизив голос сказала она мужу.

- Баба Дуся тоже обещала меня спрятать, а сама побежала звонить в милицию, - отвечала я, поглядывая в сторону закрытых ворот.

Старый грек перехватил мой взгляд.

- Нас ты не бойся, мы сами были выселены из Крыма, все понимаем.

Потом чуть задумался и крикнул жене:

- Принеси мне пиджак, - затем обратился ко мне:

- Лучше я тебя сейчас на машине подальше от Старого Крыма отвезу, чтобы ты не боялась. Куда тебе надо?

Ему я ответила не скрываясь:

- Мне надо в Симферополь.

Дядя Акакий переоделся и открыл дверцу стоявшего во дворе «Москвича»:

- Садись, довезу тебя до судакского автобуса, там тебя искать не будут.

Когда мы выезжали со двора, на участке бабки Дуси началась суматоха – это приехали милиционеры за мной. Дядя Акакий многозначительно посмотрел на меня.

- Я бабке сказала, что собираюсь ехать в Феодосию, - поспешно выговорила я.

- Молодец! – дядя Акакий засмеялся и уже более уверенно повернул машину налево, к выезду на шоссе.

Когда мы добрались до Грушевки, как раз подъехал автобус идущий из Судака в столицу Крыма.

- Деньги у тебя есть? – старый грек полез в карман.

- Есть, дядя Акакий, есть! Спасибо! – радостно крикнула я и побежала к автобусу.

Доехала я до Симферополя без приключений. Утром жена Асана-эмдже тетя Светлана дала мне ваш адрес и телефон, и вот я приехала в Москву.

Так завершила Алиме свой рассказ.

И они как раз подошли к дому Камилла.

Ознакомившись с тем, что произошло с семьей девушки, Камилл начал с того, что написал несколько текстов, с которыми решил обратиться в ведущие газеты Москвы. Уверенности, что такой вариант окажется полезным, практически не было, но это был повод донести до хотя бы небольшого числа журналистов информацию о сегодняшней ситуации с крымскими татарами. С этого и начали. В ближайшие два дня Камилл и Алиме побывали в пяти редакциях газет и еще в редакции журнала «Огонек», где оставили отпечатанные на машинке тексты в секретариатах и в экспедициях – в зависимости от того, был ли вход в редакцию свободным или нет.

У Камилла, как обращавшегося в кругах либеральной московской интеллигенции, были знакомства среди активных борцов за гражданские права, у которых крымские татары, как наиболее страдающий от коммунистических властей этнос, были на особом месте. Камилл отпечатал несколько другие тексты, более обстоятельные и обвиняющие, и, предварительно созвонившись, вечером опять под руку с Алиме посетил три адреса. Разумеется, и этот вариант был мало реален в смысле оказания помощи конкретной татарской семье, но все же была надежда, что информация о злодеяниях советской власти пройдет на Запад. Капля камень долбит.

Забегая вперед скажу, что вернувшуюся вновь в свой дом семью Фуата весной опять выселили и вывезли за пределы Крыма. Но вновь вернулся Фуат с женой и дочкой в свой опечатанный дом и несмотря ни на что стали они возделывать огород. И вдруг их оставили в покое, хотя и не прописывали. А самому Фуату зашедший как бы невзначай милицейский офицер сказал, погрозив пальцем:

- А ты все еще притворяешься малограмотным шофером? – и мило улыбнулся, подлюга.

То ли помогли правозащитники, то ли упрямство татарина Фуата одолело свирепость властей. До поры до времени...

Глава 11.

Камилл практически перестал искать «нормальную» работу, но не по причине того, что прижился в бойлерной, а потому, что понял, что находится в полной безнадёге. Некоторые из его старых знакомых предпринимали попытки повлиять на его судьбу, но на стадии отдела кадров их усилия прерывались. Чтобы не обидеть удрученных товарищей Камилл не отказывался от участия в повторных попытках, но все заканчивалось с неизменным результатом.

Он, в общем-то, внешне спокойно переносил свою отверженность, в частности и потому, что сейчас он общался с такими же, как и он сам безработными высококлассными специалистами. Бойлерная давала какое-то пропитание – то-то, доктор наук, познай, каково «простым людям» в советской стране живется!

Была еще одна причина, по которой он не заклинивался на жалости к себе, отторгнутому официальным научным сообществом. С некоторых пор его упорно занимала мысль о необходимости отыскать продолжение загадочной рукописи, и эта мысль доминировала в его ближайших планах на будущее. В неотступном желании искать рукопись - абсолютно нереальное на трезвый взгляд предприятие! – он видел мистическое указание на существование скрытой возможности это желание осуществить. За неимением другого «путеводителя», Камилл решил ждать указания от ускользающих от анализа интуитивных импульсов, идущих из подсознания, хотя к этому феномену он прежде всегда относился с некоторым скепсисом.

Славная девушка Лейла уехала в Европу, откуда семья, не заезжая на «историческую родину» мамы, направлялась в Канаду.

Адрес однокомнатной московской квартиры Камилла знали все руководители групп борющегося за свои права народа. Из вполне понятной деликатности они не давали этот адрес каждому, а только выборочно. Конечно, по Москве было у наших людей еще несколько надежных адресов, но, надо признать, некоторая часть крымских татар, поселившаяся в Москве до войны и не прошедшая через депортацию, боялась общаться с приезжающими из мест ссылки земляками – Аллах им судья!

Однажды к Камиллу приехали очень серьезно настроенные ребята из Самарканда. Речь шла о том, чтобы Камилл вошел в ограниченное число подвижников, которые поставили себе целью объединить разъединенные группировки в национальном Движении. Камилл пытался убедить их, что в качестве рядового участника Движения, который содержит нелегальный приют для приезжающих в столицу империи крымских татар, который печатает необходимые тексты на своей пишущей машинке, редкой в личном пользовании в те времена, он приносит пользы больше, нежели если бы вошел в число борющихся между собой лидеров.

- Ну, станет на одного претендующего на главенство человека больше, - говорил он настойчивым друзьям, - кому это надо?

Когда Камилл вел нелегкую беседу с гостями, позвонил по телефону его отец. Узнав о приехавших из Узбекистана со свежими новостями ребятах, он пригласил их к себе. К приходу гостей мама Камилла уже поставила в духовку кобетэ – мясной пирог.

Отец Камилла был рад поговорить с ребятами. Он регулярно получал информацию от своих друзей, проживающих в разных городах Узбекистана, но давно хотел встретиться с молодыми активистами Движения, непосредственно с функционерами. И, как всегда в разговоре с молодежью, он рассказывал о трудно начавшемся в конце девятнадцатого века

возрождении нации после жестокого подавления духовных сил народа, длившегося на протяжении столетия.

- Первые просветители нации после захвата Крыма северным соседом, такие великие личности, как Абдураман Кырым Хавадже и Абдурефи Боданинский, поставили одной из своих целей научить наш народ понимать язык колонизаторов. Стало обычным явлением, что русские чиновники или просто помещики подсовывали доверчивым татарам для подписи бумаги, которые те не могли прочесть, и в результате земли переходили к новым владельцам, а жители вынуждены были эмигрировать. Например, русский помещик просил письменного разрешения у сельской общины пустить на луга погнаться своих лошадей. Староста деревни подписывал разрешение, а это оказывалась купчая и на луга, и на пахотные земли, и на сады. Вот так.

Ребята сидели молча под впечатлением услышанного, стесняясь давать волю своим чувствам при почтенном хозяине дома.

- Однако, - говорил старый профессор, - как ни старалась российская власть привести наш народ, как она выражалась, «в полунебытие», этого не случилось. Подкупленные властью муллы усиленно агитировали народ покидать родину. В какой-то мере здоровым национальным силам удавалось приостановить эмиграцию семей из Крыма. «Быракъып миллетни къайда къачарсынъ?» – писал Сеит-Абдулла Озенбашлы. («Куда убегаешь, оставив свой народ?»).

Сделав паузу и отпив из бокала свой любимый боржом, профессор продолжал:

- Имя великого Исмаила Гаспринского вы, конечно, знаете? - и внимательно оглядел своих гостей.

Ребята согласно закивали, хотя и несколько смущенно, и один из них произнес:

- Терджиман ...

- Да, Исмаил Гаспринский, великий просветитель, начал издавать первую в России газету на тюркском языке «Терджиман». Газету читали как свою и в Казани, и в Туркестане, и в Турции. Тысячи подписчиков на «Терджиман» были в Египте, Иране, Индии.

Старый профессор мог многое рассказать о Гаспринском, но это отняло бы не один вечер. После короткой паузы он продолжил:

- Имеется полное основание в один ряд с этими великими людьми поставить Асана Нури, который был человеком, получившим европейское и восточное образование, и принимал участие в большой политике в Стамбуле. После приезда в Крым он оказал большое влияние на Гаспринского, убедив его начать издавать газету. К сожалению, о нем мы сегодня знаем мало. Между прочим, именно деятельность Асана Нури ознаменовала переход духовных лидеров нации от просветительства к политике. Он начал проводить среди татар пропаганду против царской власти, чего Гаспринский себе не позволял из дипломатических соображений. Под его влиянием появились такие деятели, как Решид Медиев, открыто критиковавший царский режим и избранный народом в депутаты Государственной думы от Крыма. Многие стали меняться в начале двадцатого века. Если Абдурефи Боданинский был чистым просветителем, то его сыновья Али и Усеин, уже занимались не только образованием своего народа, но и политикой. После февральской революции семнадцатого года политическая жизнь и в Крыму резко активизировалась. По инициативе Али Боданинского был создан Мусульманский революционный комитет, созван Мусульманский съезд и выбран Крымский мусульманский комитет в главе с молодым политиком Номаном Челебиджиханом.

Слушавшие хозяина дома ребята оживились – имя Челебиджихана было им хорошо известно. Старый профессор с удовлетворением отметил про себя это обстоятельство, улыбнулся и продолжал:

- Да. Девять месяцев до созыва Курултая власть принадлежала Мусульманскому комитету. В ноябре собрался национальный съезд Курултай, председателем которого

опять же был избран Челебиджихан. Лидеры нашего народа были воодушевлены открывающимися перспективами развития нации.

Тут старый профессор глубоко вздохнул. Все его слушатели уже знали, что он скажет, но в сердце у каждого таилась глупая детская надежда услышать что-то другое, не трагическое.

- Но в январе восемнадцатого года Челебиджихана арестовали большевики и через месяц расстреляли без суда. Это не было случайностью, это было продуманной политикой против нашего народа, которая завершилась трагедией сорок четвертого года...

Последовало всеобщее молчание, и только было слышно, как на кухне возится с посудой хозяйка дома.

- Но духовные силы нашего народа не иссякли! – воскликнул старый профессор. - В тяжкие сороковые годы я не рассчитывал, что после тотального разгрома, учиненного над нашим народом, новое возрождение наступит так скоро. Теперь я вижу, что ошибался, что страшные события сорок четвертого года сделали меня пессимистом. Да, я знал, что после смерти Сталина должно наступить облегчение всей стране. Между прочим, - он засмеялся, - поводом для моего последнего ареста, который был органами так или иначе запланирован, стал тот факт, что я в присутствии двух свидетелей обращаясь к портрету Сталина, воскликнул: «Я уверен, что после того, как тебя не станет, мой народ получит свободу!». Я был слегка навеселе, да и рядом находились те, кто представлялся очень дружественным ко мне, а оказалось, что один из них специально был ко мне приставлен.

Старый профессор улыбнулся и поспешил добавить:

- Все равно арестовали бы, а тут я хоть высказался! Но, имейте в виду, эти соглядатаи были не из наших. Ни один крымский татарин не давал показания против меня! Да... В отличие от конца тридцатых, когда мое досье распухло от доносов, истинных и ложных.

- Почему же так случилось, почему изменился народ? – спросил один из гостей, и Афуз-заде ответил:

- В сороковых годах в Узбекистане вокруг меня были наши молодые ребята из простого народа. Именно простой народ сохранил присущие крымским татарам благородство и честность. А так называемая элита была в некоторой своей части взращена и развращена коммунистическим режимом – так было не только у нас, так было по всей стране. В Крыму центральная власть бесчинствовала с особенным усердием. Еще прежде среди образованных слоев прошла чистка, лучшие и честнейшие погибли в тюрьмах, или бежали в другие республики и там затаились. Оставшиеся в Крыму, если и не все, то в большинстве своем, были партийными выдвиженцами. Их заранее готовили на места тех, кто негоден властям... Но не все из них стали подлецами, далеко не все. Однако после тридцать седьмого года на всех должностях были эти выдвиженцы, и мало кто из них в дальнейшем вел себя хоть в какой-то степени независимо - отрабатывали доверие властей. А простой народ оставался приверженным благородным заветам предков.

Он вышел в свой кабинет и вернулся с толстой тетрадкой в кожаном переплете.

- Вот слушайте, что пишет сочувствующий татарам русский политический деятель в газете "Коммерческий Вестник", это в 1896 году: "Видел ли кто-нибудь татарина, просящего милостыню? Он входит в чужой дом только за тем, чтобы попросить работы. Несмотря на крайнее угнетение самые бедные женщины, самые маленькие дети одеты пристойно, нет этих отцовских зипунов, мужицких тулупов на бабах... Простым татарам присуще чувство чести такого же уровня, которое находится в Европе у народов наилучше образованных".

Молодые мужчины внимали словам старого и прославленного своего земляка, стараясь не упустить не слова.

- Между прочим, - профессор отложил тетрадь в сторону и невесело рассмеялся, - между прочим, можно гордиться тем, что ни один из пошедших в услужение к коммунистическому режиму наших литераторов-выдвиженцев не написал произведения, в

котором прославлялся бы захват Россией Крыма. Ха, ха! Нет, были, были среди них большие подлецы! Великих наших людей, например, таких, как Чобан-заде, травили, преследовали! На всех, кто честнее и талантливее их, доносы писали. Но на историю родины посягнуть не посмели! Не захотели при всей их подлости. А вы читали романы, написанные представителями некоторых иных, поработанных Россией народов? Или, может быть, смотрели кинофильмы? Своих ханов и князей поносят, русских представляют как освободителей от ига собственных властителей! Или, например, человека, ставшего прислужником русских и предающего своих, выводят героем, образцом для подражания. Позор! – он опять рассмеялся, на этот раз с гордостью: - А у нас таких не нашлось!

В это время заглянула мама Камилла:

- Сынок, постели на стол скатерть и разложи тарелки, сейчас я кушать подам. Все, наверное, проголодались.

Волнение среди слушателей речи хозяина дома не затихало, ребята обдумывали услышанное, вновь переживая то, что было в какой-то степени им уже известно.

Но вот на столе появился мясной пирог - кобетэ.

- Камилл, - сказал отец, - займись кобетэ.

Не так уж часто посещал Камилл дом родителей, и им явно хотелось увидеть его занимающимся, как прежде, домашними делами.

Гости отправились мыть руки.

Камилл концом острого ножа провел по окружности... Но для того, чтобы непосвященный читатель понял, по окружности чего провел ножом герой нашего повествования, надо изобразить конструкцию мясного пирога, о разделке которого идет речь. Прежде всего, хочу уточнить, что речь идет о конкретном виде кобетэ – катмерли кобетэ. «Катмерли» означает, что из слоеного теста – со всеми вытекающими из этого приятными последствиями.

С чем сравнить этот великолепное творение рук человеческих - предмет вожделения каждого крымского татарина? Не знаю, право! Или вы его видели, или вы его не видели, или ели его, или не ели!

Прежде всего, катмерли кобетэ – культовый субъект крымскотатарской национальной кухни. Чебуреки, вы скажете? Ну, чебуреки – это чебуреки. Это даже не просто объект национальной кухни, это нечто другое! Чебуреки - это символ нормального бытия. Однажды одного татарина спросили, сколькими чебуреками он может насытиться?

- Чибурекке тоймак олурмы? О емиш те о, емиш! - воскликнул он. - Разве чебуреками можно насытиться! Они же как фрукты, как фрукты!

Я думаю, что он имел в виду, что чебуреки можно есть весь день, подобно тому, как можно весь день срывать с веток деревьев вишню или абрикос, яблоко или грушу, и вкушать, вкушать, вкушать...

Но при всей своей символичности чебуреки в некотором смысле банальны. Всем чебуреки известны, все их - хотя бы подделку под тем же названием - когда-нибудь да пробовали. А вот кобетэ, я знаю, доводилось поесть очень и очень немногим из числа тех, чья мама не готовила его для них в детстве.

Кобете - это событие. Чебуреки же - это свидетельство достойного существования крымского татарина. Когда в дом приходит гость, перед ним сразу же ставят вазочку с колотым твердым сахаром, другую с печеньем курабье (нет, это не то, которое продается в магазинах, просто совпадают названия!) и чашечку горячего черного кофе. Не успеет гость допить кофе, а беседа еще не достигла своей вершины, как хозяйка уже вновь суетится у стола и кто-то вносит блюдо с чебуреками (а я помню времена, когда чебуреки подавали не на блюде, а в саны – красивой металлической посуде с крышкой)...

Да, гость еще не успел допить свой кофе.... Однако надо признать, что такая оперативность является непременным достоинством татарской семьи, когда в доме много женщин – мать, жена, сестра или свояченица, а, может быть, забежавшая или специально кликнутая по сему поводу соседка. Одна из женщин спешно просеивает сквозь сито муку,

другая чистит лук, а третья прокручивает мясо (а когда-то мясо не прокручивали, а быстро-быстро превращали в фарш двумя ножами – такой продукт был вкуснее!). И вот уже та, что просеивала муку, замешивает тесто на воде и без яиц, но с добавлением двух-трех ложек растительного масла (не все это масло добавляют, а вот Гульзар, жена моего друга Рустема, – всегда!). Тесто должно быть в меру крутым, но не очень - на ощупь оно должно быть подобным мочке вашего уха. Вот и фарш уже готов – согласитесь, что для проворных рук, да при бесперебойно работающем языке, продолжающем еще прежде начатый разговор, на эти дела достаточно и десяти минут. От уже готового теста первая женщина, не прекращая слушать и подавать реплики, отрезает маленькие кусочки, и этих кусочков уже целая горка, и в четыре руки вместе с той, которая почистила и мелко нарезала лук, они подвергает каждый кусочек теста последующим процедурам: тесто между ладоней превращается в недлинную колбаску, эта колбаска свертывается в спиральку, которую сдвигают и отстраняют в другую горку.

А та, что готовила фарш, теперь добавляет в него подсоленную воду, щедро посыпает черным перцем и, конечно, смешивает с луком. Затем пробует жидкий фарш на вкус и присоединяется к тем, кто уже маленькими скалками раскатывает сжатые спиральки в тонкие круглые пластинки, укладывая их под полотенце – чтобы не подсохли. Далее одна из женщин, убедившись, что раскатанных пластинок уже достаточно, прерывает это занятие и наливает в казан масло. Масло очень быстро нагревается, а женщина между тем вытаскивает из-под полотенца эластичную пластинку, ложкой накладывает на одну из половинок жидкий фарш и накрывает другой половинкой, придавливая в этой проворно совершаемой процедуре края сложенной пластинки подушечками пальцев - чтобы сок не вытек. Но придавливания пальцами недостаточно - жидкость потому и называется жидкостью, что она может протечь сквозь любую неплотность. Поэтому кромка теста обрезается вращающимся железным колесиком, и при этом мало того, что происходит надежное слипание краев, а еще полукружие из теста обретает игривое зубчатое окаймление.

Но такое окаймление не самоцель, поэтому отсутствие в хозяйстве специального железного колесика не повод, чтобы не готовить чебуреки - обрезать кромку вполне успешно можно краем обычного блюда.

И, наконец, одна из женщин берет на себя обязанность жарки чебурек.

Это ответственный процесс, и каждая татарская женщина в совершенстве владеет им. Сырой чебурек осторожно принимается на ладонь и столь же осторожно опускается в кипящее масло. Если при этом в казане вдруг сильно зафырчало, капли горячего масла взлетают над ним и долетают до вас - отодвиньтесь. Не вмешивайтесь, ибо ничем отвести маленькую катастрофу вы уже не можете - это через неплотности вытек в горячее масло сок. Но следующий чебурек опускайте осторожнее.

Не мешает проверить, хорошо ли слиплись края других, приготовленных помощницами и лежащих под полотенцем сырых полукружий.

Чтобы эта маленькая, но крайне нежелательная катастрофа не повторилась с вроде бы уже удачно опущенным в казан бледно-мучным полукружием, следуйте следующему правилу: опущенный в масло чебурек довольно скоро должен быть перевернут - приспособьтесь уж к этому сами, действуйте вилкой осторожно, чтобы не проколоть. Почему нельзя долго прожаривать одну сторону чебурека? А потому, что верхняя, не опущенная в масло поверхность, быстро твердеет и становится ломкой, что при переворачивании с большой вероятностью приведет к растрескиванию теста и вытеканию в горячее масло сока - и опять много шума, много брызг, да и чебурек без сока - это не чебурек, а, простите, примитивный блин с мясом. Поэтому как опустили девственный полумесяц в масло, так через двенадцать-пятнадцать секунд переверните его - пока не поздно.

Сами понимаете, что казан круглый, а чебурек имеет форму полукруга, поэтому можно одновременно жарить два полукружия.

Таким образом, первая дюжина чебуреков оказывается на столе уже через десять минут после прихода гостя.

Но в наши времена зачастую в доме, к тому же еще в многоквартирном, без соседей за забором, в наличии оказывается только одна женщина, да и та уставшая после работы. В этом случае - уж не обессудьте! - чебурики на столе могут появиться не ранее, чем через час, а то и полтора.

Но я увлекся рассказом о чебуриках - каждый поймет и простит. При всем при том катмерли кобетэ не в меньшей степени заслуживает внимания, уверяю вас.

Итак, замешивается обычное тесто, такое же, как и для чебуреков, но можно вбить в него пару яиц - хуже не будет. На этот раз длинной скалкой раскатывают тонкий пласт на весь стол. Если точнее - диаметром в полметра. Делают четыре-пять таких пластов. Затем намазывают первый пласт жидким топленным маслом, накладывают сверху второй и тоже смазывают тем же маслом - щедро! Когда сложены все пласты, концом ножа разрезают эту многослойную конструкцию по спирали. Видели вы когда-нибудь фотографию знаменитого Фестского диска с нерасшифрованными критскими письменами? Вот вам подсказка, как надо разрезать многослойное тесто - точно такая спираль, начинающаяся от края, идет по этому диску до его середины! Далее надо приподнять край спиральной полосы и начинать свертывать эту полосу до центра - получится неровный цилиндр. Этот цилиндр надо разрезать на две части, так, чтобы одна была примерно в три раза меньше другой, затем сплющить эти части и раскатать по диаметру круглого противня, в котором вы собираетесь печь кобетэ.

Примечание: я, вообще говоря, не любитель магазинных полуфабрикатов, но использовать магазинное замороженное слоенное тесто для кобете вполне допустимо – хорошо получается.

Теперь о начинке. Средней жирности баранину нарезать маленькими, размером с фундук, кусочками, добавить нарезанный лук и варить в небольшом количестве воды до полной готовности. И не забыть о черном перце, о соли, разумеется. Полученный крепкий бульон, консоме по иностранному, остается в некотором количестве в кастрюльке, а кусочки баранки выкладываются на уложенное в противень раскатанное до толщины в один палец слоеное тесто. Сверху нарезают кругами сырую картошку, подсыпают немного соли, облагораживают молотым черным перцем и заливают, но не до краев, бульоном. Сверху накладывают потоньше раскатанный меньший кусок теста и пальцами двух рук соединяют края «крышки» и «поддона». Умелые пальцы хозяйки так закручивают края, что по окружности появляется прямо таки архитектурной красоты бордюрчик! Он потом запечется, станет румяным и будет дразнить аппетит сидящих за столом...

Если вы собираетесь печь кобетэ в тандыре - в земляной печи, раскаленной добела, то в середине крышки пирога надо двумя пальцами отщипнуть тесто и сделать маленькое отверстие, напоминающее по виду пупок - для выхода паров, бурно зарождающихся при высокой температуре. Если же вы собираетесь использовать электрическую или газовую духовую печь, то никакого пупка в крышке делать не надо – не та атмосфера.

Не могу сдержаться, чтобы не заметить, что испеченный в тандыре кобетэ отменнее испеченного в духовке.

Вы скажете, что я углубился в детали? Но именно в деталях кроется вкус.

Подаются к кобетэ чашки с крепким бульоном-консоме.

Но вернемся к столу, на котором в ожидании окончания моего лирического отступления на тему о шедеврах крымскотатарской кухни, остывает на красивом фарфоровом блюде конкретный катмерли кобетэ. Между прочим, хорошо, что остывает, ибо едят его отнюдь не вилок и ножом, а пальцами. Пальцы же - неважно, нежные или огрубелые - не стоит обжигать...

Так вот, Камилл концом острого ножа провел по окружности пирога вплотную к бордюру, снял крышку и, разрезав ее на части, положил каждому на тарелку. Теперь каждый мог ложкой брать из раскрытого пирога начинку, класть на свою тарелку и есть, поддевая вилкой, закусывая кусочком крышки и запивая консьоме из чашки.

Когда эта часть кобетэ была съедена, пришел ожидаемый многими момент, когда Камилл стал отламывать кусочки от края пирога с поджаристым бордюром и предлагать их трапезничающим. Наконец, такому же расчленению - но уже с помощью ножа - подверглось дно кобетэ с остатками на нем кусочков мяса и картошки...

Во время еды разговор продолжался. Один из гостей уныло заметил, что, мол, к сожалению, нет у нас материальных свидетельств былого нашего могущества.

- Почему не строили наши ханы и мурзы каменных дворцов, как строили в других европейских странах? - он развел руками. - Один только Хан-сарай...

Удивлению и возмущению старого профессора, казалось, не было предела.

- Как!? - воскликнул он. - Вы, оказывается, совершенно неграмотны! Чем вы занимаетесь во время приезда в Москву? Я вам советую немедленно бежать в Библиотеку имени Ленина и посидеть там за книгами об истории Крыма!

Потом он немного успокоился, с жалостью глядя на сконфузившегося молодого человека и на его друзей.

- Да, - промолвил он, - я понимаю, что эти знания вам никто не давал. Напротив, вас всячески ограждали от этой информации.

Он встал из-за стола и опять вышел в свой кабинет, откуда вернулся со стопкой библиографических карточек:

- Вот, здесь названия некоторых книг из «Ленинки» и Исторической библиотеки. Тут и библиотечные шифры указаны, - он положил стопку на журнальный столик. - Потом перепишите.

После трапезы все опять перешли на диван и кресла.

- Да, вы врачи и инженеры, откуда вам все это знать, тем более в условиях ссылки, - грустно продолжил он разговор. - А между тем на нашем Полуострове было немало городов с замечательной архитектурой. Крупнейшим городом Крымского ханства была Кефе, нынешняя Феодосия. Этот великолепный город населяло 100 тысяч жителей. Из-за великолепия дворцов, мечетей, медресе его именовали Кючук Истанбул - Малым Стамбулом. А Солхат, теперешний Старый Крым? Хотя этот город в последние столетия не был столицей, но здесь находился роскошный ханский дворец, разобранный по указу Екатерины и вывезенный в Россию. А сколько там было учебных заведений, мечетей, караван-сараев! А мой родной город Гёзлев, нынешняя Евпатория? Двести лет назад это был порт международного класса, его гавань вмещала 200 крупных судов. Сегодняшний город Евпатория страдает, как вы знаете, от недостатка воды. В ханские же времена Гёзлев славился своими фонтанами, глубокими колодцами, банями. Да и в моем детстве о нехватке воды я не слышал. Все усугубилось после того, как Крым остался без своего коренного населения.

Старый профессор взволнованно замолчал. Камилл налил в стакан отца холодный боржом и тот выпил и продолжал:

- Воспетый в наших песнях Карасубазар..., - он остановился и обратился к сыну: - Как его сегодня эти называют?

- Белогорск, - быстро вставил один из гостей, и не все слушатели догадались, что рассказчик знает это новое название, но не хочет его произносить.

- Да, - профессор сделал еще глоток из своего стакана и вытер губы салфеткой. - Что-то они часто производят свои названия наших городов от слова «белый». Так вот, Карасубазар, который мы часто называем просто «Карасу», также славился своими великолепными мечетями и караван-сараями. Еще он был известен своими

мастерами, изготавливавшими ценные во всем мире изделия из металлов, драгоценных камней, кожи, дерева. За удобные и красиво отделанные карасубазарские седла и на Западе, и на Востоке платили большие деньги. Еще в Карасу добывали высшего качества селитру, из которой на пороховых заводах в Кефе изготавливали порох, разные, сложные по тем временам, боеприпасы. Крымские купцы торговали в Европе не только боеприпасами, но и оружием. Татарские мастера изготавливали многие виды огнестрельного оружия, особенно славились качеством бахчисарайские карабины.

- А как относилось к торговле оружием тогдашняя ООН? - улыбнувшись спросил один из ребят.

- Тогдашняя ООН - это наиболее сильные и воинственные государства, - серьезно ответил рассказчик. - А раз воинственные, то торговля оружием считалась большой честью. Но и в мирном производстве Крым наш был на передовых позициях. Крымские шелковые и льняные ткани мало в чем уступали дальневосточным или французским. А вина крымские? Представьте себе, что даже в странах средиземноморья, которые сами производили вино, наше, крымское, считалось элитным.

Гости были восхищены услышанным, а профессор, между тем, продолжал:

- Да, и об этом вы можете прочитать в тех книгах, - он указал движением головы на лежащие на журнальном столике карточки, - которые вам в библиотеке принесут в течение одного часа. Я не назвал вам всех даже самых крупных городов Крымского ханства. Зачастую архитектурой своих строений и изделиями ремесленников славились даже небольшие крымские селения.

- Наш народ и наши религиозные старшины, очень доброжелательно относились к представителям других религиозных конфессий. Некоторые крупнейшие христианские монастыри в Крыму были построены по прямому указанию ханов на деньги казны. У нас в Гезлеве, то есть в Евпатории, старшины мечети Джума Джамии, построенной великим архитектором Синаном, безвозмездно отдали часть принадлежащей мечети территории на постройку православной церкви. Ведь Коран прямо наставляет уважать уверовавших в Писание.

Профессор снял с полки Коран в переводе Крачковского:

- Вот слушайте. В суре второй сказано: «поистине те, кто уверовал, и те, кто обратился в иудейство, и христиане, и сабии, которые уверовали в Аллаха и в последний день и творили благое – им их награда у Господа их... Мы не различаем между кем-либо из них... Аллах друг тех, которые уверовали: Он выводил их из мрака к свету».

...Если кто-нибудь из читающих эти строки подумает, что старый профессор Афуз-заде разговаривал со своими гостями на русском языке, тот глубоко меня обидит!

Глава 12.

Пришло время, когда в Москву стали приезжать уже люди, которые с той или иной степенью прочности обосновались в Крыму и вели борьбу, так сказать, изнутри, уже с местными крымскими властями. Оказалось, - хотя кто бы в том сомневался! - оказалось, что все, даже мелкие антитатарские действия крымских властей регулируются из Москвы - с Лубянки и со Старой площади.

Среди первых жертв участников борьбы крымских татар за свои права уже на родной земле оказалась красавица Светлана, молодая русская женщина, купившая на свое имя квартиру в Симферополе и попытавшаяся прописать в эту квартиру мужа - крымского татарина. Не тут-то было!

Все власти города объединились против русской женщины.

Светлана стала работать в городской поликлинике, а мужа ее Асана, как не имеющего прописки, на работу не принимали.

- Вы знаете, что ваш муж активист так называемой инициативной группы? – хрипел, вылупив глаза в разоблачительном пароксизме, симферопольский чекист. - Вы же состояли в комсомоле, на вас замечательные характеристики из вашего института.

- Ну и что? Мой муж тоже состоял в комсомоле, причем был секретарем факультетского бюро.

- Да, да! Эти татары специально вступают в комсомол и даже в партию, чтобы изнутри вредить делу построения коммунизма в нашей стране!

Дело Светланы Сеитовой было признано весьма серьезным. Разрешить ей прописать мужа значило создать прецедент. Поэтому этим неприятным случаем заинтересовались в самой Москве. Надо было любыми средствами разрушить семейные узы русской женщины с крымским татаринчиком или уж, если не получится, вынудить доктора Сеитову уехать из Крыма.

Как раз в эту пору Асан Сеитов по заданию Организации должен был ехать в Москву для встречи с соратниками, прибывающими из Узбекистана. Светлана, взвинченная неожиданным для нее безобразным поведением местных симферопольских властей, пожелала сопровождать мужа. В Москве крымские татары расселились по подготовленным адресам. Асан и Света оказались гостями Камилла.

Вечером второго или третьего дня пребывания группы крымских татар в Москве в квартире раздался телефонный звонок. Камилл и четверо его гостей, в том числе и Асан со Светланой, сидели за чайным столом.

- Это доктор Камилл Афуз-заде? - ну о-о-чень вежливо осведомился приятный мужской голос.

Камилл сразу усек, откуда этот звонок, и обратил внимание на подчеркнутое обращение «доктор».

- Да, это безработный доктор физико-математических наук Камилл Афуз-заде, - ответил он жестко.

- Наша организация не причастна к тому, что вы безработный, - поспешно заверили его на том конце провода, даже еще не представившись. Но говоривший сразу же спохватился и поспешил добавить: - Я капитан такой-то, беспокою вас из Комитета государственной безопасности.

- По какому же поводу беспокоит меня Комитет государственной безопасности? – спросил Камилл своего невидимого собеседника, а сам подумал, что чекистов все еще тревожат его разветвленные связи с диссидентами, оттого и такая вежливость.

- Я хотел бы поговорить со Светланой Сеитовой, которая гостит у вас. Это возможно?

- А откуда у вас информация, что у меня гости? – рассердился Камилл. – Я, что, под негласным наблюдением? В любом случае я не намерен вступать с вами в разговор относительно посещающих меня людей.

- Погодите, не кладите трубку, - забеспокоились на другом конце провода. – Я прошу вас, передайте товарищу Сеитовой телефон полковника NN, с которым она может переговорить по вопросу, очень для нее важному.

И Камиллу был продиктован номер телефона.

- Хорошо, при случае я передам ваш телефон, - Камилл записал продиктованные ему цифры.

- Очень буду вам благодарен, если вы сообщите этот номер Светлане Сеитовой, с тем, чтобы она завтра утром позвонила нам. Всего хорошего.

Камилл невежливо не ответил на «доброе пожелание» собеседника и положил трубку, когда в ней раздались короткие гудки.

Во время этого короткого телефонного разговора гости настороженно смотрели на хозяина квартиры. Положив трубку, Камилл рассмеялся и обратился к Светлане:

- Товарищ Сеитова, полковник госбезопасности NN ждет вашего звонка завтра утром по вопросу, очень важному для вас.

Присутствующие были в недоумении: почему кагебистам приспичило говорить именно со Светланой?

- Наверное, Светлану хотят использовать в качестве агента в нашем лагере, - со смехом произнес один из гостей.

Наутро Светлана позвонила из камилловой же квартиры – чего уж играть в конспирацию! – этому полковнику NN и была приглашена в здание на Лубянке. Провожала Свету в логово большая группа земляков, которая осталась дожидаться ее в скверике напротив Политехнического музея.

...Его фамилия была Нюркин, но в целях благозвучия ему на службе дали псевдоним «Огневой». Так и числился он в табели - капитан Алексей Огневой (Нюркин). Это был рослый белокурый красавец, которому недостаток интеллекта возмещала наглость, и который посему пользовался успехом у женщин определенного круга. Соответственно этому и определялось его использование в спецоперациях, что породило у капитана завышенное представление о своей неотразимости. Однако начальство знало об ограниченности сферы, в которой эта «белокурая бестия» может быть использована. Кроме всего прочего Нюркину-Огневому не давались иностранные языки, что позволяло привлекать его к операциям в основном внутри страны. Но когда возникала необходимость в операциях вне сферы контингента, в котором действовали флюиды белокурого капитана, то этого на все готового офицера руководство иногда все же использовало и здесь, цинично ухмыляясь, что «бабы есть бабы» - и часто срабатывало. Нюркин ходил «в народе» с расправленными плечами, приподымая грудную клетку и победно посматривая по сторонам, отчего походка у него была слегка подпрыгивающая. В стенах же родного учреждения поступь его менялась, он твердо ступал по паркету, почти не сгибая колен, и взгляд его становился ищущим – сказывалась легкая близорукость.

Задание на Светлану капитан получил от самого генерала, который решил, что на выпускницу провинциального медицинского института талантов Огневого вполне хватит. На детальную разработку времени не было, и использовать мужские чары капитана предполагалось непосредственно в кабинете полковника – ох, этот всегдашний дефицит времени, не говоря уже о дефиците кадров! Не раз дорого стоил он нашим доблестным службистам!

Предполагалось, что полковник начнет сочувственную речь о крымских татарах, ставших жертвой сталинских преступлений, затем намекнет на чуждость культуры крымских татар той культуре, в которой воспитана Светлана. Далее предполагалось робкое вступление в разговор красавца капитана, который должен был возразить своему начальнику, упомянув о своем однокласснике татарине, который знал наизусть много стихов Пушкина и Лермонтова. Тут полковника должны были вызвать по телефону, и он на время удалялся, перед тем приказав принести в кабинет чай или кофе «чтобы вам было не так скучно в ожидании моего возвращения».

- Игорь Владимирович, а вы расскажите даме о ваших приключениях в Индии, - должен был на прощание произнести седой полковник и шутливо погрозить пальцем: - Только не раскрывайте оперативных секретов.

Такого рода «непосредственностью» в общении чекисты хотели смягчить сердце молодой женщины, сделать ее более покладистой, внимающей увещаниям по-доброму настроенных единоплеменников.

Так все и было разыграно. Однако Светлана, естественно, сразу почуяла подставу и решила включиться в игру, но только на свой лад.

Когда хозяин кабинета, извинившись и дважды с серьезным видом ткнув указательным пальцем в потолок, удалился, обещав вскоре вернуться, в кабинете воцарилось молчание.

Потом капитан Нюркин разлил по чашечкам кофе, принесенный служителем, и, продолжая примитивно спланированную операцию, с обезоруживающей белозубой улыбкой обратился к Светлане:

- Я не только в этом кабинете, но и во всем нашем здании не встречал таких обаятельных женщин как вы.

Светлана не была, однако, обезоружена, хотя бы потому, что видывала она обольстителей и более изощренных - кого из красивых женщин не пытались завлечь в хитрые сети разного рода пажоны? И к тому же она сознавала себя находящейся во вражеском стане.

- Красивых женщин вы сюда не приводите, пристреливаете на месте? - она поднесла чашку с кофе к губам.

Офицер деланно рассмеялся.

- Мы никого не пристреливаем, тем более красивых женщин, - он тоже взял в руки чашку.

- А, ну да. Вы их режете кинжалами, как Зинаиду Райх?

Эта реплика стала неожиданностью для капитана, тем более что он ничего не знал о какой-то Райх. Занервничал затаившийся в соседней комнате полковник, слушающий этот разговор через специальную аппаратуру. Он быстро понял, что эта доктор Светлана весьма изощрена и вряд ли по зубам белокурому красавчику.

Со стороны Светланы последовало еще несколько насмешливых реплик, на которые у капитана не находилось ответов и он почувствовал признаки зарождающейся в душе злости. Нет, не подумайте, что он был обижен за свою контору – такой служил бы за хорошую плату хоть сигуранце. Он ощутил мало скрываемое презрение, исходящее от этой бабенки, и понял, что надо перехватить инициативу в беседе.

- Знаете Светлана, – можно я буду вас так называть? – когда я был в Индии...

- О! Такого голубоглазого красавца индейские женщины, наверное, носили на руках! – подыграла чекисту наш доктор.

Настроение у Нюркина стало улучшаться: клюнуло, кажись! А то как же!

- У вас тоже прекрасные голубые глаза, перед которыми, я думаю, никакой мужчина не может устоять, - промурлыкал он.

- Не знаю, это проблемы этих никаких мужчин, - жестко отвечала Светлана, но капитан не уловил этой жесткости.

- У мужчин много проблем, - с наигранной грустью нашелся сказать Нюркин-Огневой. – Ах, если бы наши русские красавицы были бы так же внимательны к нашим русским мужчинам, как индейцы.

- Вы хотели сказать «индийцы», а точнее «индианки»? – Светлана едва сдерживала смех.

- Да, конечно, индианки, – согласился капитан, вовсе не смутившись. – Смуглые индианки прекрасны, но мне милее наши светлогожие красавицы.

- Вы сейчас разыгрываете карту цвета кожи и глаз? – Светлана с усмешкой глядела на капитана. – Вы полагаете, что женщины должны терять разум от ваших голубых глаз?

- А вам по нраву черные татарские глаза? - чекист Нюркин почувствовал, что фраза конфронтационна и во исправление показал на лице томную печаль.

- Татарские глаза? - переспросила Светлана с интересом наблюдая за трансформациями настроения и повадок чекиста. – Кстати, у моего мужа тоже голубые глаза. Впрочем, не настолько прозрачные, как у вас, капитан, - добавила она двусмысленный комплимент.

- Загляните в них поглубже, Светлана, и вы увидите мою взволнованную вами душу! – капитан в этой фразе превзошел самого себя.

Он подошел и склонился над сидящей на стуле женщиной.

В любой ситуации нельзя так форсировать события, особенно в данном непростом случае. За стеной полковник был крайне встревожен топорной работой этого «сердцееда», который, по-видимому, до того работал в основном на вербовке гостиничных горничных.

Капитан Нюркин тем временем попытался дотронуться губами до шеи молодой женщины.

- Что вы себе позволяете? Вы плохо воспитаны, мужлан! – Светлана резко встала и отошла к книжному шкафу. Поведение офицера ее взбесило. И капитан был сильно обижен данной ему характеристикой, тем более что женщина эта растревожила его инстинкты.

- Светлана, вам не идет быть сердитой! – капитан через силу обворожительно улыбнулся.

- Вы не боитесь, что таким смелым поведением с замужней женщиной вы навлечете на себя гнев ее мужа? – Светлана уже всерьез была обеспокоена ситуацией.

- Кого? Этого татарина? – прорвало капитана. – Я видел его! Я одной рукой буду держать его жену, а другой уложу его одним ударом!

И он, возбужденный, приблизился к женщине.

- Светлана! Вы же русская женщина! Бросьте его, он вас недостойн!

В ответ женщина дала самоуверенному селадону пощечину, и не символичную, а припечатала со всего размаху. Случившееся стало для капитана совершенной неожиданностью.

- Ты, татарская подстилка! - закричал он, схватившись за щеку. - Ты, сука, да я тебя...

Вконец разъяренная Светлана с профессиональным разворотом влево правой ногой врезала офицеру в пах. Тот упал, охнув, и не сразу смог подняться. Светлана стояла в напряженной позе, готовая дать отпор –годились тренировки в секции карате.

Услышав шум от падения тела, полковник через дверь-шкаф быстро вошел в кабинет. Он увидел поднимающегося с пола офицера и потянулся было рукой к кнопке под столешницей, но остановился. Полковник не ожидал такого результата, он предполагал, по-видимому, что на предложение бросить своего мужа-татарина русская женщина со слезами благодарности бросится на шею красавца-капитана. Теперь с некоторой растерянностью он наблюдал за дальнейшим развитием событий и, надо сказать, симпатии его были на стороне женщины.

Капитан тем временем поднялся, постоял секунд пять в наклоненном положении с засунутыми между ног руками, потом вдруг как отпущенная пружина взметнулся с прижатыми к груди кулаками на женщину. Если бы достал, то уложил бы насмерть. Но Светлана быстро отпрыгнула в сторону, и отличник боевой и политической подготовки с грохотом вошел в фанерную дверцу шкафа - не посудного, к счастью. И вновь незадачливый соблазнитель-профессионал потерпел фиаско, и если бы до того, как распластаться на полу, он врезался бы не в рассыпавшийся от удара шкаф, а в стену, то переломал бы себе руки.

Светлану охватил смех, немного истерический, а, в общем, торжествующе-радостный смех победителя. Полковник подбежал к лежащему на полу офицеру. Тот, однако, уже приподнялся на окровавленных руках и из его горла раздался воистину звериный рык. Полковник понял, что надо вызывать подмогу, и бросился к двери. На его нервный зов быстро вбежали два дежурных сержанта и устремились к женщине.

- Нет! - крикнул полковник. - Держите капитана!

Но капитан озверел, и даже двум архангелам-амбалам трудно было его удержать. Полковник был не на шутку напуган. Несомненно, если бы Нюркин-Огневой вырвался из удерживающих его рук хоть на несколько секунд, то он в буквальном смысле оторвал бы голову этой женщине.

- Ты что, капитан? Одурил совсем? Возьми себя в руки! - полковник встал между ним и Светланой. Он дотянулся до стоящего на столе графина и слив воду на ладонь плеснул водой в разбухшее от ярости лицо офицера.

Тот отряхнулся, посмотрел на полковника уже более осмысленным взглядом и облизнул губы. Полковник вылил остатки воды в стакан и сделал знак амбалам освободить удерживаемому руки. Светлану между тем вывел из комнаты вошедший помощник.

- Ты что, охренел совсем? - продолжал свой напор полковник, протянув стакан с водой капитану. - Этому тебя обучали? Ты хочешь убийством в моем кабинете женщины скандал на весь мир раздуть? Вон, погляди, ее сторонники у Политехнического стоят, а еще другие на телефонах дежурят! Так тебя обучали работать?

- Вы видели, куда эта курва меня ногой ударила? - смог, наконец, вымолвить капитан, опять сунув обе руки между ног.

- И такого слабака мне рекомендовали для этой деликатной операции! - воскликнул полковник. - Все! Вы мне больше не нужны, капитан! Свободны!

Он нажал нужную кнопку и в кабинет вошел перед тем уже отведший Светлану в соседнюю комнату помощник.

- Лейтенант, проводите капитана Огневого в медицинский кабинет!

Давно отвыкшему от подобных сцен полковнику впору было самому выпить чего-нибудь успокоительного. Но валерьянку он пить не стал, а налил себе стопочку армянского, после чего минуты две посидел неподвижно, прислушиваясь, как приятное тепло распространяется по всему телу. Потом он приказал ввести к нему эту женщину.

- Я приношу вам извинения за поведение капитана, - хмуро обратился он к Светлане. - Но ведь и вы виноваты, нельзя же так, это уж слишком.

- Что нельзя? - нервно засмеялась Светлана. - По яйцам бить сволочь нельзя?

- Ну вот, вы опять, - произнес с укоризной полковник. - Вы же интеллигентная женщина, как можно так выражаться...

- Я, товарищ полковник, врач, - отвечала Светлана, - и я выражаюсь профессионально. Ну, хорошо, не яйца, а яички. Это вас успокаивает? При чем тут суффиксы, дело в сути, - Светлана опять не смогла сдержать короткий смехок.

У Светланы не было никаких дел к хозяину сего кабинета, ее сюда заставили придти, и она пришла сюда отнюдь не с добрым сердцем, ибо от работников этого учреждения исходили только издевательства, только провокации, только насилие. И эта античеловеческая деятельность именовалась деятельностью во благо государства? Потому-то и позволяла себе доктор Светлана - и с большим удовольствием! - говорить с хозяином этого кабинета в такой манере. Разве не здесь ее склоняли к предательству своего мужа, разве не здесь ее оскорбили и даже пытались убить?

Понимающий, что теперь уж никакой «душеспасительной» беседы быть не может, полковник взял отобранный у посетительницы в самом начале пропуск и приготовился отметить на нем разрешение на выход.

- Я вам, гражданка Сеитова, рекомендую не разглашать это происшествие. Предупреждаю, неразглашение в ваших же с вашим мужем интересах. Заметьте, я не беру с вас подписи о предупреждении, но нарушение устного предупреждения карается суровее. Вы меня понимаете, надеюсь?

Тут впервые Светлана почувствовала страх и онемевшими губами вымолвила:

- Понимаю...

Полковник сунул в руки расслабившейся женщине пропуск и движением головы указал на дверь.

Когда Светлана шла к своим, толпившимся в маленьком сквере перед зданием Политехнического музея, ее все еще била дрожь, которую она старалась унять. Войдя в подземный переход, она остановилась, сделала несколько глубоких вдохов, выйдя из перехода, она, еще не замеченная ожидавшими ее мужчинами, повернула в сторону магазина фарфоровой посуды, зашла в него, не торопясь прошла по залам, стараясь сосредоточить свое внимание на красивых сервизах. Это ей в какой-то мере удалось, и,

выйдя на улицу, она также неспешно направилась к скверу. Первым ее увидел муж и бросился ей навстречу.

- Да, угрожали. Да, пытались вербовать. На все я говорила «нет» и «не знаю» - так отвечала Светлана на вопросы растревоженных товарищей. О действительно состоявшихся событиях она расскажет уже дома только мужу...

«Ох, лучше бы работать за границей с иностранками!» - думал между тем профессионал-совратитель, покидая кабинет врача, где ему наложили на яйца компресс.

Светлана с той поры стала активным участником крымскотатарского Сопротивления. Она в той ситуации, в которую ее ввергла грубая работа служащих весьма ответственного учреждения, осознала себя женой воина, сражающегося за правое дело, признала своим долгом сохранять верность этому святому делу. Но не только несомненное чувство долга, подпираемое литературно-историческими прецедентами, руководило ее поступками, а инстинкт, биологический женский, инстинкт, если хотите, самки, самца которой пытаются затравить... Так, наверное, волчица, забыв даже о своих волчатах, бросается на защиту своего волка или мстит за его гибель.

Прописаться Асану в квартире, принадлежащей его законной жене, так и не разрешили. Светлана подала иск в суд, хотя результат был заранее известен. Но после события в Москве милиция до поры до времени перестала беспокоить супругов Сеитовых. Светлана продолжала свою работу в поликлинике, а Асан вынужден был заняться мелкой коммерцией, что, кстати сказать, давало семье, ожидавшей ребенка, больший доход, чем ежели бы отец семейства работал врачом. Главврач поликлиники, на которого оказывалось огромное давление, чтобы заставить его под любым предлогом уволить доктора Сеитову, оттягивал поиски таких предлогов, зная, что вскоре Светлана уйдет в декретный отпуск, а тогда уж уволить ее будет невозможно.

Но для нашей славной ГБ в сотрудничестве с партийно-советскими организациями нет ничего невозможного! Однако это уже другая история.

Надо сказать, что Светлана, русская жена крымского татарина, вошедшая в число активистов Движения, не была исключением. Камилл однажды встретился еще с одной, не очень молодой женщиной, чей муж получил срок за участие в Движении и которой, матери двух детей, предложили развестись с мужем неподходящей национальности. Ну, она задала жару интернационалистам в штатском!...

Глава 13.

В один из ближайших дней Керим решил посетить купившего дом в степном районе своего родственника Ибраима, который после обычных мытарств все же получил прописку и работу в совхозе, где были большие проблемы с квалифицированными работниками. Взрослые сыновья Ибраима пока оставались в Узбекистане, а жена была с ним, хозяйствовала на огороде.

Керим выехал рано утром в Симферополь, оттуда добрался на попутке в Евпаторию и, не имея времени посмотреть город, сразу на маршрутном автобусе поехал в степное село.

В автобусе двое среднего возраста мужчин разговаривали по-татарски, и Керим прислушался к ним:

- Билесинми бу сефер Мустафаны не деп къапаттылар? 44-джи сенесинден сонъ мемлекетте ич бир къырымтатар мектеби ёк дегени ичюн. Я бармы, ёкъсам? Булар не истеселер шоны япалар! Лякин бизлер де башымызны эгмиймиз...

- Адамлар тюрлю ола, - отвечал другой. - Мына, Москвада яшагъан кырымтатарлардан бириси, ады Басырмы бир шей, «основная часть крымских татар проживает в Крыму» деп яза. Ве бу лаф бугунгю замангъа даир! Татарлар энъ хъайындже кыйналынган вакытларда! Бу адам башыны энъип дегиль, тонъкыйып турганлардан. Ана ойле Басырны эм къапатмазлар, эмде вакыты иле огге сюрип миллий къараман этип костерерлер...

(Перевод для пока еще не выучивших крымскотатарский язык:

- Ты знаешь, под каким предлогом арестовали Мустафу в этот раз? Он заявил, что, начиная с сорок четвертого года, в СССР нет ни одной школы с обучением на крымскотатарском языке. А разве не так? Эти что хотят, то и делают! Но мы не склоним головы...

- А вот один из наших земляков, проживающих в Москве, кажется кандидат филологических наук по имени Басыр, заявил, что «основная часть крымских татар проживает в Крыму». И это в наши дни! В самый разгар издевательств над татарами, пытающимися зацепиться в Крыму! Он не только голову склонил, но и раком стал. Вот такого Басыра мало сказать не арестуют, но и будут выдвигать в национальные герои...).

Керим обратился к говорившим по-татарски, и мужчины, только вчера прибывшие в Крым в желании закрепиться здесь, были очень обрадованы встрече с земляком.

- Было время, когда приезжая в Крым я не видел ни одного татарина, - говорил один из мужчин, - а сейчас даже случайно в транспорте со своими встречаемся.

Земляки рассказали Кериму, что намерены купить жилище в окрестности Евпатории, откуда они были родом. На том и расстались.

Спустя тридцать лет я ехал в автобусе из деревни, где мой друг Мидат купил двор, в Евпаторию. Мало сказать, что в автобусе можно было встретить татар – почти все пассажиры были татарами!

Чего это, можно спросить, не сидится татарам в их домах, чего не занимаются своими садами и огородами? Да нет! Взрослые мужчины и женщины или на службе в разных учреждениях, или, действительно, на своих огородах, или на собственном транспорте повезли свой товар продавать на рынки Крыма и окружающих областей. А в автобусе молодежь, которую иногда строгие родители отпускают поразвлечься. Да и вопреки запрету родителей желают девушки и парни – особенно девушки – прогуляться, пока лето не кончилось, не начались нудные школьные будни.

Неужели же возиться все лето в огороде или глазеть в телевизор на чужую жизнь? Неужели же просидеть все каникулы в деревне, когда из 16-летних тел выпирает вся девичья краса?

Хотя бы просто прогуляться по бульвару и пляжам города! На живых людей поглядеть, да и себя показать.

А показать девицам есть чего. Вот эта сразу обращает на себя внимание. Прежде всего, замечаешь дивные длинные – но не худые! – ноги, которым так «к лицу» эти похожие на длиннорылых крокодилов-гавиалов туфли. Потом обращаешь внимание на губки. Аппетитные пухлые губки – прелесть что такое! Выбираешь момент и разглядываешь профиль – прекрасной формы носик! Интересно, от какой из бабок унаследовала эта девочка свой нос? От генуэзской ли, от греческой ли, от таврской ли? Или, может быть, у этой девицы проявились черты ее половецкой прабабушки? Я ведь не упомянул, что наша прелестница рыжеволоса.

Вот прелестница наша встала, и я узрел чудную попку – как груша, перевернутая вниз. Вот только бюст слабоват, кажется. Впрочем, грудь, похоже, уплощена модной блузкой, которая явно не по размеру, и видно не куплена, а прислана родственниками из Турции или Америки - сейчас наши живут повсюду.

Вот только с поведением плоховато. Нет, нет, не подумайте чего! Я имею в виду, что ведут себя красавицы несколько вульгарно – но что поделаешь, не научены. А парни и того хуже – хохочут, толкают друг друга, в руках пивные бутылки. Деревня все же... Если даже возжелает какая-нибудь образовательная организация ввести в программу школы уроки поведения девушек и парней, то где возьмешь столько преподавателей? А если и подберут таковых, то половина из них захочет внедрять чуть ли не шариатские правила. Эх, жизнь! Все сложно, все неоднозначно...

Наконец автобус доставил Керима в поселок.... Нет, данную этому поселку кличку произносить не хочу, а старого татарского названия его не знаю.

Как бы то ни было, найти в этом поселке дом по адресу оказалось не просто – улицы, если эти тропинки в траве можно так именовать, не были обозначены, а если на каком-нибудь доме и задержалась табличка с названием, то редко на какой калитке или на воротах был указан номер дома.

Побродив в растерянности, Керим решил обратиться с вопросом к идущему навстречу мужчине:

- Уважаемый, где тут живет Ибраим Ислямов? – спросил и подумал, что надо бы спросить не о человеке, а об улице.

- Татарин Ибраим? – переспросил мужчина. – Так к нему надо в обратную сторону идти. Там налево через две улицы прямо у колодца на углу. Там и живет Ибраим.

И засмеялся:

- У нас его тут Абрамом зовут.

- А что, разве он на еврея похож? – удивился Керим.

- Да вроде и не похож, но водку не пьет. Попросишь в чем-нибудь подсобить, то поможет, а от стакана отказывается. Вот его и прозвали еврейским именем.

Керим отметил про себя, что о татарине этот русский мужик говорит скорее с симпатией, чем с неприязнью, и одновременно вспомнил своих приятелей-евреев, которые насчет выпить были о-го-го.

По выданным разговорчивым прохожим указаниям Керим быстро нашел дом своего дяди Ибраима.

Ибраим был дома один: жена повезла на базар в Евпаторию овощи. Неожиданный приезд Керима был большой радостью для бывшего учителя Ибраима, который с родственниками теперь только изредка переписывался. Известие, что Керим перебрался в Крым и купил здесь дом, привела его в восторг. Он обнимал и теребил Керима, советовал привести и жену с детьми.

- Эмдже, как я могу оторвать детей от учебы? – возразил Керим. – Я тут без прописки, без работы!

Ибраим был удивлен.

- Ты же медик, профессор! – воскликнул он. – Да в любой санаторий тебя с радостью должны взять!

- Должны, но не берут, - засмеялся Керим, и добавил:

- Сен сорама, мен айтмайым (ты не спрашивай, я не буду говорить). Со мной все так же, как и с каждым татаринном в Крыму. Давай пока что оставим эту тему.

Ибраим налил в чашечки кофе, потом стал разогревать в кастрюле оставшуюся со вчерашнего дня еду.

- Фатма приедет и устроит нам праздничный ужин. А пока перекусим вчерашней долмой.

- Ну, расскажи, как здесь живешь, - спрашивал Керим.

- Люди здесь ко мне относятся нормально, - рассказывал Ибраим. - А когда на меня районное милицееское начальство копромат собирало, так плохого обо мне никто не сказал, даже наоборот.

- Чего это начальству нужно было от тебя? – спросил Керим.

- Понимаешь, кроме нашего села татары живут в некоторых местах в ближайшей округе. Я люблю встречаться с нашими, машина у меня есть, слава Аллаху. Районная гебня узнала, что я по своим езжу. Приглашают меня однажды в райотдел милиции. В кабинете какой-то майор, я его раньше не встречал. Начинает со мной разговор подозрительно вежливо. То да се, потом говорит о сложном положении татар в Крыму, что, мол, даже прописанные семьи непрочны обосновались.

- От нас, милиции, это не зависит, - говорит. - Тут местные чиновники из разных ведомств могут в своих интересах действовать. А поводом для этих недобросовестных чиновников могут быть всякие неосторожные высказывания татар.

Я насторожился, уже догадываясь о том, чего этот майор от меня потребует. А он продолжает:

- Мы о вас, Ибраим, хорошего мнения. Вот и прописку вам дали.

«Ага!» - думаю, - «хорошего мнения и прописку дали», а вслух говорю:

- Что же целый год мурыжили, в законно купленном доме не прописывали?

- Но ведь прописали же, - мило улыбнулся майор.

Я молчу и ожидаю, что дальше будет.

Майор и говорит:

- Понимаешь, Ибраим, нам нужно знать, какие настроения среди живущих в Крыму татар. Ты не подумай чего плохого, это надо для того, чтобы защитить их от недобросовестных чиновников, от ненужных провокаций, понимаешь?

Все я понимаю, мать вашу! Значит, он со мной, с татаринном, разговаривает, и говорит «их» - в третьем лице о моих земляках. Что же это, я уже стал вместе с этими майорами против моих родных земляков?

А майор продолжает:

- Ты, Ибраим, советский офицер, только тебе мы можем поручить такую задачу.

- Стукачом меня вербуешь, майор? – сурово говорю я. – А ты не ошибся адресом? Да, я офицер, но я не в СМЕРШе войну провел, а на передовой, под огнем немецким. А ты меня в шпики завербовать хочешь?

Майор, конечно, изменился в лице.

- Вы свободны, - говорит.

- Да, я свободный человек, - ответил я и вышел.

- Нет, ты понимаешь? – продолжил свой рассказ Ибраим. - Меня, боевого офицера стукачом сделать захотели. Они знают, что я часто бываю в Евпатории, встречаюсь с нашими. Вот и решили меня в своих сволочных целях использовать.

Он отпил из чашки остывший кофе.

Ибраим был среднего роста, подтянут – хорошие офицеры редко, даже уйдя на гражданку, полнеют. Рассказывая, он не жестикулировал руками, мимика его была спокойная, он, слегка опустив голову, смотрел прямо на собеседника.

- Вот так. Через несколько дней поехал я в Евпаторию, там наши собрались на пикет. Требование было, чтобы купивших дома татар прописывали так же без проблем, как прописывают людей других национальностей. Стоим с плакатами, и подъезжают две машины с автоматчиками, а нас всего десять человек. Обшарили, надели наручники, грубо затолкали в машины и привезли в отделение.

Ибраима затем отделили от ребят, завели в отдаленную комнату. А там сидит за большим столом тот самый майор, который его вербовал в шпионы. Даже не поздоровался и начал:

- Вот и взяли мы тебя с поличным, Ибраим. Что теперь скажешь?

- Что мне вам говорить, сами понимаете, что беззаконие творите. О каком «с поличным» речь?

- А то, что в нарушение законодательства лезете в закрытую зону. Читал указ об усилении паспортного режима для приезжающих в Крым?

- Может для кого Крым и «закрытая зона», но для нас Крым – единственная родина. И мы не какие-то приезжающие. Только в Крыму мы хотим и будем возводить свои дома, сажать сады и виноградники, строить школы.

- Школы строить? Может, и мечети в Крыму строить захотите? – ощерился майор.

- Конечно, - спокойно ответил Ибраим. – Русские же строят здесь свои церкви, а нам свои мечети восстанавливать тем более надо.

- Ты русских не трогай! – вдруг рассвирепел майор.

Ибраим удивился этой вспышке злобы офицера.

- Вроде бы никто русских здесь и не трогает. Это русские надели на нас наручники и приволокли в отделение, - заметил он.

- Ты русских не трогай! – опять взревел офицер и, вскочив со стула, вlepил стоящему перед ним с заведенными назад руками человеку по зубам. При этом офицер не мог не принять во внимание то, что руки татарина скованы наручниками, и можно не опасаться получить сдачу – был татарин не хлипок.

У Ибраима была разбита губа, которая сразу же вспухла, и не было возможности утереть текущую по подбородку кровь.

- Что ж, мы это уже видели в кино, как в гестапо наших людей избивали, - прошепелявил он.

В ответ майор нанес мощный удар в челюсть и Ибраим упал. Поднявшись, он вознамерился ногами избить милицейского офицера, но тот уже укрылся за столом и дрожащими руками набирал номер телефона.

- Сволочь, ты советскую милицию с фашистским гестапо сравниваешь? Ну, погоди! – майор звонил в КГБ, чтобы сообщить, что задержан не рядовой демонстрант, а засланный шпион, агент международного терроризма... ой!... империализма то есть.

Ибраим с трудом пошевелил непослушными губами и выплюнул в лицо майора сгусток кровавой слюны.

- Ондан сонъ дерт адам мени бир одагъа сюреп ойле догдюлер ки, эсимни джойдум. – улыбаясь рассказывал Ибраим.

А что улыбаться-то, что веселого в этом: «После этого четверо мужиков заволокли меня в какую-то комнату и так избили, что я потерял сознание».

Да уж, веселенькая информация!

- Но сыновьям я об избиении не сказал, - строго проговорил Ибраим, - и ты, смотри, при случае не проговорись. А то взорвут они к гнебеней матери всю эту будку.

- Ха, взорвут! – засмеялся Керим. – Слава богу, бомбы у наших нет.

- Надо будет, и бомбу найдем, - сурово произнес Ибраим.

«Ого!» - подумал Керим.

Меня никто никогда не избивал и я никогда не терял сознания, за исключением одного давнего случая. Дело было жарким летом одна тысяча девятьсот сорок второго года. Мы с другом довоенной поры Димкой и с примкнувшими к нам ребятами играли в бывшем нашем дворе, теперь занятом какой-то важной немецкой частью. Всех жильцов немцы выселили, осталась только семья Димки, отец которого служил еще до войны нашим дворником. Немцы - новые хозяева, гнеби их мать! - разрешили семье дворника оборудовать под жилье подвальное помещение, там все и ютились. Я же регулярно приходил в наш двор с другого конца города, и мы с моим старым товарищем затевали былые игры. День был жаркий, а в соседнем дворе, именуемом нами «третьим номером», был водопроводный кран, к нему мы и пошли напиться и умыться. Потом мы сидели под каштаном в том же «третьем номере», когда к крану подошла девочка моих примерно лет и сначала подставила под прохладную струю ноги и руки, а потом стала ладошками подбрасывать воду над своей головой. То ли девочка мне понравилась, то ли привлекла

затеянная ею игра, но я подошел к крану и тоже стал подбрасывать вверх воду. Девочка завизжала, призывая маму. Из дверей напротив крана выглянула бабенка, обругала меня паразитом и истошно стала звать:

- Ганс, Ганс! Ком! Анечку обижают!

Из-за спины орущей тетки выбежал дюжий немец с заросшей рыжей шерстью голой грудью, подбежал ко мне и вплеп пощечину. Я отлетел в сторону и очнулся уже в нашем дворе, куда меня притащили мои товарищи...

Недавно, по прошествии шестидесяти лет, я зашел как-то во двор «третьего номера». Тот кран стоит, правда воды в нем уже нет. И те двери еще не обрушились, за которыми отдыхал веснушчатый немец, когда его позвала наказать восьмилетнего мальчишку его русская подруга. Бедный рыжик, наверное, сковырнулся где-нибудь под нашими пулями, а та девочка, моя ровесница, и теперь проживает, пожалуй, за той дверью.

Если уж я начал говорить о нашем дворе, куда я приходил играть после того, как мы с мамой вынуждены были переселиться к бабушке, то можно продолжить эту тему. Территория нашего двора, посередине которого стояли три корпуса, соединенных на уровне третьего этажа крытой галереей, была довольно большой. Где-то в конце сороковых годов жильцы занялись посадкой деревьев, и мы с папой тоже посадили пять деревьев - одно абрикосовое, две вишни и две сливы. Плодовитей всех оказался абрикос, и обитатели двора до середины восьмидесятых собирали с моего дерева урожай, называя, кстати, это дерево моим именем – вот так! Не зря посадка деревьев считается богоугодным делом...

Но вернемся к той поре, когда мой родной город был оккупирован германской армией. Как я сказал, двор был обширен и очень хорош для самых разных ребячьих игр. К нашим развлечениям во дворе присоединялись несколько детишек из соседних одноэтажных халуп, и набиралось нас вместе с малышками человек семь-восемь. Немцы не препятствовали нам целый день бегать по двору, затевать всяческие забавы. Возможно, что офицерам и солдатам этой, по всей видимости, хозяйственной или что-то вроде того, части приятно было слышать детские голоса – люди же ведь! Нам дарили разные сладости. По весне, помню, солдаты и офицеры одаривали детишек удивительно красиво раскрашенными пасхальными яйцами. Но откуда что берется - мы детишки, старшему из которых было едва десять, относились к немцам свысока, с сознанием морального превосходства, и гостинцы принимали от них снисходительно. Мы, малыши, осознавали себя гордыми хозяевами, в дом которых без спросу ворвались чужаки.

Каждый день во дворе крутились двое наших ровесников, приходивших поутру откуда-то из-за Салгира. Их называли “штифель-бутце” – они чистили сапоги немецким офицерам. Мальчишки эти, у одного из которых был большой круглый живот, - болел, как сам говорил, “водянкой», - пытались примкнуть к нашим играм. Мы отвергали их, открыто осуждая за прислуживание немцам. Бедняги принимали наши упреки с покаянием, но, заслышав “Эй, штифель-бутце!” бежали на зов, таща на спине гремющий деревянный ящик с гуталином и щетками. Немцы им хорошо платили и, кроме того, кормили.

Изредка вся немецкая военная часть, заселившая наш дом, выстраивалась в переднем дворе - по теперешним моим прикидкам там было человек примерно восемьдесят или сто. Детей, конечно, выгоняли со двора, но мы с Димкой забирались на крышу и оттуда наблюдали, как приезжал какой-то генерал (в знаках различия немцев мы со временем стали хорошо разбираться), произносил перед строем речь, на его какие-то призывы строй дружно отвечал четкими выкриками. Потом генерал уезжал, и все расходились.

После освобождения Крыма почти все жильцы вернулись в свои квартиры. Не вернулись только семьи крымских татар, которых в доме было четыре или пять.

...Будучи в Симферополе, я всегда захожу в «наш» двор, где уже выкорчевали старый иссохший абрикос, но на месте тоже моим отцом посаженных вишен и сливы «ренклад» разрослась их поросль. Заглядываю, направляясь в сторону железнодорожного вокзала, и во двор «третьего номера», обращая внимание на глухую, безводную водопроводную колонку. Этот «третий номер» стал омерзителен всей округе еще осенью сорок первого года. Проживала там в одной из двухкомнатных квартир семья – муж, жена, двое сыновей. Каждому из мальчишек, было в сорок первом году по двенадцать или тринадцать лет, но они не были двойняшками – они были, что называется, сводными братьями. Отец одного из них развелся с русской женой и женился на русской же матери другого, ушедшей с сыном от мужа-еврея. С началом войны отец семейства, как положено здоровому мужчине, ушел на фронт, а семья его так и жила бы, как все семьи, и, может быть, дождалась бы конца войны и возвращения живого отца семейства. Но осенью сорок первого, уже после того, как город Симферополь содрогнулся от известия, что всех его граждан-евреев, – и младенцев, и стариков, – созванных расклеенными по городу объявлениями во двор медицинского института, отвезли в крытых грузовиках на расстрел, случилось в «третьем номере» неслыханное злодейство: русский мальчик донес немцам на своего сводного брата. Офицеры из военной комендатуры приехали белым днем на открытом легковом автомобиле, связали мальчику-полукровке руки, заткнули тряпкой рот и посадили на заднее сиденье между двумя молчаливыми солдатами. Мать мальчика разок только двинули прикладом автомата (все знают, как тренированные воины умеют это делать – помните кадры, снятые у телецентра в Вильнюсе в царствование Горбачева?). Крик женщины оборвался, а ее приемному сыну, донесшему на брата, немцы вручили две банки сгущенного молока и шоколад в маленькой круглой коробке. Мать еврейчонка потом оклемалась и куда-то уехала, а тринадцатилетний герой остался в квартире один, получал, сиротка, от сердобольных немцев солдатский паек – ежедневное трехразовое питание, и после войны, говорят, еще долго жил там же, а, может, и по сей день живет в том же дворе.

Хотите плюнуть в ворота этого двора?

Погостив два дня, Керим собрался домой.

- Подожди до завтра, - сказал Ибраим. – Мне в Симферополь надо, вместе поедем.

Оказалось, что в Симферополь Ибраим вез собранные среди немногих в его районе крымских татар, в основном не имеющих прописки, подписи под очередной жалобой в Москву на беспредел местных властей.

- После избиения в милиции и я активистом стал, - сказал Ибраим. – Миллет ишине эпимиз кошылмакъ борджлумыз. Все должны участвовать в народном деле.

- А есть такие, кто не участвует в национальных мероприятиях? – спросил Керим.

- Хе! – усмехнулся Ибраим. – Вот мой сосед Амет. Когда я однажды собрался на митинг в Симферополь, он отказался ехать.

- Анда барсам къарным тояджакъмы? – говорит. - Если я поеду на митинг, сытым буду, что ли? Кто траву на огороде прополет?

Я сердито ему говорю:

- Аш бермеселер сен дуагъада бармаз эдинъ. Ты и на поминки бы не ходил, если бы там не подавали еду.

И даванул на газ. Понимаешь, он сюда из Бухары приехал, там наших мало было, он общался в основном с узбеками и потерял немного национальное чутье. А вот в прошлый раз я завел уже машину, вижу, Амет ко мне спешит.

- Башынъа акъыл кирген экен, - говорю я. – Мозги у тебя просветлели.

Он сначала молчал, а потом проникновенно произнес:

- Если не пойду, то оскорблю память погибших.

Я хотел его спросить, что, мол, во сне духи умерших, что ли, тебе явились? Но потом решил не ехидничать. У него в сорок четвертом все в большой семье погибли.

- А как проходят мероприятия? Без провокаций? – спросил Керим, вспомнив события на митинге в Симферополе.

- Э-э! Разные люди бывают. Тут однажды один солидного вида гость, приехавший из Узбекистана, шумел. Я, говорит, первый сообщу в КГБ, если узнаю, что кто-то передает материалы о крымских татарах иностранным журналистам. Вот собачий сын!

И он опять выругался, чего раньше Керим за своим дядюшкой не замечал. Нынешняя крымская действительность, мать иху!

- Конечно, мир должен знать об издевательствах советской власти над нами, - заметил он.

Ехали они на ибраимовском «Москвиче», любовались видами Крыма. Керим обратил внимание, что живет нынешнее население Крыма в приземистых старых жилищах, оставшихся от девятнадцатого века, или в похожих на большие картонные коробки из-под обуви так называемых «переселенческих» домах, в которых селили собранную со всей территории России и свезенную в опустошенный Крым рабочую силу.

- Наши татары в Узбекистане даже из сырцового кирпича строят дома, которые по сравнению с этими лачугами кажутся дворцами, - заметил Керим.

- Да, - согласился Ибраим. – Если бы сюда перенести построенный мной в Кувасае дом, то вся бы округа сбегалась бы на него полюбоваться.

Забегая по времени вперед, скажу, что добротные каменные дома стали строить в Крыму возвращавшиеся в конце 80-х годов татары. Строили они их до подлой павловской денежной реформы девяносто первого года, а потом достраивать смогли в основном те, кто запасся заранее стройматериалами. Но пришло время, и народ приспособился к новой реальности и стали оживать недостроенные здания, вызывая у русского населения Крыма зависть, а у некоторых и злость.

По этому поводу произошел однажды у меня и моего спутника острый разговор с четырьмя русскими мужиками.

Но прежде, чтобы было понятно, приведу некоторые цифры.

В Крыму приличные люди строят дома из ракушечника. Один блок ракушечника равнозначен двенадцати стандартного размера кирпичам. Когда полулитровая бутылка водки стоила 2 рубля 87 копеек, стоимость одного блока ракушечника была двадцать копеек, то есть за цену одной поллитры можно было купить 14 блоков. На строительство средних размеров шестикомнатного одноэтажного дома идет 5 тысяч камней. Это 357 поллитровок, то есть за год воздержания от выпивки можно приобрести ракушечник на хороший дом.

Так вот в магазине, куда мы зашли за продуктами, четверо веселых мужчин оставили в сторону вторую опустошенную поллитру и принялись за предпоследнюю.

- Эй, - окликнули они моего спутника, которого знали по работе. – Ты не пьешь, так может твой гость не откажется? Давай, земляк, прими!

И мужчина протянул мне стакан.

- Извини, брат, я тоже не пью, - не совсем искренне ответил я.

А с чего бы я стал хлебать это зелье здесь с незнакомыми парнями?

- Куда вы, татары, свои деньги деваеете, если водку не пьете? – недоуменно, хоть и полушутя, вымолвил угощавший и сам опрокинул стакан.

- А мы дома строим, своих жен и детей кормим и одеваем, – неприятно произнес мой товарищ, действительно не пьющий, и которому его товарищи по работе давно надоели своим подшучиванием над его неприятием водки.

- Да брось ты, Вася, не уговаривай их! – тоже неприязненно высказался другой мужчина.

- Не, погоди! – Вася завелся. – На какие деньги вы, татары, дома строите, а?

- Так сказано тебе, на те деньги, которые ты на водку тратишь, - ответил мой товарищ, думая, что этим завершит надоевший уже разговор.

- На эти деньги дом не построишь! – выкрикнул Вася, под одобрительные голоса товарищей.

Я решил, что вот так уйти будет непедагогично. Надо же этих хоть иногда уму-разуму учить...

- Ладно, ты мне скажи, ты сколько водки в неделю потребляешь? – спросил я Васю, доставая из кармана ручку и листок бумаги.

- Какое твое собачье дело? На свои пью! - зло ответил Вася.

- Не горячись. Ну, допустим одну поллитру в неделю...

Последовало недолгое всеобщее молчание, потом взрыв хохота.

- Ну, Васек, ты у нас интеллигент!

- Вася, ты, что, завязал?

- Вась, а Вась, зайди ко мне, я тя угощу, если уже денег даже на пузырь не можешь заработать.

- Хорошо, - сказал я, когда смех поутих. - Десять поллитровок в неделю, да?

- Ну, это перебор. Это не всегда, только ежели праздники. А так, ну шесть, ну семь пузырей...

- Пусть будет поллитра на день, идет? - спросил я, и сделал простой расчет на бумаге. - Так вот, слушай.

Я пересказал кратко тот расчет, который был приведен выше:

- За год воздержания от выпивки можно приобрести ракушечник на хороший дом. Еще год не потребляй ее или потребляй умеренно, и на другие стройматериалы наберешь. Еще годик – и дом готов. Ну, как?

Не вполне еще пьяные мужики молча смотрели на нас, потом один из них взял листок бумаги с простыми расчетами и долго глядел на них.

- Да, так и получается, - задумчиво и без ерничания произнес он, возвращая мне листок.

- Оставь себе, - сказал я, довольный произведенным впечатлением. – Может пригодится.

- Ну, пойдем, - сказал все время молчавший мой товарищ.

Он протянул руку Васе, потом тому, который сложил листок с расчетами и спрятал в карман, потом обменялся рукопожатием и с остальными. То же сделал и я, не сдерживая ухмылки.

Василий решил, видно, сказать нам, татарам, приятное:

- Правду говоря, хороший у вас народ, трудолюбивый. Про дома мы не со зла говорим.

- Это мы от зависти, - хохотнул другой, и добавил: - Нет, ты не подумай. Вот у нас один из ваших работает, любую просьбу выполнит как надо. Отличный механик.

- Это ты про Акима? - встрял в разговор третий. – Да, Аким у нас чемпион...

Ему не дали договорить, опять загремел смех из четырех здоровых глоток.

- Чемпион! Любого из нас перепьет! Ты ему бы про поллитровки рассказал!

Мужики весело гоготали.

Улыбнулись и мы, хотя ничего веселого не было в том, что наши парни тоже порой приобщаются к этой мерзкой водяре.

- Слушай, - говорил Керим своему дяде, продолжая начатый разговор, - ведь в Узбекистане русские люди совсем другие, а? Работящие, тоже пьют, но в меру,. Вот отец моего школьного товарища, вернулся с войны раненым, сумел хороший дом построить,

сына родил и воспитал. Правда, он не православный, баптист он. Но разве это имеет значение?

- Значение имеет то, что русские в Узбекистане из тех, кого раскулачивали, - ответил Ибраим. – Ну а в Крым из России завезли тех, кто раскулачивал, да еще и при советской власти не сумел устроиться на своей родине. Перекати-поле, одним словом.

- А как они Крым испоганили за эти годы! – и тут Керим рассмеялся. – Я вспомнил, как читал в очередной мерзкой книге, что воды в Крыму не хватает по вине татар. Татары, оказывается, очень любят козлиное молоко – ты слышишь? – и разведенные ими козы съели всю траву на склонах гор, оттого и воды не стало.

- Вот неумелые фантазеры! – захохотал Ибраим, на что Керим возразил:

- Эти люди, пишущие всякую чушь по заказу, прежде всего не уважают своих же читателей. Где логика в том, что наш народ, тысячелетиями хозяйствовавший в Крыму, способствовал тому, что не стало здесь воды после нашего выселения, а?

- Кстати, мы разводили в основном овец, а коз завели здесь послевоенные пришельцы, которые коров прокормить не могут! - Ибраим весело смеялся.

- Ты знаешь, Ибраим-эмдже, что написал о Крыме русский поэт Волошин? Он написал, что после захвата Крыма Россией «народ ушел, источники иссякли, нет в море рыб, в фонтанах нет воды». И это он написал еще в двадцатых годах. Что он написал бы сегодня?

- Вот честный русский человек! С такими русскими я ходил в разведку и опять пошел бы! – воскликнул Ибраим. – Между прочим, мне мой дед говорил, что по рассказам стариков раньше рыбы в Черном море было, действительно, больше. Все правильно написал этот..., как его?

- Волошин.

- Да, Волошин. Настоящий человек! Его сейчас печатают?

- Печатать-то печатают, и поэму «Дом поэта», откуда эти строчки, тоже напечатали. Но эти и другие строки очень уж коробят душу некоторым российским деятелям культуры. В предисловии к книге известный советский поэт обвинил Волошина, что он написал добрые слова о крымских татарах не искренне, а был подкуплен ими.

- Да ну? Неужели поэты так друг друга оскорбляют?

- Еще как!

Керим напомнил своему дяде о Пастернаке, которого затравили после получения им Нобелевской премии. А Ибраим в ответ рассказал своему племяннику о том, как до войны татарские писатели ругали в газетах и в журналах старого поэта Бекира Чобан-заде и молодого Эшрефа Шемьи-заде...

Так в невеселых разговорах и доехали до места назначения.

Глава 14.

О том, что Февзи уже не имеет прописки в Питере, знал только Олег, даже Володя не был о том уведомлен. Но был он недавно уведомлен в том, что его протеже Февзи относится к неблагонадежной нации и должен быть уволен. Информацию об этом бедный Володя воспринял очень болезненно, протестовал, подготовил отчет о работе группы, в котором заслуги Февзи были выпячены и даже преувеличены.

Под новый год Февзи приехал в Ленинград по вызову руководства. Он после того разговора с Дим Димычем догадывался, зачем его вызывают. Перво-наперво Февзи встретился с Володей. Володя очень грустно уведомил своего друга о намерении руководства уволить его.

- Но я согласия на это не даю, - решительно заявил Володя.

После появления Февзи в отделе давление на Володю усилилось. Апелляция его к высшему руководству учреждения ничего не дали, так как этому высшему руководству был представлен секретный материал, касающийся личности защищаемого Володей начальника старокрымской базы. В парткоме и самому Володе сообщили некоторые сведения, касающиеся Февзи, «скрывавшего свое крымско-татарское происхождение». Володя взбеленился было, стал что-то горячо говорить об интернационализме, о конституции. В ответ ему без обиняков сказали, что, противопоставляя свое неправильное понимание текущих задач требованиям времени, он не может рассчитывать на сохранение должности руководителя научной группы.

- Конечно, будет очень жаль, если отдел лишится такого опытного руководителя, каким являетесь вы, товарищ Орлов. Но мы надеемся, что хорошо известный вам товарищ Павлов тоже справится с работой, которую в настоящее время выполняете вы.

Характерно, что всю эту кампанию по запугиванию Володи проводили совместно партком и профком, а не администрация – это было новый тактический прием гвбни. Для давления на руководителя группы был выбран весьма подходящий момент, когда директор учреждения, известный академик, находился в длительной зарубежной командировке. Не будучи ученым мужем из плохого романа, который оторван от реальной жизни и знает только свои формулы или своих букашек-таракашек, Володя сознавал, что апеллировать в создавшейся обстановке к администрации вообще-то бесполезно. Тем не менее, он пришел на прием к исполняющему обязанности директора с материалами, свидетельствующими о научных и организаторских заслугах Февзи. Ответ, полученный им, был столь же бесцветен, как и личность исполняющего обязанности, и сводился к тому, что профсоюзная и партийная организация «тщательно разберутся в сложившейся ситуации».

Февзи работал один в коллекторской, когда туда вошел Володя. Пожали друг другу руки.

- Февзи, - сразу же начал Володя разговор. – Надо поговорить.

- Я тоже думаю, что надо, - отозвался Февзи, не прекращая работу. - Говори.

- Разговор серьезный, оставь все дела, - строго произнес Володя. – Я хочу тебе обрисовать ситуацию.

Февзи отодвинулся от лабораторного стола и повернулся к другу. Тот молчал.

- Если бы я думал, что ты слабак или держишь меня за глупого, то я тебе сейчас сам сказал бы, о чем ты хочешь со мной говорить, - произнес без улыбки Февзи.

- Да, я знаю, что ты знаешь - ответил Володя. – Но все же мне нелегко, мне противно говорить тебе то, что я должен сказать.

Он сел на стоящий у стенки стул и продолжил.

- Я вынужден был подать заявление на прием в партию и меня приняли в кандидаты, тебе это известно. Если я сейчас не дам согласия на твое увольнение, то меня в эту организацию не примут. А значит, согласно недавно внедренному порядку, от руководства экспедицией меня отстранят и назначат на эту должность Павлова.

- Только не это! – воскликнул Февзи. – Можешь не продолжать, я все давно знаю. И еще вот что, - перебил Февзи намерившегося продолжить свои пояснения Володю, - мы оба знаем, что меня в любом случае уволят, не так ли? Поэтому мне непонятно твое смущение, какое-то у тебя чувство вины передо мной, будто бы ты в чем-то виноват...

- Но ты же понимаешь, - произнес подавленно Володя.

- Да, мы оба понимаем, что вопрос стоит так: или увольняют одного меня, или же увольняют нас обоих. Что, трудный выбор? – Февзи засмеялся.

Володя тоже попытался улыбнуться, но у него не получилось.

- Но я в этих обстоятельствах выгляжу как предатель...

- Только в глазах обалдуев! – воскликнул Февзи. – Даже вся эта партийная сволочь не поверит, к сожалению, что ты стал для них своим человеком!

Володя был сумрачен. Февзи пожалел, что он опоздал с этим разговором – надо было ему первому произнести все то, что было сейчас сказано. Конечно, его друг в этой ситуации должен чувствовать себя преотвратительно, как каждый порядочный человек.

- Мы с тобой прагматики, мы оба заинтересованы в нормальном развитии работы экспедиции, - продолжал Февзи. – Итак, поступило два альтернативных предложения. Первое - уволиться мне, а тебе обеспечить нормальную работу экспедиции. Второе – уволиться обоим и сдать экспедицию этому фальсификатору и конъюнктурщику Павлову. При первом варианте надо учитывать ухудшение твоего самочувствия, при втором варианте нельзя сбрасывать со счетов твое же предательство в отношении всех работников экспедиции, не говоря уже об интересах науки. Ну, какой вариант выберет честный человек?

- Да, ты умеешь подсластить горькую пилюлю, - все так же хмуро произнес Володя.

- Эту пилюлю при первом варианте глотать принужден будешь только ты! – воскликнул Февзи. – Я не в счет, я в любом случае должен уйти. Ты обязан проглотить эту горечь! За тобой наука, за тобой твои сотрудники! Все мы понимаем, что тот, кто может на твое место прийти, найдет в Старом Крыму и славянское городище, и берестяные грамоты.

Тут уж подобие улыбки скользнуло на лице Володи.

- Тебе бы стать адвокатом, ты бы на весь мир прославился, - проговорил он.

- У нас стать адвокатом? Ты шутишь! - засмеялся Февзи.

- Я не сказал, что у нас, - печально улыбнулся Володя. - Ладно, жертва начальника-приспособленца, пойдем в пивную.

Пиво любят все, в том числе, как известно, и ученые мужи. Однако настроение Володи не улучшили даже раки, которых сегодня подавали в пивной на Невском. Одна мысль мучила его.

- Куда ты теперь денешься, Февзи? - траурным тоном спросил он друга.

- Как куда! - Февзи отодвинул одну кружку и притянул к себе вторую. Он был сегодня с точки зрения Володи непозволительно легкомыслен.

- Как куда! – повторил Февзи, сделав несколько больших глотков: пиво, вообще, надо пить серией больших непрекращающихся глотков. - В Крым, конечно!

- Так татар же там не прописывают, - неуверенно произнес Володя. – Тебя же из помещения базы теперь выпишут.

- А у меня там дом куплен! – громко засмеялся Февзи. - Да, да! Я, когда эта каша только начиналась вариться, купил на горном склоне над озером дом и там прописался на законном основании. Дом, конечно, не дом, а домик, дешевая временочка, но с земельным участком. И я уже заказал стройматериалы, вот приеду туда, а там уже штабеля желтого пиленого ракушечника, доски и шифер. Нет, я не шучу, - добавил Февзи, встретив недоверчивый взгляд друга. - Все как есть говорю! И про стройматериалы тоже правда. Я ведь все эти годы практически на двойном окладе сидел, да еще и на государственных харчах.

- Ну, ты молодец! - первый раз за день Володя смеялся от души. - Ну, татарин ты крымский, ловкач!

- А у нас вся порода такая! - тоже смеялся Февзи, радуясь, между прочим, тому, что у его друга, кажется, полегчало на душе, но все же добавил: - Ремонт служебного автотранспорта, между прочим, я производил бесплатно сам. Так что...

- Когда меня все же вытурят с работы, - смеялся Володя, - я к тебе приеду, ты меня где-нибудь пристроишь!

- А пока не вытурили, будешь приезжать на отдых! - вторил ему Февзи. - С Олегом вместе будете приезжать!

- Обязательно! - восклицал Володя. - С женой и детьми!

- Как? Уже есть и жена на примете? - изумился Февзи.

- На примете может быть только невеста. Да, невеста есть, значит, скоро будет и жена.
- Володя снова стал серьезным. - На свадьбу приедешь?

Февзи радостно обещал приехать на свадьбу друга, а сам подумал, что о своей свадьбе пока говорить не будет, ибо не все еще решено. Однако после того как побывает в своем новом крымском поместье, надо ехать в Узбекистан к своей избраннице, а то как бы не увели.

- А где ты на своем горном склоне найдешь работу, - вдруг опять встрепнулся Володя.

- Конечно же, там историки с университетским дипломом не нужны, - улыбнулся Февзи. - Но ты не забывай, что я классный механик с трудовым стажем. В районную «Сельхозтехнику» устроюсь или на автобазе какой-нибудь поработаю.

- Археолог твоей квалификации! - воскликнул Володя, потом грустно заметил: - А я ничего делать не умею. Если выгонят из института...

- То пойдешь на пляж фотографировать отдыхающих! - продолжил смеясь Февзи.
Ребятам было весело.

Февзи написал заявление об уходе из Экспедиции «по собственному желанию», получил расчет и улетел в Крым. Несколько дней он провозился на своем участке, приводя в порядок двор и домишко. Потом появился в районном объединении «Сельхозтехника», которое, кстати, располагалось в том же Старом Крыму. Там по его документу и по записям в трудовой книжке приняли на работу авторемонтником. При этом Февзи обговорил себе право приступить к работе через две недели – ему надо было съездить в Чирчик и жениться.

Свадьбу в Чирчике сыграли скромную, но человек тридцать гостей все же набралось. Тут и родственники со стороны невесты, и друзья самого Февзи еще с прежних лет, и соседи. Всех интересовал факт женитьбы ленинградского научного работника на скромной девушке из Чирчика – о том, что Февзи живет в Крыму, знали только тетушка Мафузе и ее дети. Скрыть этот факт настойчиво просила сама тетушка Мафузе, бедная, запуганная годами спецпереселенческой жизни женщина. Февзи поначалу возражал против такой перестраховки.

- Мафузе-абла, никто меня теперь спецпереселенцем не сделает! – смеялся он.

Но убедил его в необходимости соблюдать известную осторожность Энвер, старший сын тетушки.

- Будь уверен, что уже завтра же в райотделе КГБ появится подробный отчет об очередной крымскотатарской свадьбе, - уверял он Февзи. – Ты что думаешь, среди наших татар нет сволочей, работающих на них? Одно дело, что крымский татарин Февзи увозит свою молодую жену в Ленинград, – тоже очень неприятно местным чекистам, – и другое дело, что молодая крымскотатарская семья будет проживать в Крыму. Понимаешь?

Февзи подумал и понял.

Но ни он, ни его более опытные в этих сплетениях коварства и зависти чирчикские друзья не знали, что если донос на ленинградца и поступит, то уже не в первый раз.

Опять же по настоянию тетушки Мафузе Февзи попросил свою невесту скрыть от своих родителей, что после свадьбы они будут жить в Крыму. Кстати, решил он, что предоставляется случай проверить, насколько молодая жена предана своему мужу - не так уж был он прост, наш историк-автомеханик. По не изменившемуся поведению родителей Лютфие он понял, что его избранница послушалась мужниного наказа.

Но билеты молодожены взяли на ленинградский поезд – нужно было показать Лютфие великий город, сходить с ней в Эрмитаж и, главное, отпраздновать бракосочетание в кругу ленинградских друзей.

Добирался скорый поезд из Ташкента в Ленинград более трех суток. Сама дорога из центра Азии к берегам Невы была немалым приключением для впервые едущей на поезде Лютфие, как, впрочем, и для Февзи, - ведь во время всех трех его посещений Узбекистана

он пользовался услугами Аэрофлота. Когда поезд пересекал пустыню с ее юртами, верблюдами и жарой в его памяти возникли давние картины, когда он с матерью и братом, с другими односельчанами ехал в противоположном направлении, из Европы в Азию, и когда даже мудрый Мурат-эмдже не предполагал, что везут их на погибель...

Глава 15.

На собрании крымских татар, проходившем в здании городской школы, недавно избранный председатель райсовета, бывший главврач поликлиники, нахамил Кериму.

- А ты, да-ра-гой, занимался бы своим огородом. Надеюсь, это дело у тебя хорошо получается. И не лезь, когда грамотные люди серьезные вопросы обсуждают.

И обратился с глумливой улыбкой к представителю из Симферополя:

- Понаехали сюда деньгу легкую зашибать! Едва по-русски говорить умеют, а туда же, со своими рассуждениями лезут.

Керим смолчал, но затаил желание отомстить. Долго ждать не пришлось. Когда собрание закончилось, Керим увидел, что председатель райсовета по срочной нужде забежал в туалет. Керим задержался в коридоре. Спустя некоторое время шибко грамотный председатель вышел из уборной и поспешил к выходу. Мельком окинув взглядом оба конца коридора и убедившись, что он пуст, Керим пошел навстречу председателю и втолкнул его в открытую дверь классной комнаты.

- Тихо, сволочь, не смей подымать шума! – Керим прижал бывшего главврача спиной к исписанной мелом классной доске и схватил его левой рукой за горло. Председатель уписался бы от страха, однако было нечем. Но его страха оказалось достаточным для того, чтобы не вздумать поднимать крик, - он ощущал сильные пальцы этого огородника на своей шее.

- Ты халтурщик, который рецепт написать грамотно не может. Я знаю, как к тебе относятся врачи поликлиники. Я, чтобы ты знал, таких как ты вышвыривал из института...

- Ты..., вы...? – бывший главврач заикался то ли от страха, то ли от удивления.

- Да, я! Я профессор, доктор наук в той области знаний, в которой ты, поганец, пытаешься халтурить. И приехал я на родину не деньгу зашибать, а работать на благо людей, лечить их. А твоя власть мне, профессору, отказала даже в должности дежурного врача. И приехал я в Крым оставив должность заведующего кафедрой. А ты, недоучка, смеешь глумиться надо мной!

Не ожидал от себя всегда сдержанный Керим такого неординарного поступка. Но видно силен был шок от беспардонного заявления председателя, шок даже на фоне тех унижений, которым оказался подвержен профессор Асанов в последние полгода по прибытии на родину.

Тесен мир и невелик. Особенно невелик Крымский полуостров, нити людских судеб встречаются и расходятся здесь чаще, чем мы об этом узнаем. И не предполагал Керим, что судьба еще прежде, много лет назад, сводила его с этим, ныне амбициозным, но жалким по своей сути субъектом.

Отец Керима, врач-хирург, ушел на фронт в первую же неделю после начала войны. В семье на руках матери, окончившей перед замужеством фармацевтический техникум, осталось трое детей. В последние годы перед войной она не работала – занималась большой семьей. Теперь жить в городе не представлялось возможным, и Зекие с тремя малолетними детьми решила уехать в деревню Гюлим недалеко от Севастополя, где жил ее старший брат Иззет, инвалид, который не мог быть призван в армию. Иззет в колхозе

заведовал пасекой, да и своих пчел у него было немало. Жена его возила ароматный крымский мед на базар в Мелитополь, и семья всегда жила в достатке. Иззет и его жена были бездетными. Они радушно приняли Зекие с детишками. И все жители деревни были рады приезду Зекие, которая тотчас же устроилась в оставшуюся без работников колхозную лечебницу на должность медсестры.

Керим с братьями целые дни проводили на лугу рядом с превращенной в склад мечетью. С деревенскими сверстниками горожане быстро подружились, научили их городским играм.

Среди завсегдатаев луга был белобрысый и всегда сопливый мальчишка лет семи. Он смотрел со стороны на других детей играющих в разные игры, и никогда не присоединялся к ним. Когда раздраженные его хихиканьем и всегда замызганными соплями щеками пацаны кидали в него пучок травы или даже давали легкого тумака, он бежал к плетню своего двора, соседствующего с излюбленной полянкой деревенской детворы, и кричал противным голосом «Па-а-па!». Родители его, у которых он был единственным ребенком, строго велели ему звать в критических случаях не к папе, а к маме, но он по привычке каждый раз начинал «Па-а-па!», потом спохватывался и уже орал «Ма-а-ма-а!». Дело было в том, что отец сопливого, колхозный бухгалтер Степанов, был призван, как и все мужчины, в армию, куда и отправился в августе, оставив бухгалтерию на жену, бывшую при нем счетоводом. Но уже в середине сентября Степанов тайком объявился в селе, первое время скрывался, но... Сами понимаете, село есть село, это вам не Москва, где человеку запросто затеряться. Женщины поначалу посетовали на то, что единственно у этой Степановой муж вернулся домой, да и забыли вскоре о том судачить, тем более что эта маленькая семья была как бы чужая в их деревне - за год до войны только приехала откуда-то с Донбасса. При встречах с соседками Степанова говорила, что мужа ее медицинская комиссия отправила домой по состоянию здоровья. Может, так оно и было, потому что еще раньше было известно, что из Донбасса Степанов с женой и с маленьким сыном приехал в Крым из-за полученной на шахтах болезни. Хотя какую болезнь на шахте мог получить бухгалтер? – ну да бог с ними, необщительные были это люди.

Так вот, папаша сопливого после возвращения в деревню на работе не восстановился, на улицу не выходил – похоже ждал ухода советской власти. И ребенку Степановы запрещали звать к отцу, чтобы не напоминать лишний раз, что в доме есть молодой мужик, когда в других домах только старики и малолетние мальчишки.

И советская власть покинула Крым. Дело не в том, что все люди так уж безумно любили советскую власть, но она при всех этих отъемах имущества, коллективизации, пропажах людей была все же своей властью. А тут эти чужаки, оккупанты ...

Приходу немцев предшествовали трагические события, развернувшиеся неподалеку от деревни.

Со стороны побережья, оттуда, где стоял город Севастополь, то и дело доносился раскатистый грохот взрывов. Над деревней Гулим пролетали с тяжелым гулом немецкие самолеты. Но в самой деревне вот уже несколько дней стояла наша пехотная часть, не больше роты. Телеги были скрыты в садах, бойцы разместились по домам.

Командиры были недоступны для вопросов женщин, а красноармейцы в большинстве грустно отмалчивались, ибо и сами не знали, что будет завтра, а может и через час. Были и такие, которые злобно скалились и говорили:

- Не бзди, тетка, немцев в вашу деревню не пустим, уничтожим их здесь в смертельном бою.

Но хромой Иззет успокаивал селян, обращая их внимание на то, что окопов солдаты не роют. Значит, оборонять деревню здесь не собираются.

Но несколько женщин решили уйти со своими чадами из деревни, стоящей у опасного севастопольского тракта, скрыться у родственников в горах. Не вняв уговорам Иззета решила спрятаться на время в дальней деревеньке и Зекие.

- Брат, у меня трое детишек, за которых я в ответе перед их отцом, - говорила Зекие. - Ты уж прости меня, и пусть односельчане тоже на меня не обижаются. Как только обстановка прояснится, мы сразу вернемся к тебе, в город я уже детей не повезу.

Она собрала вещи в узелок и с тремя мальчишками отправилась ранним утром в путь.

Километра через три беженцы поднялись на склон горы, с другой стороны которой располагалось селенье, где мать решила спастись от неожиданностей войны.

Со склона навстречу женщине и детям спускалась четверка молодых краснофлотцев. Непонятно, откуда они шли и что знали. Пока парни в тельняшках и бушлатах что-то говорили мальчишкам, со стороны трассы послышался характерный рокот мотоциклов – суки немцы всегда пускали их вперед, если не видели сопротивляющихся войск. Зекие запаниковала и стала говорить краснофлотцам, что, совсем неподалеку в деревне еще стоят наши, что они успеют до них добежать. Моряки посовещались и сказали, чтобы она по быстрому уходила за гору, что они дадут здесь бой фашистам. Зекие плакала, просила ребят все же дойти до наших войск. Время было потеряно и теперь женщине с сыновьями было не успеть скрыться за склоном.

На обрыве можно было разглядеть что-то похожее на вход в пещеру. Возможно, моряки давеча прятались в ней, потому что их старший велел отвести туда женщину и детей.

- И подсади их, им не влезть будет, - добавил он, будто бы этот веснушчатый улыбчивый здоровячек сам не догадался бы.

Краснофлотцы весело попрощались с мальчишками, так весело, будто собирались на гулянку, где малышам не место. А глупые малыши не понимали того, что поняла их мать.

У моряков были автоматы и гранаты, и они, подпустив мотоциклеты с колясками поближе, открыли по врагу прицельный огонь. Сразу же, до того, как немцы успели соскочить с сидений и залечь, около десятка оккупантов остались лежать на дороге и на ее обочине. Но подходили военные грузовики, из которых высаживались солдаты в черного цвета мундирах, и вскоре склон горы был охвачен вражеским полукольцом.

Бой шел часа два. Из пещеры хорошо было видно, как от разрывов брошенных моряками гранат разлетались в стороны тела вражеских солдат. Каждый такой взрыв, каждый удачный выстрел, после которого вражеский солдат откидывался назад или утыкался лицом вперед, мальчики в пещере встречали радостными криками. Но и немцы швырялись гранатами, и у них не затихали автоматы, и когда падал пораженный матрос, горестный возглас женщины был громче ребячьего крика. Но матрос поднимался, вновь брал автомат, вновь бросал здоровой рукой гранату в поднявшихся в цепь вражеских автоматчиков...

Немцы и во время боя и потом уже все поглядывали на расщелину на склоне, но поленились подняться до нее. Хорошо, что не имелось в те времена у немцев огнеметов «шмель», а не то зафугачили бы в пещеру заряд и было бы как в Беслане.

Наши морячки насмерть поразили не менее трех десятков вражеских солдат и офицеров и еще больше раненных отвезли санитарные машины. Тела своих убитых немцы сложили рядом у подножия горного склона, и подъехавшая к полудню команда похоронила их всех на другой стороне дороги. Тела же наших краснофлотцев немецкие офицеры осмотрели и оставили лежать на месте.

Все это женщина и дети безмолвно наблюдали из своего убежища.

Весь день в сторону Севастополя шли немецкие грузовики орудия и танки.

Когда стемнело мать и трое мальчишек вернулись назад в свою деревню, из которой наша пехота ушла во время боя, проведенного героями-краснофлотцами. Немецкие солдаты тоже побывали в деревне, обошли все дворы, но не задержались в ней, а в стороне моря усилился грохот боев.

На рассвете следующего дня несколько сельчанок с лопатами добрались до склона, где лежали наши ребята и захоронили их. Над могилой дядюшка Иззет прочел, как полагается, молитву.

Немцы заняли весь Крым, кроме Севастополя, который был недалеко от деревеньки Гулим, поэтому гул боев долетал до гулимцев и они вынуждены были к нему привыкнуть. Вскоре в деревню прибыли немецкий офицер и солдаты в сопровождении двух новых русских чиновников. Собрали всех жителей на площади перед бывшим правлением колхоза. Пришел и Степанов, которого там же и назначила новая власть старостой. Помощником ему хотели поставить Иззета, но тот преувеличил свою хромоту и отказался.

- Болар чул тутаджагъы ёк! – говорил Иззет дома жене и сестре, боязливо намекавшим на возможное преследование со стороны оккупантов, которое может возникнуть из-за отказа с ними сотрудничать. – Цена этой власти драная тряпка!

На военных дорогах многое случалось.

В 42-году немцы начали решительный штурм Севастополя. В эти месяцы немецкие автоматчики повели от моря вглубь Полуострова вереницы наших пленных. Вели их из боя, и здоровых среди них не было. Легко раненные мужики шли, исподлобья оглядывая округу, не задерживая взгляда на стоящих у деревенских околиц женщин и детей, и была в этих взглядах какая-то задумка. Отягощенные тяжелыми ранениями плелись не думая о побеге, а если и оглядывали округу, то скорее как бы прощаясь с белым светом. Но были и вовсе обессиленные, которые не имели мочи даже желать быть пристреленными – таких волокли под руки их товарищи, сами выбиваясь из сил.

«Шнель! Шнель!» - как-то даже без злобы кричали автоматчики, иногда поддавая ногой вываливающегося из нестройной колонны красноармейца. Краснофлотцев среди пленных не было, морячков наших немцы в плен не брали...

Женщины у обочины плакали, дети растерянно смотрели на тех, которыми недавно гордились, о которых пели песни.

Полетит самолет, застрочит пулемет,
Загрохочут тяжелые танки.
И линкоры пойдут, и пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки.

Те, чей дом был неподалеку, убегали и возвращались с чем-нибудь съедобным. Немецкие конвойные орали, но не особо мешали детям передавать тяжело бредущим нашим мужчинам еду, которую большинство сурово отказывались брать – «ешьте сами, пацаны».

...Подобное происходило и на городской улице, перед домом, в котором пока еще жил я. Городская улица не степное шоссе. Пленных вели по мостовой, а на тротуарах плотно стояли женщины, тщетно выглядывавшие среди униженных солдат своих близких. Но видно сформированные в Крыму дивизии ушли за Перекоп, а во вражеский плен попали крестьяне и рабочие из дальних мест России. Я помню, что большинство наших солдат были молодые, многие кричали, называя свое имя и место проживания своих родных. Женщины пытались запомнить, некоторые успевали записать, чтобы подать когда-нибудь весточку о несчастных наших мужчинах матерям и женам. Авось и к ним кто-нибудь придет весточку о родном человеке – ах война ты, война...

Однажды днем у деревни Гулим из медленно идущей колонны плененных бойцов немецкие конвоиры вывели двоих. У одного прострелен был голеностопный сустав, нога распухла, и он не мог ступить на нее. У другого были обожжены руки и лицо, кожа свисала лоскутами. Таких обычно пристреливали, но попадались, видно, и человеческие конвоиры. Этих двоих оставили на попечение жителей.

В деревне тогда стояла немецкая часть. В доме по соседству с тем, где проживал Иззет, квартировал военврач. Это немецкий доктор прямо на улице прооперировал ногу одному из оставленных пленным, ножницами срезал свисающие куски кожи у второго, смазал раны какой-то черной мазью, похожей на мазь Вишневского. Обгоревший стал жить в сарае у Иззета.

Немецкий врач через несколько дней ушел со своей частью, а за ранеными ухаживала мама Керима, которая как фармацевт кое-что смыслила в этом деле. Обожженного беднягу по имени Серафим она регулярно выводила на солнце - под его лучами из ран выползали червячки. Зекие вытаскивала их из ран пинцетом, но вытаскивала не всех, потому что, оказывается, эти личинки одного из видов мух способны обеззараживать раны.

К весне Серафим практически выздоровел, как и тот другой, с поражением сустава. И вот однажды к Иззету пришел из райцентра так называемый «сельскохозяйственный комендант» по фамилии Шатров и по секрету сообщил, что выздоровевших из числа оставленных по селам пленных немцы на днях соберут и отправят куда-то.

На следующее же утро пораньше жена Иззета тетушка Сабрие выехала на одноколке, как она делала до войны и продолжала это делать и при немцах, в Мелитополь с банками меда для продажи. Рядом с ней сидел Серафим с аусвайсом (пропуском) Иззета. В Мелитополе Серафим остался в хорошо знакомой Сабрие украинской семье, жившей на отшибе.

...Через год Керим из азиатской ссылки написал по настоянию матери письмо дяде Серафиму в Тверскую область, откуда тот ушел в армию – выжил ли? Ответного письма не последовало, но приехал сам Серафим со съестными продуктами в поселок под Самаркандом, где голодала Зекие с детьми – Иззет и тетушка Сабрие не дожили до его приезда. После того регулярно раз в месяц из Твери приходила посылка с каким ни есть продовольствием. Не будь этой серафимовской подкормки, то три мальчика и женщина тоже вряд ли выжили бы. А глава семьи, врач-хирург, с войны не вернулся...

Тогда, в сорок третьем, искать выздоровевших пленных немцы особо не стали. Прибыл на грузовике небольшой отряд военных в длинных шинелях и в касках, вызвали старосту Степанова и жителей ближних домов. Все свидетельствовали, что выздоровевшие солдаты еще летом как-то ночью убежали. Ну и что с этих «russischen Schweine» взять? Расстрелять только, но вроде бы и не за что – все же отряд был не эсэсовский.

Правда, вонючка степановский сын чуть было все не испортил. Когда переводчик орал, что жители должны, мол, знать, куда девались пленные, этот маленький вездесущий прохиндей все порывался сказать, что он видел, как недавно уходил в горы один из пленных и как вон та тетка увезла другого на телеге. Но, встретив страшный взгляд папаши, вдруг сник и отошел за спины татарских теток. Когда немецкий отряд уехал, некоторые слышали, как орал избиваемый папашей слишком много знающий соплячок.

Весной сорок четвертого Степанов с женой и сыном куда-то исчез. И вот спустя двадцать лет всплыл в Крыму младший Степанов, закончивший где-то мединститут...

Конечно, Керим не узнал в наглом председателе горсовета того сопливого мальчишку из деревни Гулим.

После инцидента в райсовете Керим был настороже, ожидая ответных действий со стороны Степанова. Однако до поры до времени никаких репрессий в отношении Керима не последовало.

К тому времени Керим решил, что для выживания в создавшейся на его родине ситуации ему надо заняться огородничеством всерьез, на рыночном уровне. Не имея соответствующего опыта, он решил скооперироваться с проживающим на соседней улице соседом, у которого это дело было хорошо поставлено. Керим предложил Таиру – так звали соседа – вести хозяйство на своем земельном участке, а на себя профессор-кардиолог брал обязанности работника в объединенном хозяйстве – что скажешь, мол, то и делать буду.

Прикинули совместный доход и без споров договорились о доле каждого.

Глава 16.

Председатель райсовета Степанов и не думал оставлять без наказания поступок Керима. Поначалу он хотел элементарно обратиться с заявлением в милицию о злодейском нападении на него татарина. Безусловно, у председателя райсовета были все основания предполагать, что милиция в подчиненном ему районе предпримет соответствующие меры и даже в отсутствии свидетелей названного нападения дело будет передано в суд. Но что в результате? Ежели бы товарищ Степанов сообразил и в тот же день запасся бы справкой о тяжких телесных повреждениях, нанесенных ему преступником, то для этого «профессоришки» - так в целях успокоения своей пострадавшей фанаберии именовал Степанов про себя Керима - можно было бы добиться наказания, которое в какой-то степени удовлетворило бы униженную гордость председателя. Но в тот день и в последующий Степанов был на людях, которые не все были лояльны к нему и не подтвердили бы, что видели его жестоко избитым. Так что этот вариант мести был, пожалуй, упущен. И Степанов решил попробовать раздуть из этого случая большое политическое дело.

И он написал полноценный донос:

«Будучи обличен высоким доверием советской власти, я избран на должность председателя районного Совета депутатов трудящихся. Однако это мое избрание всколыхнуло контрреволюционно настроенные слои выселенных из Крыма татар. Имея возможность наблюдать близко этих обоснованно выселенных из нашего Крыма людей у меня возникает законный вопрос: с какой целью в Крым приезжают татары, получившие образование в Узбекистане и даже работавшие там на профессорской должности? Причем, приехав в Крым, они терпят лишения и занимаются неквалифицированным трудом. Я думаю, что для органов безопасности ответ на этот вопрос однозначен: это татарские националисты и их подрывная деятельность в Крыму оплачивается зарубежными антисоветскими организациями. Без хорошо оплаченной вредительской цели бросать должность профессора никто не будет!

И еще я считаю недосмотром органов то, что крымским татарам разрешено защищать научные диссертации. Я считаю это ослаблением контроля над классовым подходом к подготовке научных кадров для нашей великой страны. В нашем обществе кандидаты и доктора наук пользуются заслуженным уважением и доверием народа. Поэтому контрреволюционно настроенные личности из числа высланных из Крыма татар не

жалеют усилий, чтобы получить научную степень, чтобы потом под прикрытием этой высокой степени вести подрывную работу».

Степанов послал это свое письмо в ЦК компартии Украины, а копию в Крымский обком.

В Крымском обкоме получили копию и стали ждать указаний из Центра.

Вообще-то здесь были свои большие обиды на Центр.

Как-то в ожидании собрались все свои из разных ведомств за, сами понимаете, чем. Угощал директор винсовхоза. Приняли по первой.

- Чего, действительно, Москва цацкается с этими татарами? Может мне кто-нибудь объяснить, а? – вдруг взорвался один из обкомовцев.

- Ух, эта татарва! Надоели они мне, бляди! – горячился полковник Паршин.

- Сталина на них нет! Эти, которые сейчас в Москве, взаправду слабаки. На Америку оглядываются... Вот разрешили по какому-то гребанному контракту принимать татар на работу! – это вступил еще один из обкома, рангом пониже.

Начальник райотдела госбезопасности засмеялся:

- Да фуйня все это! Разрешено по всей области прописывать, якобы. Верно Василий говорит – это для блезиру, чтобы американцам очки втереть.

- У-у! Срать я хотел на американцев! - директор совхоза возопил высоким фальцетом. - Пока я здесь директором ни один татарин ко мне в совхоз не пролезет! При Сталине этих татар бы в наручники, да в холодном вагоне, да на Колыму! Плавали, знаем!

Директор совхоза произнес эту тираду с такой страстью, что старший чекист взглянул на него с удивлением и решил сегодня же просмотреть его досье: кажется, парень из своих...

- Если будет приказ из Москвы расстрелять татар, я со своими ребятами с удовольствием выполню этот приказ! – куражился между тем полковник Паршин. – В моем отряде не найдется русского парня, который откажется выпустить обойму в татарского ребенка.

Ну, в общем, ждали, чего ответят Москва и Киев на письмо этого врача из районной администрации.

В столице республики донос Степанова стимулировал активизацию антитатарской деятельности. Собрались партийцы и гебисты на предварительное обсуждение, чтобы затем доложить главному республиканскому коммунисту.

Сначала обсуждение было свободным.

- Чего им не живется в Узбекистане? – говорил один. - Не могу я понять, чего они лезут в Крым, а? Родина, видите ли, им нужна! Я, вот, родился на Урале, а живу здесь, ну и что? Для настоящего советского человека родина - это весь Советский Союз.

- Нет, это такие люди, дикие, - вторил ему другой. - Некультурный народ!

- Такой это народ, у них у всех другое мышление, - отзывался первый. - Нецивилизованные!

- Верно! – поддакнул третий, - Я, вот, тоже родился в Жмеринке. Чего же теперь, я должен ехать в Жмеринку и там пикеты устраивать?

- Один про Урал талдычит, другой про Жмеринку какую-то! Сравнили, тоже! - вступил в разговор хозяин кабинета, перед которым и изгалялись остальные, желающие подтвердить свое холуйство. - Это же Крым, жемчужина! А?

- Во, во, во! – поняв заказ захохотал первый, цивилизованный который. - Вот в чем дело! Не родина им нужна, сукам! В Крыму жить, бляди, захотели!

- Монголы гребанные! - вторил ему другой, шибко культурный. - Ехайте в свою пустыню, мать вашу!

- Да, единственной ошибкой Иосифа Виссарионовича было то, что он эту сволочь всего лишь выслал, а не перевешал, - горячился наш человек из Жмеринки.

Ну и все в таком вот ключе.

Свое мнение, сформулированное в более опрятном стиле, украинские интернационалисты передали в канцелярию Шелеста. За подписью этого самого высокого киевского партийного босса пошло письмо в Москву, в котором сообщалось, что «главари» татарских националистов вынашивают планы о массовом заезде татар в Крым. Они, эти главари, неверно, с националистических позиций, истолковывают мероприятия, предпринятые руководством СССР в отношении татар, прежде проживавших в Крыму. Далее докладывалось, что партийным и советским органам Украины удалось разоблачить происки националистических главарей и предотвратить массовое переселение граждан в Крым.

В Москве, в известном здании на Старой площади, с удовлетворением прочитали послание украинских товарищей.

В кабинет Главного идеолога Страны Победившего Социализма были приглашены ответственные сотрудники. Помощник хозяина кабинета зачитал письмо из Киева.

- Бдит товарищ Шелест, - с одобрением заметил Главный идеолог, когда чтение было завершено.

Началось неспешное обсуждение. Потом эмоции поборников интернационализма все более распалялись.

Особенно понравилось староплощадникам слово «главари».

- Точное определение для руководителей этих разбойников! – радовался один.

- Я бы назвал их атаманами националистических шаек, - заметил другой,отреагировавший на слово «разбойники».

- Нет, хорошее русское слово «атаман» не подходит этим монголам! – воскликнул приближенный к Главному идеологу сотрудник. - Атаманами были Ермак, Стенька Разин, они боролись с самодержавием. Нет, это русское слово мы им не отдадим!

Кто-то о присутствующих вставил реплику о том, что в ЦК КПСС поступают письма от проживающих в Крыму русских людей, которые протестуют против запрета продавать дома крымским татарам.

- А чего они-то протестуют, - удивленно спросил ранее не ознакомившийся с этими письмами Суслов, а сам подумал, что в свое время переусердствовали с пропагандой «дружбы народов».

- Дело в том, - обстоятельно отвечал осведомленный товарищ, - что татары предлагают за дома в Крыму завышенные цены, и политически неграмотные люди поддаются на эти предложения.

- Хитрые татары, - с ехидной улыбкой покачал головой сидящий рядом с ним с ним заведующий одним из отделов ЦК.

- Коварные враги, - сурово поправил его другой, и добавил с угрозой: - Откуда у них столько денег, а? Нашим органам следовало бы расследовать этот вопрос.

Суслов кинул на говорящего одобрителный взгляд, что воодушевило того:

- Совершенно необходимо раскрыть каналы поступления материальных средств к этим высланным из Крыма татарам!

И завершил с партийной грустью, сознавая, что это замечание будет благосклонно принято:

- Вот чем надо бы заняться товарищу Андропову...

Последовала небольшая, но значимая пауза в беседе.

Очень приближенный к товарищу Суслову человек, после того, как соответствующий упрек в адрес руководителя Новой площади был уже высказан, счел необходимым отвести разговор в начальное русло.

- Я думаю, что те факты, о которых мы сейчас поставлены в известность товарищем..., – он взглянул на сообщившего о поступающих от русского населения Крыма письмах, - эти факты свидетельствуют о недоработках руководства Крымской области в плане политической работы с населением.

Тут слово взял другой товарищ, до сих пор не принимавший участия в беседе.

- Согласно оперативным сведениям, поступающим по линии партийных комитетов, - сообщил он высокому собранию, - в Узбекистане значительный процент русского населения сочувствует татарам, даже принимает участие в коллективных мероприятиях татарских националистов-автономистов, подписывает их письма.

Присутствующие с деланным изумлением подняли брови, а один циник не преминул хмыкнуть:

- Хм! А наши столичные интеллигенты вроде академика Сахарова?

- Да, есть еще и некоторые другие граждане из разных слоев столичного общества, которым мы до сих пор доверяли, - присовокупил другой, тоже из изумленно поднимавших брови.

Наступило молчание, во время которого ответственные товарищи искоса поглядывали на Главного идеолога. Тот молчал, не подавая признаков недовольства. Значит, лишней правды, как о простых людях, так и о приласканной интеллигенции здесь не прозвучало.

Но надо было выразить сожаление по поводу нехорошего поведения этих некоторых граждан.

И тот же давешний заведующий отделом начал было печально говорить:

- Вот такой все еще у нас народ...

- Ваше замечание неуместно, - вдруг строго прервал его Суслов. - Мы должны, невзирая на трудности, работать с тем народом, который у нас есть.

- Ибо другого у нас нет, - подытожил он, грустно вздохнув.

При этом многие вспомнили того, кто впервые высказал эту обязывающую мысль.

Пришли к единому мнению, что необходимо повсеместно и во всех слоях общества продолжать разоблачать вредность идеи возвращения татар в Крым, а в ближайшее время, проработав этот вопрос, вновь собраться для принятия решающего постановления.

Потом, порадовавшись согласованности мнений, и в то же время еще немного повозмущавшись, отправили поступившее из Киева письмо на Новую площадь. Там уже председатель КГБ пригласил к себе нескольких ответственных товарищей. Ознакомив присутствующих с докладом украинских коллег, он предложил высказываться. Здешние ответственные товарищи, получше староплощадных знакомые с реальной обстановкой, напирала в основном на индивидуальную разъяснительную работу с крымскими татарами.

Высказавшись, присутствующие воззрились на хозяина кабинета.

- Я разъяснительную работу с представителями татар уже проводил при личной с ними встрече, - сухо произнес Андропов, до того молча слушавший высказывания своих сотрудников, - На основании документов той встречи и поступивших из ЦК КПСС требований обсудите вопрос без меня. Немедленно. Все свободны.

Когда сотрудники вышли из кабинета, председатель КГБ чертыхнулся в сердцах:

- Черт побери! Напортчили Сталин и Берия, а нам расхлебывать! Но нужна твердость и только твердость!

А ответственные коллеги Главного чекиста собрались в кабинете у зама, который понял установку, лаконично преподнесенную шефом.

- Вот, товарищи, недорабатываем мы с националистами, - говорил заместитель. - Все статья 190 прим да прим. А эта статья для случайно заблудших, понимаете ли. Для татарских националистов она слабовата, дорогие мои. Тут нужна суровая карающая десница наследников железного Феликса.

И после обмена мнениями с коллегами, зам закончил краткое совещание:

- Вот в таком аспекте и разработайте ответ нашим украинским товарищам.

Так вот вскоре подоспело Постановление ЦК КПСС под грифом «Совершенно секретно», в котором было сказано: «Обратить внимание на воспитание крымских татар в духе интернационализма, уважения интересов других наций и народностей».

То есть, значит, граждане татары, прежде проживавшие в Крыму, уважайте другие нации, не мешайте их желанию жить в Крыму. Не мешайте организованному переселению в Крым жителей Брянской, Псковской, Смоленской и других областей.

И при этом на каждой странице Постановления упоминался пресловутый «пролетарский интернационализм».

По требованию КГБ в Уголовный кодекс были введены специальные статьи, в которых расширительно толковались понятия «антисоветская пропаганда» и «клевета на советский общественный строй», а также статьи, позволяющие продлевать и устанавливать новые сроки уже осужденных по этим мотивам.

Андропов проводил работу целенаправленно и систематически и никогда не выказывал даже тени раскаяния или сожаления.

Получив Постановление и другие указания из Москвы, серьезный деятель в Киеве стукнул кулаком по столу:

- Одно дело, когда татарские националисты бесчинствуют там в Узбекистане. А на нашей земле мы им не позволим разрушать священные принципы интернационализма. Будем действовать по всей строгости закона!.. – и поперхнулся.

«Апелляция к закону в наше нелегкое время - буржуазный предрассудок» - вспомнил его заместитель фразу, услышанную на закрытом семинаре по повышению квалификации, но не посмел улыбнуться, а подал поперхнувшемуся стакан воды.

- ...но не нарушать нормы пролетарского интернационализма, - добавил, отдышавшись, поперхнувшийся.

Обсуждение продолжалось.

Один из опытных чекистов, много лет проработавший в западных областях республики и кое-что понявший в поведении обиженных людей, осторожно предложил:

- Может быть, следует все же рассмотреть вопрос о разрешении покупать татарам в строго индивидуальном порядке жилища в степных районах Крыма, отдавая предпочтение ветеранам Великой Отечественной войны?

Но забуревшие от безнаказанности паркетные генералы были непреклонны.

- Если мы ради соблюдения интересов татар ущемим других, то народ нас не поймет, - с жесткой интонацией изрек один из генералов.

Было решено в полном соответствии с указаниями Центра ужесточить практику «работы» с татарами, приезжающими в Крымскую область.

В последующей свободной беседе прозвучали и другие ценные мысли.

- Предлагаю обратиться к партийному руководству Узбекской Советской Социалистической республики в предложении принять меры к недопущению выезда лиц татарской национальности в Крым, - напыщенно произнес один из перспективных секретарей обкома из восточной Украины.

«Как этот кретин хочет реализовать свое предложение? Опять комендантский режим для татар ввести, что ли?» - с сарказмом подумал секретарь другого обкома, ненавидящий того другого.

К Постановлению ЦК КПСС в столице Украины присовокупили более откровенные предписания, при этом указав на необходимость оставаться в рамках опять же пролетарского интернационализма, и отправили в Крым. Решено было созвать семинар низовых работников и дать им дополнительные устные разъяснения, как действовать в отношении «татар, прежде проживавших в Крыму, а теперь укоренившихся в Средней Азии».

Получив соответствующие указания из Киева, руководящие работники в Симферополе занялись обсуждением конкретных действий. Здесь некоторые дальновидные товарищи понимали, что если переусердствовать с этими татарами, то отвечать придется не

киевским коллегам, а областным работникам. Под влиянием этих осторожных товарищей Первый секретарь поехал за уточнениями в Киев. Там ему сказали:

- Постановление ЦК КПСС получил? Предписания наши получил? Так действуй, мать твою!

И вдогонку еще крикнули:

- И не забывай о пролетарском интернационализме!

Вернулся он в Симферополь без дополнительной бумаги и вызвал к себе местного главу чекистов.

У чекиста злобы на татар было под завязку.

- Брать их тепленькими и без предъявления выселять, но уже в Восточную Сибирь под усиленный комендантский надзор. Особо рьяных при подходящих условиях мочить, мочить, мочить! - чекист чуть ли слюной не брызгал в пароксизме служебного рвения.

- Не в нашей с тобой компетенции это, – возразил обкомовец. – Но ты, того... поменьше болтай, больше действуй. Или у тебя нет личных врагов?

- Так ведь, Игнат Сергеевич, это же сам Шелест распорядился!

- А под каким номером распоряжение, от которого числа, можешь сказать? То-то! Устное было указание! Там наверху осторожничают, о пролетарском интернационализме талдычат, а мы подставляем!

- Чего опасаются-то? – с искренним непониманием выдохнул подполковник.

- А архивы? Каждый документ о принятых мерах, в том числе и жалобы населения, сохраняются в архиве. Какой нынче год, а? Вот и прищучат нас в случае чего за отход от пролетарского интернационализма!

Назначили назавтра закрытое совещание по означенному вопросу. Общее мнение было: не цацкаться с этими укоренившимися в Узбекистане татарами. У первого секретаря тоже душа горела на этих нарушивших покой Полуострова татар, но, желая хоть как-то отвести стрелки от себя, он произнес под конец:

- Действовать жестко и под свою ответственность! Поняли? Под персональную ответственность!

Возражать и осторожничать никто не стал, у всех кипела в душе ярость на возвращающихся татар, и слово «жестко» всех удовлетворяло.

Так за большим и важным политическим делом забыли о доносе Степанов, о его обиде на конкретного татарина.

Следующее заседание ответственных работников области, посвященное вопросу о «возвращающихся татарах», было тоже секретное, но уже расширенное. Стоял вопрос об ужесточении, но в рамках того самого, уже не раз упоминавшегося, интернационализма.

Приглашен был и Алексей Нюркин.

Нюркин, который с разбитыми яйцами, так и не сумел восстановить свой имидж в столице после того случая с доктором Светланой. Переведенный в Управление на канцелярскую работу он искал сочувствия среди сослуживцев, и не найдя понимания среди них, вызвался поехать в Симферополь «на укрепление кадров».

В Крыму его приветили, но поначалу остерегались – все же из Москвы. Но этот «товарищ из Центра» показал себя вовсе не амбициозным, а даже очень кампанейским парнем. Водку принимал исправно, и вскоре был принят провинциалами полностью как свой человек, с поправкой, конечно, на специфику фирмы.

Еще пришлось провинциальным чекистам по нраву то обстоятельство, что Нюркин, которого здесь знали только по фамилии Огневой, яро ненавидел этих татар, пытающихся переехать в Крым. Немного удивляло, что он, услышав слово «татарин», засовывал руки между ног, а сам, говоря о татарах, брызгал слюной. Даже крымские чекисты были по сравнению с Нюркиным более умеренны в своей ненависти к репатриантам.

И вот сейчас, на ответственном совещании, некоторые обратили внимание, что этот бравый по виду офицер, как только упоминали об «укоренившихся в Узбекистане» татарах, совал руки под стол.

- Всемерно осуждаем действия татар, пытающихся нарушать закон о паспортах, - говорил выступающий.

- И примкнувших к ним славян-предателей, - вставлял реплику московский гость Огневой.

- Применять карательные статьи Уголовного кодекса к нарушающим республиканское законодательство татарам, - звучало в зале.

- И к примкнувшим к ним славянам-предателям, - как заводной настаивал Огневой.

Сегодня был плохой день для Нюркина-Огневого – то ли плохо спал, то ли разразившаяся накануне вечером магнитная буря на него подействовала. Многократно повторяемая маниакальная фраза стала всем надоедать, и, несмотря на его замечательную русскую фамилию, присутствующие, особенно те, кто не общался повседневно с московским гостем, с неприязненным удивлением стали поглядывать на него.

Мы-то знаем, что он имел в виду таких «продавшихся татарам личностей», как доктор Светлана, а его крымские собеседники не понимали настойчивости московского гостя в приобщении к татарской проблеме славян.

Так или иначе, но местная власть приняла свое решение.

После совещания друзья-соратники отправились в ресторан, в отдельный кабинет.

Сначала разговор шел о разных несущественных делах. Потом, после дружеских тостов, почти лишенных подхалимажа, стали хвастаться успехами своих детей. Потом о женах говорили с легким юмором и плавно перешли к бабам вообще. Неженатый Нюркин молчал, когда речь шла о чадах и о законных супругах. О бабах вообще он тоже молчал, ибо, как не был он пьян, но секретную информацию не разглашал, а отношения с женщинами у него все были секретные - горел наш герой на работе.

Но когда вконец захмелевшие чекисты стали выплескивать накопившуюся в их душах неприязнь к нарушившим их спокойный быт татарам, то Нюркин встрепенулся, засунул руки между ног и то и дело вставлял:

- И примкнувших к ним предателей-славян! И к примкнувшим к ним предателям-славянам!

Если во время заседания офицеры терпели этот дурацкий долбеж, то тут, на свободе, ярость против этого москвича начинала закипать всерьез. И неизвестно, в каком виде эта ярость выплеснулась бы, но начальник управления, умный и опытный мужик, заметил озлобленные оскалы на лицах некоторых коллег.

И когда Нюркин в который уже раз настойчиво произнес свое «И примкнувших к ним славян-предателей», начальник перегнулся за столом к нему.

- Леша, - сердечно вымолвил он, - не настаивай на примкнувших к татарам славянах. Ты понимаешь, наша игра не допускает, чтобы русские люди сочувствовали татарам. Даже если есть такие, то не надо об этом говорить понимаешь? Ты меня понял?

Но принявший тут же очередную чарку Нюркин уже ничего не воспринимал.

Глава 17.

От середины июня до середины лета ровно одна неделя, и эту неделю тоскующий Камилл вдруг решил провести в Ленинграде.

Билет он смог достать на дневной поезд с удобными мягкими креслами. За окном пробежали поначалу хорошо знакомые, преимущественно березовые ландшафты Подмоскovie. День был солнечный, воздух был прозрачен, луга и перелески отлично просматривались.

Березы, березы, березы... Бледные болезненные создания, порождения ледниковых веков. Осины издали кажутся более основательными, но они и того хилее – древесина как труха.

Камилл вспомнил высокогорье Памира и Тянь-Шаня - и там белые березы подобны нематодам, обитателям подземных водоемов. И тяготеют они к подножью ледников и снежников. А ниже – мощная арча, великолепные ореховые рощи.

Но как великолепны дубы Орловщины, грабы Закарпатья! Их темно-зеленые, полные жизненной силы кущи одним своим видом даруют здоровье и энергию. У несчастных же берез блеклые листья с бледной изнанкой вызывают жалость. А подует ветер – скрипят, болезненные, жалуются. А дубы выдерживают ураганные ветры, только гудит крона.

Но некоторым нравятся и березы:

Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится...

За Тверью пошли по большей части сосны и ели, которые своей строгостью были более по нраву Камиллу.

Поезд прошел через мост над полноводной рекой. «Это Волхов» - сообразил Камилл, вообще-то плохо знающий заволжскую географию.

Устали глаза. Камилл закрыл их и незаметно ушел в короткую дрему. Проснулся он от страха: ему привиделся бородатый старый человек, беззвучно шевелящий губами и жестикулирующий длиннопалыми руками. Пока Камилл соображал, почему этот вроде бы вовсе и не страшный седой человек его напугал, поезд уже вошел в черту городских кварталов.

Вот и Московский вокзал, троллейбус уже идет по Невскому, везет Камилла к гостинице Европейской, в которой привык останавливаться наш доктор наук.

Закусив в кафе второго этажа, Камилл не преминул возможностью полюбоваться видом на Неву и крепость с Адмиралтейской набережной, заполненной по случаю белой ночи толпами гуляющих. Но дала себе знать усталость от долгой поездки, и он вернулся в гостиницу.

Наутро Камилл, следуя давно заведенной им традиции, отправился в Эрмитаж.

Эрмитаж... Как войдете, так сразу направо Лестница. Да, Лестница с большой буквы! Это вам не Площадь Испании и не Одесса - это мрамор, порфир и золото, это скульптуры искуснейшей работы из каррарского камня! Ах, что это за скульптуры, что за формы у ныне безымянных красавиц! Подобных красавиц ножки не ступали на пресловутые ступеньки Каннского фестиваля! Да, умели выбирать короли и императоры красивых фрейлин и не скупались на затраты, чтобы увековечить их тленную красоту в прекрасном вечном камне! Взирают на вас, поднимающегося по широкой Лестнице девицы! - и сверху, и снизу, и слева..., нет, слева мальчики, а справа опять девицы, и какие!

Идете дальше, и все выдержано в таком же великолепном стиле, все выполнено с чувством меры. Но что это? В зале висится монстр, карета-монстр, вес не менее десяти тонн, высота колес метра два! Такую махину не сдвинут с места и тридцать две лошади, а если и сдвинут, то далеко не провезут – эдакое творение достойно только быть поставленным рядом с Царь-пушкой, которая не стреляет, и Царь-колоколом, который не звонит. Эта Царь-карета изготовлена где-то в Европе по заказу одного из фаворитов русской императрицы. Говорят, есть люди, которые, преодолев просторы океанов, посещают Петербург, чтобы поглядеть именно на эту карету, а еще на павлина, точнее на часы «Павлин» - золото и прозрачные камни под большим стеклянным куполом. И «Павлина» этого, такого великолепного, тоже, оказывается, купили для императрицы - шикарная вещь, честно. Вообще-то, правду говоря, главный в этом «Павлине» петух, именно он голос подает и извещает о времени, павлин же только хвостом крутит, но он крупнее, и золота на него больше израсходовано. Обычное дело...

Вот длинный коридор, увешанный шпалерами – это такие огромные ковры с изображениями пейзажей или битв, вытканые из цветных шерстяных ниток. Интересно, конечно, хотелось бы подробно их рассмотреть, но время подгоняет, поспешим мимо.

Вот коридор, где выставлены русские цари. Много их, но поглядите внимательно на эту семейку, вышедшую на конную прогулку: великий князь Павел, сын убиенного Петра, а рядом с ним сыновья его. Тот, что справа, Александр Павлович, который вскоре ужокошит своего папашу руками сподвижников. О времена, о нравы! Мимо, мимо!

В Эрмитаже нет картин русских художников, которые появились таки в XIX веке, здесь только зарубежные авторы. Если повезет, то можно сразу попасть в залы великого Рембрандта.

Рембрандт, скорбная, полная стонов больница,
Черный крест, почернелые стены и свод,
И внезапным лучом освещенные лица
Тех, кто молится небу среди нечистот.

– пусть вас не оттолкнут эти строки француза Бодлера, который вообще отличался способностью сгущать краски. Обратите внимание на «внезапным лучом освещенные лица». У великого Рембрандта нет случайных персонажей, каждое лицо полно значений и несет свою смысловую нагрузку. Каждый значительный художник передает состояние героев своих картин через глаза и губы, через наклон головы и положение рук, но Рембрандту это удается лучше, чем другим.

Мой хороший знакомый сетовал на притворство людей, созерцающих с восхищением Джоконду Леонардо да Винчи. «Ну, молодая женщина, есть много красивше ее. А улыбка – что улыбка? Можно любую красотку сфотографировать, и улыбка будет более выразительная!». Я попытался ему растолковать, что да Винчи запечатлел столь мимолетное выражение лица Моны Лизы, что хоть сделай десять тысяч фотографий – подобного не зафиксируешь, да и не на каждом лице появляется такая тонкая улыбка. «И это на обычном холсте, обычными красками и своей, что не говори, человеческой рукой!» - пытался я объяснить причину восхищения людей мастерством Леонардо.

Можете ли вы по своему желанию наблюдать моментальное выражение лица изменника в миг разоблачения? Или такое же быстротечное выражение на лице человека, который ждал поощрения за свое действие, но вдруг узнал, что за это действие его ждет наказание? А великий Рембрандт конструировал на холсте такие ситуации и очень точно передавал мгновенное настроение каждого персонажа - у каждого свое, проистекающее из его предыстории.

Вот чем в первую очередь восхищаются умеющие «читать» живопись люди.

После Рембрандта смотреть Рубенса надо для того, чтобы убедиться в том, что и в нетрагических сюжетах можно вполне замечательно изображать человеческие характеры, а также живописать колоссальное, присущее человечеству жизнелюбие. Тот же Бодлер по поводу Рубенса написал так:

Рубенс, море забвенья, бродилище плоти,
Лени сад, где в безлюбых сплетениях тел,
Как воде в половодье, как бурям в полете,
Буйству жизни никем не поставлен предел.

В соседних залах великолепного Эрмитажа тоже много того, что надо посмотреть. Джоконду вы здесь не найдете, Джоконда прописана в Париже. Но на двух малых картинах Леонардо вы восхититесь затуманенным взором только что отпавшего от материнской груди младенца и детской радостью на лице явно несовершеннолетней матери. И опять, заметьте, запечатлены неуловимые мгновения.

Ну, конечно, не останутся незамеченными такие мастера бытовых сцен, как Веласкес, такие авангардисты прошлых времен, как Эль Греко! И много других, которые доказали, что они тоже могут запечатлевать кистью на холсте стремительно пролетающие мгновения...

Вот возле Веласкеса остановился энергичный мужчина лет сорока пяти, говорит быстро:

- Это просто завтрак, а это большие люди. Смотри, это граф. Хитрый! – так на свой лад объяснял он сопровождающему его меланхоличному подростку лет двенадцати свое понимание картин.

А в соседнем зале один веселый мужчина говорит другому, тоже веселому:

- Представляешь, какие возможности? Засекла его Гера с девицей, так он ее - раз! – и в корову превратил! Ага? Занимаюсь, мол, хозяйством, обхожу скотный двор, а?

Подожли и жены, услышали.

- Гера не дура, все поняла, - заметила одна, красивая и ухоженная.

- Только сделала вид, что поверила, - добавила другая, такая же симпатичная, и женщины многозначительно переглянулись.

Кто не в первый раз в Эрмитаже, тот знает дорогу на третий этаж. У Огюста Ренуара даже кроны деревьев подобны девичьим грудкам, а водоросли во время отлива как волосы его любимой натурщицы. У него женщины если и ревнуют, то не теряя достоинства, а мужчины если и изменяют, то не прекращают любить тех, кому изменяют.

- Софочка, подойди! – зовет на том же третьем этаже бывшая одесская, а нынче брайтонская толстушка свою то ли дочь, то ли племянницу. – Видишь, мост? Нет, ты отойди подальше. Теперь видишь? Самая крутая в Эрмитаже вещь!

Как я уже сказал, картин русских художников в Эрмитаже нет, они находятся в Михайловском замке, который по этому случаю получил второе имя – Русский музей. Это там, где на площади высится памятник Пушкину работы Аникушина.

Поэт очень красиво стоит, протянув правую руку к Неве, голову же обратив в противоположную сторону. Некоторые утверждают, что поэт при этом произносит известное «Люблю тебя, Петра творенье!». Но это не так, для этих слов в позе поэта не хватает экспрессии, для таких слов рука должна быть воздета выше, и взгляд при таком восклицании в сторону не отводят. Я полагаю, что он, протянув руку на уровне плеча с раскрытой кверху ладонью, меланхолично констатирует факт произошедшего наводнения:

И всплыл Петрополь как Тритон,
По яйца в воду погружен.

Именно так! Ибо утверждать, что город оказался в воде «по пояс» правдивый поэт не стал бы – это антиисторично! Наводнение было большим, но вода не затопила даже первый этаж Зимнего Дворца. А употребить в публикации это неточное «по пояс» Александра Сергеевича заставила цензура – времена были николаевские, мрачные, ханжеские ...

Я хочу вернуться к вопросу восприятия живописи, к чему меня побудила недавняя дискуссия на одном из телевизионных каналов, где один художник утверждал, что восхищение улыбкой уже упоминавшейся мной Джоконды, то есть Моны Лизы, навязано обывателю, так же как и восхищение «Черным квадратом» Малевича. Ну, о «Черном квадрате» я не могу говорить без смеха, а что касается Моны Лизы, так я уже выше кратко высказался по этому поводу.

В той дискуссии возражения искусствоведов были скорее презрительные, чем наставительные. Я догадываюсь, что высокоученные профессионалы не опускаются до объяснений очевидных для них самих вещей, принимая позу оскорбленных и потому

оскорбляющих. Но перед широкими массами нас, обывателей, они могли бы сойти со своих высот и дать элементарные пояснения. Рассказать нам, что ценность картине художника придает, наряду с другими качествами, уловленное им мимолетное состояние природы или модели. Уловленное и переданное посредством щетинной кисти и нескольких однотонных красящих веществ! И снисходительно оценивая уровень нашего понимания объяснить нам, что та «полуулыбка, полуплач», которую удалось схватить памятью и изобразить кистью, появляется на лице моделей все же чаще и при более обыденных обстоятельствах, чем необычно тонкое выражение на лице Моны Лизы. Так что вполне объяснимо желание исследователей отгадать, какими обстоятельствами вызвана эта улыбка Джоконды - если это улыбка! - и какие чувства в ней спрятаны.

Что касается «Черного квадрата», то это не живопись! – где краски? Ну, хорошо, существует монохромная живопись - но где композиция? Есть в этом черном квадрате композиция? Вы утверждаете, что ограничение черного поля рамками определенного размера и есть уже композиция? Вы сами понимаете несурзность такого утверждения и желаете приобщить «Черный квадрат» к изобразительному искусству соотнеся его с графикой. Но где рисунок, где линия, штрих, контраст, где все эти атрибуты графики? Не морочьте голову себе и другим! Поздний Пикассо – это искусство, может и *искусственно* препарированное, но искусство. Но «Черный квадрат» - это дразнилка рассерженного за что-то на публику Малевича. Это протест, выпендрёж, «пощечина общественному вкусу» - из этой категории. Наконец сей кусок хорошо протертой мокрой тряпкой дежурным классной доски - приманка для снобов. Ну, Малевич, ну, молодец! Вдарил по снобам!

Изобразительное искусство – благодатное поле для спекуляций. «Он так видит!» - глубокомысленно, понизив голос, произносит иной экскурсовод перед картиной Эль Греко или Гогена. Да ничего подобного! Каждый художник видит мир таким же, как и каждый зрячий человек. Но *так* изображает! Он изображает модель или сцену в согласии с теми ощущениями, которые они у него порождают, в согласии с тем, какое впечатление хочет художник вызвать у зрителя. Возжелав изобразить куртуазную сцену в стиле своей эпохи Буше не может (не должен!) воспользоваться манерой Рембрандта или Рубенса, ибо он изображает не библейских персонажей, не античных героев и богинь, а милых простушек. Так же и Гогену не подобает изображать таитянок в той манере, в какой Буше изображает кокеток парижских салонов.

И неправы те снобы, которые насмешливо относятся к портретам работы Шилова. Портрет замечательной эстрадной певицы или почитаемого городского головы неуместно изображать кистью Модильяни или того же Гогена – заказчики обидятся! Их облик надо представлять в стиле рельефной цветной фотографии – это исчерпывающе! Другое дело прекрасная женщина и великий поэт – цветная фотография не может передать невыразимое, здесь уместна колдовская кисть или карандаш Модильяни.

И вот я утверждаю, что музеи и коллекционеры картин сами того обычно не сознавая (материализм, понимаете ли!) *конденсируют* в своих собраниях то самое скрытое и непознаваемое, что Всевышний положил в основу Мира. *Истинные* художники (а не копиисты с природы) запечатлевают в портретах или в пейзажах Тайну Тайн – их кистью и взглядом руководят Небеса.

Этому отдаленно подобна способность современной компьютерной программы скрыть в портрете Джоконды секретный текст. Без проблем.

Инструментами запечатлевания Божественного являются в равной степени и кисть, и перо, и объектив фотокамеры.

Вы думаете, что великие откровения танцоров или актеров исчезают во времени? Отнюдь! Западая в сознание (или в подсознание?) зрителей оно, это откровение, воплощается в разного рода конденсаты (не бойтесь этого технического термина) – в картины, в музыку, в поэзию.

Иной читатель этих строк спросит – а что же проза? Почему я не упомянул литературную прозу? Так ведь прозаический текст только тогда ценен, когда в нем присутствует поэзия! Вот вам примеры:

«В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, - никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея».

Или:

«Иногда по ночам надвигались с гор страшные тучи, шла злобная буря, в шумной гробовой черноте лесов то и дело разверзались волшебные зеленые бездны и раскалывались в небесных высотах допотопные удары грома. Тогда в лесах просыпались и мяукали орлята, ревел барс, таякали чекалки...».

Или:

«На ослепительных известняках Херсонеса, там, где обломки мраморных колонн высятся словно не догоревшие свечи на застолье гигантов, ночной ливень смыл с раскопанной платформы наслоения желтой глины, и перед взором пораженных археологов предстал белый монолит с кругловатыми алыми вкраплениями - будто огромный пласт овечьего сыра с вдавленными в него каким-то шутником зернами граната».

А? Как это вам? Особенно последний пример, а?

Или вот еще:

«В Куоккале на пыльном чердаке на дне старого деревянного сундука, почерневшего и морщинистого, скрывался кусок пергамента с записью неведомо кем и когда произведенной».

Тоже не плохо, не правда ли?

Глав 18.

После посещения Эрмитажа Камилл пообедал в ресторане на Невском и покинул его в весьма хорошем настроении. Глядя на многолюдье проспекта, он задумался, чем бы заполнить оставшуюся часть долгого летнего дня.

Он неоднократно бывал в этом городе и прежде, но все прошлые поездки были связаны в основном с научными командировками, с симпозиумами и семинарами. А вот так, вроде бы бесцельным гостем он, пожалуй, был здесь впервые.

«Не съездить ли мне на Карельский перешеек?» – задался он вопросом, и ответил сам себе: «А почему бы и нет!» - и вспомнил нынче далекого друга Валентина.

На электричке он без проблем доехал до платформы Зеленогорск – так нынче именовался славный городок Териоки. До октябрьской революции, когда Финляндия входила в состав России, в Териоках жили и отдыхали многие известные деятели русской культуры. Вновь Териоки стали российскими после войны 1939-го года. А в сорок восьмом году в компанию борьбы с иностранщиной это красивое название поменяли на пошлое «Зеленогорск». Кстати и находящийся от Териок километрах в десяти поселок Куоккала переименовали тогда же в «Репино». Выдающийся художник Илья Репин, знаменитая дача которого находилась в Куоккале, несомненно, был бы против такого переименования.

...Раньше звали Териоки,
А теперь «Зеленогорск».

Перекроем, если надо,
Все, что есть на лад, на свой.

Аю-Дагом прежде звали,
А теперь «Медведь-горой».

Благозвучьем баловаться
Нам идейность не велит:
Стал «Советском» называться
Музыкальнейший Тильзит.

Дайте срок, переиначим
И Ташкент, и Сахалин.
А пошлет Господь удачу –
Рим, Женеву и Берлин!

Ну, это уже вряд ли! Стихи-то старые, времен пресловутых танковых дивизий...

Итак, Камилл погулял по прекрасному парку Териоков, посидел в расположившейся у кромки песчаного пляжа забегаловке, где кроме пива «Ленинградское» и застарелых коржиков ничего не было. День приближался к вечеру, и он отправился в ближайший санаторный корпус договариваться насчет ночлега.

- У нас, к сожалению, постояльцев не принимают, - женщина за стойкой администратора сочувственно улыбнулась. – Вот по этой дороге можно пройти к пансионату, там обычно в это время года можно остановиться на сколько угодно дней. Но сегодня это вряд ли вам удастся, там какая-то конференция, профсоюзная, что ли. Но вы сходите, узнайте.

Камилл подумал, потом спросил:

- А может в вашем санатории где-нибудь в бельеовой комнате переночевать можно? Одну только ночь.

Это он вспомнил, как устроился однажды нелегально в симферопольской гостинице.

- В бельеовой? – женщина рассмеялась. – Нет, у нас нельзя. А вот..., - она чуть подумала и продолжила: - Вы сейчас зайдите в кочегарку, там Юра работает, истопник. Хороший парень, он может вас на ночь приютить. Он сейчас как раз там.

В кочегарке так в кочегарке. «Нам все нипочем, мы альпинисты!» - сказал про себя Камилл, и, поблагодарив администраторшу, пошел по указанному ею направлению.

Юра оказался худым мужчиной лет тридцати пяти. Он без раздумий пригласил московского гостя к себе.

- Моя каморка в другом санатории, - сказал он. – Ты, значит, так: приходи сюда, и вместе пойдем ко мне.

Они договорились, что встретятся после девяти вечера, когда у Юры закончится дежурство. А до того гость из Москвы опять бродил по берегу, любясь долгим закатом, потом опять сидел в парке.

Он проголодался, но здесь рано закрылись киоски, хотя публика, привлеченная ясным вечером, еще прогуливалась у залива. Было весьма прохладно, и Камилл похвалил себя, что в последний момент, выходя из своей московской квартиры, прихватил теплую куртку. Где-то около девяти он пошел в городские кварталы, чтобы прикупить чего-нибудь съестного.

Словоохотливая бабуся показала москвичу, где находится продуктовый магазин, а находился этот магазин на первом этаже потемневшего от времени и от балтийских ветров высокого деревянного дома, стоящего на узкой улице, освещенной только светлым июньским горизонтом. В полутемном помещении на полках стояли бутылки с уксусом, пачки соли рядом с пачками каких-то круп, а также стопки жестяных консервных банок. Присмотревшись можно было удостовериться, что все эти банки одинаковые и содержат знаменитые кильки в томате. У Камилла чуть было не сорвался с языка риторический

вопрос «А что, больше ничего нету?», но он вовремя сдержался, а то не избежать бы ему потока злой ругани от обмотанной старой шерстяной шалью продавщицы.

«Но белоголовая-то уж здесь водится, - подумал Камилл, оглянувшись, – или...».

Нет, не «или». Стояла она, родимая, в ящиках за широким задом продавщицы, ее - водку, а не продавщицу - и выставлять на полки нет нужды, она должна быть всегда под задом, то есть под рукой, в ей у всех нужда. И звалась она, родимая, «Московской особой» – отличная, скажу вам, была водочка.

Камилл взял три, а также взял аж четыре банки килек – с голодухи, наверное. Неторопливым шагом он шел вдоль шоссе к санаторию, где была назначена встреча. Вскоре он увидел идущего ему навстречу истопника – руки-в-брюки, кепка набекрень.

- Я смог уйти пораньше, зашел домой и пошел тебе навстречу, тут другой дороги нет, - говорил радостно он.

Конечно, скучно ему одному, а тут гость из Москвы объявился.

Когда пришли в закуток Юры, Камилл выставил водку и кильку на стол со словами «больше ничего не было».

- А чего кильки так много взял-то, у меня, вон, рыба вяленая. Сам готовил, - отозвался хозяин.

Еще появилась на столе магазинная банка с кислой капустой, картошка на электроплитке поспевала.

- Брось куртку на койку. Ночью ею укроешься, если похолодает, - Юра увидел, что Камилл оглядывается, куда бы повесить одежду.

Через некоторое время хозяин слил в раковину воду из котелка и вывалил дымящуюся картошку в эмалированную миску. Еще с высокой полки достал стеклянную банку с огурцами и похвастался:

- Сам мариновал!

Камилл между тем открыл все четыре банки килек, отодрал на горлышке одной из поллитровок алюминиевую крышечку, и незамысловатое, но доброе застолье взяло старт. Ребята с удовольствием опрокидывали стаканы, хорошо закусывали, но под конец хмель взял их обоих. Закусив хрустящим огурцом очередные полстакана, Камилл откинулся на спинку кресла, в которое посадил его хозяин, сам устроившийся на табуретке, и прикрыл в сладкой истоме глаза. Он чуть было не ушел в дрему, как вдруг обратил внимание на то, о чем говорил опустившийся локтями на стол Юра.

- ...а я вылез из-под стола, пробрался в комнату, откуда вывели отца, и залез под кровать. И лежал там не шевелясь, и не шевельнулся даже когда услышал, как причитает мать, выкрикивая мое имя. Потом ее, видно, ударили и забросили в машину. Я слышал ее сдавленные стоны и плач маленькой сестренки. Отца не было слышно, его, должно быть, лишили сознания раньше или уже увели со двора. Я так и не знаю ничего об их судьбе, знаю только, что всех финнов вывезли с перешейка и высадили на новой границе. Люди говорили, что некоторых мужчин увозили в Россию и там расстреливали. Мать и сестренка, может быть, живы, да как узнаешь. Вроде недалеко до Финляндии, но границу дюже охраняют...

Камилл, сон которого прошел, с удивлением отметил, что Юра, до того изъяснявшийся чисто, вдруг стал говорить по-русски с сильным акцентом, хотя и демонстрировал хороший словарный запас.

- Так ты финн, - не то, чтобы спросил, а скорее ответил сам себе Камилл, потом добавил: - Ты хорошо знаешь русский язык.

Но не упомянул, что во хмелю у его нового знакомого появился сильный акцент.

- Да финн, хотя по паспорту русский. А язык я знаю, потому что в армии служил, потом в Архангельске на заводе работал.

- А в детстве по-русски тоже знал? – спросил Камилл.

- Это смотря в каком детстве, - отвечал Юра. – В свободном довоенном детстве не знал, конечно, ни слова. Когда сбежал от выселения, то попал в детдом в Петрозаводске,

где поначалу были только финские дети. Нас эвакуировали на Урал и разбросали по разным приютам. На финском между собой разговаривать запрещали, наказывали лишением обеда, но мы все равно тайно общались на родном языке. По настоящему меня зовут Юханом.

- А на Карельском перешейке совсем финнов не осталось? - спросил Камилл, увидевший в этом Юхане собрата по несчастью.

- Не знаю, но здесь, в Териоках, наших никого нет. В Куоккале один старый финн живет, он, как и до войны, охранником на старой даче служит. Его все так и называют - Охранник. Ему, наверное, больше ста лет.

Камилла опять стал одолевать сон. Он сладко зевнул, и Юхан сразу отреагировал:

- Все, давай спать! – и стал доставать из-за шкафа раскладушку.

Назавтра проснулся первым хозяин каморки и стал прибираться. Встал и Камилл, умылся под краном во дворе, прошелся по заросшим травой дорожкам, поеживаясь от бодрящей прохлады. Юхан между тем вскипятит чай и поставил на стол тарелку с пряниками и ту же банку с маринованными огурцами. Камилл увидел самодельный турник и начал подтягиваться, когда его позвал Юхан, непонятно произнеся:

- Попьем чаю и будем ждать.

После вчерашнего, как обычно, есть не хотелось. Огурцы пришлось кстати, а после них сладкий чай с пряниками не пошел.

Ребята начали было беседу за жизнь, как в дверь кто-то стал карябаться.

- Это прибежала собачка от Охранника, - как о чем-то само собой разумеющемся сказал Юхан.

Камилл с трудом соображал, кто такой охранник, но все-таки вспомнил вчерашний рассказ Юхана.

- А чего это она..., - начал он.

Юхан между тем нагнулся к песику и пошарил у него под шеей.

- Есть письмо! - он развернул маленький листок бумаги. – Ага, Охранник зовет тебя в гости, слышишь?

- Как это! – удивился Камилл. – Откуда он меня знает.

- Он все знает, - произнес обиденно Юхан, протянув Камиллу клочок бумаги, на которой было написано карандашом «Юхан, приходи сейчас ко мне вместе с твоим гостем».

- Так это он не меня зовет, он обо мне ничего не знает, - рассмеялся Камилл. – Ты, наверное, ему вчера сказал, что у тебя гость.

- Да ничего я ему не говорил, - несколько раздраженно произнес Юхан, поставив перед собачкой-почтальоном жестянку с недоеденной килькой. Пес быстро вычистил жестянку, благодарно виляя при этом хвостом, потом облизнулся, топнул задней лапкой, издал короткий лай и воззрился на Юхана.

- Все, надо идти, - так истолковал Юхан поведение собаки.

Пожав плечами, Камилл молча накинул на плечи куртку и вышел на улицу вслед за Юханом. Поначалу они более часа шли под высокими соснами по обочине приморского шоссе, редкие автомобили обдавали их запахом бензина, особенно приметным в чистом утреннем воздухе, пропитанном запахами хвои и соленых вод Залива. Потом бегущий впереди пес свернул на едва различимую тропинку, заросшую высокой и все еще мокрой от росы травой. Так они дошли до высящейся за плотным дощатым забором большой двухэтажной дачи с резными наличниками. Войдя через оказавшуюся открытой калитку во двор, в котором были разбиты незамысловатые клумбы, мужчины ступили на посыпанную белым песком дорожку. Дача, несмотря на относительную ухоженность, казалась безлюдной, окна первого и второго этажей были закрыты ставнями. Когда дорожка завернула за угол, Камилл увидел одноэтажный домик, сложенный из сосновых бревен и крытый дранкой, осевший, но крепкий. Собачка затыкала, весело виляя хвостом. Юхан открыл дверь, на которой висели кованые железные кольца, видно весьма давнего

происхождения, и вошел сам, кивком велел Камиллу следовать за ним. Они оказались в небольшой прихожей, где стоял приземистый некрашенный шкаф и табуретка перед небольшим квадратным столом – все три вещи имели очень прочный надежный вид. Такого же обличья дверь с низкой притолокой была приоткрыта, и гости прошли в нее.

На низком широком кресле с потрескавшейся кожаной обивкой сидел старик с окладистой седой бородой, в котором Камилл с изумлением узнал того, кто привиделся ему в кратком сне, когда московский поезд подъезжал к Питеру. Длинные седые пряди волос падали на воротник бежевой вельветовой куртки, под которой была надета серая рубашка из фланели.

- Здравствуйте, Охранник, - приветствовал хозяина Юхан, и Камилл тоже произнес с наклоном головы:

- Здравствуйте.

Старик, не вставая с кресла, ответил на приветствие коротким кивком, и пристально глядя на Камилла, жестом пригласил гостей сесть на стоящие тут же два стула. У маленького окна располагался покрытый расшитой льняной скатертью стол, посудный шкаф был без дверцы, что-то еще находилось за темным пологом, а в углу потрескивали поленья в большом, обложенном кирпичами камине. Все в комнатке было опрятно и чисто.

- Вот мы пришли, Охранник, - сказал Юхан, чтобы с чего-нибудь начать разговор.

Охранник молчал, темно-голубые глаза из-под лохматых седых бровей внимательно смотрели на московского гостя. Длинными пальцами бледных рук он перебирал четки из какого-то красноватого оттенка дерева. Наконец на губах его появилась улыбка, и он и произнес:

- Я вас ждал, - голос у него был низкий и мягкий. – Добро пожаловать.

Он отложил четки, медленно поднялся с кресла, неспешно подошел к окну и подключил к розетке стоящую на табуретке электроплитку. Камилл с интересом и с некоторым недоумением смотрел на его высокую костлявую фигуру.

- Сейчас чай будем пить, - сказал хозяин и, взяв с полки алюминиевую кастрюльку, наполнил ее водой из оказавшегося у двери крана с раковиной.

- Электрический чайник сгорел, - добавил старик, как бы извиняясь, и поставил кастрюльку на плитку.

С Камилла вдруг сошла вся настороженность, он почувствовал себя легко, словно оказался у давнего хорошего знакомого.

- Давайте я посмотрю ваш чайник, - произнес он. – Если там спиралька сгорела, то можно сразу же исправить.

Старик засмеялся. Кажется, ему понравилось поведение гостя. Он снял с полки чайник со шнуром, поставил его на стол, предварительно положив на скатерть старую газету:

- Вот чайник, а вот инструмент.

Камилл придвинулся к столу, взял поданную хозяином отвертку и обнажил внутренность несложного электроприбора. На одном из изгибов нагревательная спираль разомкнулась, можно было обломать обгоревшие концы и скрепить их. Но на дворе конец шестидесятых годов и даже в маленьком городке, наверное, не было проблемой достать новую спираль.

- Юра, - обратился Камилл к молча сидящему на стуле парню (хозяин между тем ставил на стол стаканы и блюда с мармеладом). – Юра, я так и оставлю, а ты сегодня же купи новую и замени. Можно тут у вас достать спираль?

- Да конечно можно, - отвечал Юхан, а Охранник хитро произнес:

- Вот сейчас попьем чаю, и Юхан пойдет за спиралькой. А мы тут с Камиллом побеседуем, да?

Попили чаю с мармеладом, и Юхан оставил Камилла наедине с Охранником.

Как только дверь за Юханом закрылась, лицо и говор старика резко изменились. Взгляд его стал строже, речь стала жесткой.

- Ты пришел ко мне по неосознанному тобой зову, и не напрасно пришел, - говорил Охранник.

- Я вас видел во сне, Охранник, - растерянно отозвался Камилл.

- Да, ты видел меня, но не об этом речь, - строго произнес старик, и продолжал: - Главное, что ты здесь, и сейчас ты узнаешь о том, что тебя давно беспокоит.

Камилл и теперь не мог сообразить, на что намекает Охранник.

- Не буду томить тебя в неведении. Ты сейчас найдешь то, что давно ищешь. Пойдем.

И старик первым вышел во двор. За ним шел озадаченный странным ходом событий Камилл, впереди бежала собачка, весело поваливая хвостом. Охранник шел очень бодро, даже слишком бодро для своих лет – а сколько ему было лет так и осталось неизвестным. Обойдя двухэтажную дачу с тыльной стороны, они оказались перед небольшой дверью над тремя ступеньками. Охранник достал из кармана брюк связку ключей и отомкнул висевший замок. За дверью сразу начиналась ведущая вверх узкая винтовая лестница, тяжело заскрипевшая под ногами двух мужчин. Лестница скупо освещалась только пробивающимся сквозь маленькие запыленные окошки светом, и когда старик остановился на тесной площадке под третьим окошком, Камилл догадался, что они добрались до чердака старой двухэтажной дачи. Старик на связке ключей, которую он держал в руках, отыскал нужный и отпер дверь, которая открылась со скрежетом.

Воздух чердака под остроконечной крышей был затхлый, все обтянуто было паутиной. Слева в крыше находилось небольшое мансардное окно, а прямо перед вошедшими стоял покрытый слоем пыли средних размеров деревянный сундук, когда-то, похоже, окрашенный в красный цвет.

Охранник снял с петель сундука оказавшийся незапертым замок и не без усилия откинул крышку.

- Достань то, что там, - старик отодвинулся, пропуская к сундуку московского гостя.

Камилл заглянул и в пробившемся вдруг сквозь окно солнечном луче увидел какой-то темный сверток. Достав его, он развернул шелестящую, темно-красного цвета тонкую бумагу и...

Здесь в Куоккале на пыльном чердаке на дне старого деревянного сундука, почерневшего и морщинистого, скрывался кусок пергамента с записью неведомо кем и когда произведенной, однако узнанной Камиллом по характерному почерку и отливающим золотом фиолетовым чернилам. Подставив пергамент под косо падающий луч света, он прочел первую строчку: *«...разносящего в тележке свой несложный ассортимент»...*

Но тут солнце зашло за тучу, и сразу в чердачном помещении опять сгустился сумрак. Камилл хорошо помнил начало предложения, конец которого он сейчас прочел, и сомнений по этому поводу у него не оставалось.

- Похоже, это рукопись, которую ты искал? – старик улыбнулся.

Камилл растерянно кивнул головой.

– Хорошо. А теперь спускаемся вниз. Опустит крышку сундука, - приказал Охранник, прерывая растерянные размышления Камилла.

Кто сделал запись о запутавшихся во времени событиях на древнем пергаменте, кто заложил эту запись в старый сундук на финской даче – неведомо. Неведомо и то, кто повелел подсознанию Камилла вдруг отправиться в Ленинград, кто направлял его передвижения в этой поездке – не тот ли, кто спрятал рукопись в почерневшем от времени сундуке?

Как бы то ни было, но в руках Камилла оказалось, кажется, продолжение истории, начало которой он обнаружил на подмосковной даче.

Когда они вернулись к домику, там уже их ждал Юхан. Камилл хотел заняться заменой электрической спирали, но Юхан сказал, что сделает это сам, а московскому гостю велел пообщаться с хозяином, который что-то доставал из-за полога.

- Вот этот документ мы нашли на чердаке дачи, - промолвил Камилл и начал разворачивать рулон.

- Да ты что? – шепотом произнес Юхан. – Почитаешь потом свой документ! Поговори с Охранником, он много такого знает, чего ни от кого не услышишь. А я, если хочешь, опять оставлю вас двоих.

Старый человек между тем поставил на стол кувшин с квасом и расположился в своем кресле, подложив под спину большую подушку в рисунчатой наволочке. Он разлил квас в кружки и выжидательно глядел на московского гостя.

Камилл свернул рулон, но продолжал держать его в руках, и, обернувшись к Юхану, слегка кивнул - да, мол, оставь нас одних.

- Охранник, я так растерян, что, кажется, не поблагодарил вас, - произнес Камилл. – Да, в глубине моего сознания я мечтал найти продолжение рукописи, но никак не ожидал найти ее здесь, на берегу Финского залива...

Старик благодушно рассмеялся:

- События в жизни непредсказуемы. Я думаю, что не случайно открылась эта рукопись именно тебе. Впрочем, ты ошибаешься, называя ее древней.

- Похоже, что вы правы, - согласился Камилл. – По содержанию она очень современна, но вид ее...

- Современна, ты считаешь? – старик улыбнулся. – А может она современна тому, что еще не произошло в твоей жизни? Ну ладно, сам попробуешь ответить на этот вопрос, когда прочтешь рукопись до конца.

После недолгого молчания Камилл решился задать важный для него вопрос.

- Охранник, - начал он, но старик перебил его.

- Так меня называют те, с кем я общаюсь здесь. Но ты называй меня Финном.

- Скажите, Финн, кто вы и откуда вы знаете обо мне?

Финн, который вообще-то ждал этого вопроса, услышав его не скрыл своего недовольствия.

- Я тот, кого ты видишь перед собой и большего тебе знать не положено. И о тебе я знаю очень мало, не знаю, чем полно твое сердце. Мне было велено дать тебе рукопись, которую ты держишь в руках.

Камилл решил, что должен кратко сказать о себе.

- Я принадлежу к одному из народов, которые были властью страны приговорены к уничтожению, - начал он. - И ваш народ, Финн, был изгнан со своей земли, многие, как я знаю, были замучены. И терзает меня непрестанно один и тот же вопрос - где высшая справедливость, почему высшая сила не наказывает злодеев-детоубийц? И люди задаются вопросом - справедлив ли Бог?

Старый Финн погладил рукой бороду, и после паузы ответил:

- Бог справедлив, но в наказаниях не поспешен. Иначе все ныне живущие люди должны бы быть утоплены, как во времена Ноя. Бог милостив, он многое прощает тем, кто дышит воздухом.

- Но почему Бог не карает убийц и насильников? Почему Творец первоначально допустил существование зла?

Старый Финн потянулся к кружке с квасом и, сделав глоток, провел большим клетчатым платком по усам - влево и вправо.

- Для того чтобы человеческие существа могли совершенствоваться, продвигаясь к цели, известной только лишь Создателю, им дана свобода воли, - произнес ясноглазый старец. – Некогда, удрученный тем, куда заводит людей свобода воли, Господь ввел некоторые запреты.

- Ну да, эти пресловутые десять заповедей, которые никто не соблюдает.

- Почему же никто? Но я не библейские заповеди имею в виду, я говорю о том, что Создатель однажды ввел конструктивные изменения в человеческую природу, ограничив свободу воли. И сообщества, в которые такие изменения были внедрены, деградировали, и

настолько, что даже после снятия ограничений племена эти так и не смогли прогрессивно развиваться. Между прочим, речь идет не только о племенах на планете Земля.

Камилл отметил про себя эту ремарку охранника, но не стал развивать эту частную тему о жизни на других планетах.

- Значит, зло является необходимой составляющей прогресса? – спросил он.

- Не совсем так. То, что мы называем злом, является результатом многовариантного развития. Зло – это несовершенство.

- Значит, виноват Создатель всего сущего!

- Нет, несовершенен не механизм Творения, а несовершенство присуще развивающейся свободно Материи. Если бы Материя была абсолютно совершенной, то развитие пошло бы по единственному пути, который ведет к единообразию. И человечество тогда стало бы сытым стадом монахов, восхваляющих Создателя – никаких проблем, никаких трудностей.

- Значит, Бог не властен создавать то, что Он хочет получить? Ведь получить Он хочет хороший результат?

- Господь может создать все, что захочет. Надо ли удивляться тому, что Он не желает создавать примитивный мир. А чем мир сложнее, тем больше в нем разнообразия, и не всегда желаемого. Без отрицательных результатов не может быть и положительных.

- Ха! – скепсис придал Камиллу смелости. – Значит, Сатана всего лишь несовершенен?

- Что мы об этом можем знать? Бог может уничтожить Сатану, но Он этого не делает. Есть предположения ученых людей, что Сатана попущением Господа систематизирует неизбежно возникающее при развитии Материи несовершенство. Бессистемно развивающееся несовершенство способно затормозить развитие.

- А так – все разложено по папочкам, на полочках размещено под шифрами? – рассмеялся Камилл. – Сатана служит заведомо Зла, так?

- Наверное, что-то вроде того, - Охранник оставался серьезным. - А что? Ведь хаотическое несовершенство – это самое непреодолимое зло. Существующее же зло преодолимо, и это дает возможность развития.

- Развитие как борьба противоположностей, да? – опять развеселился Камилл. – Это мы уже проходили. Диалектика называется.

- Да, можешь называть это так.

- Охранник, а вы тоже в университете учились? – спросил Камилл не без некоторой иронии.

Старик поднял на молодого мужчину свои голубые, как прорубь, глаза:

- В университетах, - загадочно прозвучал его ответ.

Камиллу было любопытно слышать разъяснения старого Финна, но он не собирался принимать услышанное как некий символ веры.

- Где же место ада в этом департаменте зла? – Камилл был не вполне серьезен. – Или ад не существует?

- Существует, но не в том виде, в каком он был преподнесен диким племенам. Никаких котлов со смолой, никакой серы. Все гораздо хуже...

- О-о-о!

- Да. Происходит потеря индивидуальности при сохранении осознания собственного «я». Это сложно объяснить.

Камилл хотел было спросить, а вам, мол, откуда это известно. Но не спросил, вновь заробел.

Старик помолчал, потом решил дополнить сказанное.

- И еще для живых людей существует кара Земли. Можно называть это карой, насылаемой Природой. Природа – это камни, воды, воздух и, конечно, люди, животные. За зло, причиняемое людям, Природа мстит так же, как за сожжение лесов или загрязнение вод. Однако месть Природы обычно безадресная, от нее могут страдать и

невинные. Как от лесного пожара. Но бывают и точные попадания, о которых история знает...

Старик замолчал, а Камилл в мыслях сопоставлял последние слова Финна с некоторыми известными ему событиями.

Вошел Юхан и молча сел на стул. Старик не произносил ни слова. Камилл вопросительно поглядел на Юхана – не пора ли прощаться. Юхан кивнул и обратился к сидящему с закрытыми глазами старику:

- Охранник, мы пойдем, пожалуй.

Старый Финн открыл глаза и сразу же Камилл поднялся с места и отвесил ему глубокий поклон:

- Я благодарю вас, Финн! Я никогда не забуду ни единого слова, услышанного от вас!

Старик наклонил голову и произнес:

- Ступайте, сыны мои. И да пребудет с вами благословение Божье...

Молодые мужчины, беззвучно ступая, вышли из обители старого Финна и молчали, пока не оказались на дороге, идущей вдоль берега залива. До калитки старой дачи впереди них бежала собачка, задорно подпрыгивая хвостиком, и дважды тявкнула, расставаясь с гостями.

По дороге Юхан не расспрашивал москвича о разговоре с Охранником. Камилл сам рассказал своему новому приятелю, что старый Финн – да, он так велел называть себя! – дал ответ на некоторые вопросы, которые всегда будоражат сознание людей.

- Но самое главное, что старый мудрец дал мне рукопись, которую я искал без надежды когда-нибудь найти, - сказал Камилл. - Ты хочешь, наверное, узнать, что написано на этом пергаменте? Я тебе сейчас расскажу содержание начала этой рукописи, потом присядем на вон той скамейке и прочтем новый текст.

- Нет, не надо. Я знаю, что было в начале и что написано в этой, - спокойно произнес Юхан, и добавил: - а ты не суетись, приедешь в Питер, там спокойно и прочтешь. В электричке лучше не развертывай сверток, в попутчиках разные люди встречаются.

И добавил загадочно:

- Особенно сегодня.

Ответ Юхана поверг московского гостя в изумление, граничащее с суеверной опаской.

Казалось бы, что после всех тех событий, которые начались после того, как в азиатском подземелье ему внезапно явилась в темноте тяжелая красная жидкость, Камилл уже ничему не должен был удивляться. Но эта спокойная осведомленность финского парня в событиях, связанных с его, Камилла, жизнью, поразила его.

- Откуда ты знаешь обо мне? И кто ты на самом деле, Юхан! – воскликнул он.

Юхан спокойно улыбнулся, потрепал его по плечу и произнес:

- Ты задаешь мне вопросы, которые должен бы задать Охраннику. Теперь уж поздно, тебе никто не ответит.

И дальше перевел разговор на другую тему, которая тоже почему-то увлекла москвича. Так они прошли весь путь до Терриок.

Камилл, прощаясь на перроне электрички с Юханом, нервно прислушивался к интонациям его голоса, следил за его взглядом – хотел хоть немного понять, с кем его свела судьба. Но по всем признакам перед ним был обычный простой парень, немного выпивоха, немного лентяй, а в общем добрый малый, каких много. Повторять свой вопрос, на который Юхан ему не ответил, он не мог.

Почему-то послушно последовав совету Юхана, Камилл не стал в вагоне доставать сверток с рукописью из кармана куртки. Однако, зайдя в свой номер в гостинице, он уселся в кресло и развернул пергамент.

...«...разносящего в тележке свой несложный ассортимент. Пища была, однако, вполне съедобна, вкус щей и котлет изо дня в день был один и тот же, не ухудшался, как

обычно бывает в поездах дальнего следования, где в супы подливают воду, а в котлеты подкладывают все больше и больше хлеба. Однажды он обнаружил, что у него кончились деньги. И он сказал об этом разносчику.

- В кредит, - коротко ответил тот, ставя на столик горячую стальную миску.

«Чем же и когда придется отдавать долг?» - подумал он, но от еды не отказался.

.....
Он видел в окно остовы церквей без крестов, с пустыми проемами колоколен. Обитатели этих земель однажды решили, должно быть, что, осквернив церкви, они изгнали Бога. Но как нельзя ладонью прикрыть Солнце, так нельзя, сорвав с куполов золото, отвлечь от созерцания своих преступлений Всевидящее Око.

Он подумал, что народ, погнящий свои собственные храмы, чужие храмы, естественно, будет разрушать до основания. Разве можно от племени, сбрасывающего на землю дивнозвучные колокола, ожидать терпимого отношения к минаретам, белым и стройным? И если на землях, исстари осеянных крестом, немимым укором возвышались стены оскверненных церквей, то на завоеванных этим странным племенем землях благодатного Полумесяца от мусульманских храмов не оставалось и стен...

Но странное дело! В тех краях, где повержены были мусульманские храмы, блистали обновленным золотом купола православных церквей! Вот Ташкент, он узнал его. Он прожил здесь немало лет, хорошо знал этот город и его окрестности. И теперь, проезжая мимо, он видел высокие главы четырех православных храмов и не видел ни одного минарета! Ни одного! Зная, что хранят в своих сердцах аборигены этих благословенных земель, он догадывался, что не сами они разрушили свои мечети, и не они лелеют эти храмы пришлового народа, покрывая золотом их маковки. И он, пассажир странного поезда, знал, что не любовь к Всевышнему охраняет здесь золотые купола, порушенные на Руси, а наглое намерение подчеркнуть, указать, кто тут в центре Азии ныне правит бал! – надолго ли?

Не христианство это, а демонстрация имперских амбиций.

Выжженные солнцем ландшафты за окном вагона сменяли сосны и песчаные дюны. Он глядел на старинный Таллин, он видел огромный православный собор на главном историческом холме этого города, и он понимал, что это натиск, это вызов, это оскорбление.

Зачем?

Проезжая в который раз через Астрахань он не видел в панораме этого города ни одной мечети. И он вспоминал о строках из литературных произведений, в которых говорилось о множестве прекрасных мечетях в этом городе до захвата его Россией.

Порой пассажир долго не мог заснуть, сон не шел, когда он думал о том, что, вот, свершилось - осуществилась его фантастическая мечта о путешествии через время, причём осуществилась как-то обыденно.

Он проезжал по времени, боясь ступить в прошлое, да и не желая этого, не видя в том смысла. Ну, встретится он с дедом, расскажет ему о грядущем. А зачем? Лишить иллюзий, обеднив тем самым духовно? Предупредить принца Фердинанда? – бесполезно. Не сербы, так другие взорвут мир. Кремлевский же вождь к предупреждениям, как известно, был глух. Еще кого-то предупредить о чем-то? До Александра Сергеевича не добраться, а еще кого?

Он обратил внимание на то, что темное время суток растянулось чуть ли не вдвое, а дневной свет стал тусклым, Солнца не было видно. В один из этих мерклых дней поезд остановился, остановка длилась дольше обычного. Потом состав дернулся, пошел в обратную сторону и опять застыл. Озадаченный этими маневрами пассажир поднялся с лежанки, на которой он теперь чаще прежнего проводил часы, и как раз в это время по коридору за задвинутыми дверями купе прошел проводник, громко объявляя:

- Поезд дальше не пойдет. Прошу освободить вагон.

Пассажир выглянул в коридор, который был пуст. За окном было темно. Он быстро обулся, надел куртку и, сняв с крючка легкую сумку, вышел. Прежде, чем спуститься по железным ступенькам на землю, он выглянул наружу. Небо с той стороны, куда протянулся хвост состава, было освещено рассеянным алым светом, будто там собиралось явиться замешкавшееся дневное светило. В головной стороне состава виднелось несколько темных фигур. Рядом с вагоном стоял некто в железнодорожной форме, к нему и подошел пассажир.

- Дальше путь лежит через мост, который тоньше волоса и острее клинка, - то ли в шутку, то ли всерьез, не дожидаясь вопроса, произнес, как пропел, железнодорожник, и добавил уже другим, жестким голосом: - Дальше путь только пеший.

Шутка, не шутка, но пассажир, кажется, понял, куда его доставил, наконец, этот удивительный поезд. И не надеясь на благоприятный ответ, а только по присущей ему привычке не поддаваться необходимости, он спросил.

- Можно на этом поезде поехать назад? - локомотив в отдаленном конце эшелона пыхтел, выпуская пары.

Тот, кто был в железнодорожной форме, недоуменно взглянул на него, перевел взгляд на паровоз и ответил с нескрываемой безысходностью в голосе:

- А зачем? Ведь пройдя по тому же самому маршруту, поезд вернется опять сюда. Впрочем...

За это последнее слово пассажир ухватился как за соломинку.

- Пожалуй, я прокачусь еще разок, - произнес он, как мог спокойно, а сердце бешено колотилось. Он взялся за холодные поручни и, поднявшись на нижнюю ступеньку, на мгновение остановился и оглянулся. Железнодорожник, уже не обращая на него внимания, шел неторопливо вдоль путей, горизонт был также ровно освещен находящимся за ним источником алого света».

Камилл был потрясен прочитанным. Что это - предсказание, предупреждение? Было, в общем-то, понятно, куда доставил робкого пассажира таинственный поезд – но почему ему было позволено вернуться? Не время еще? Кому не время? Ведь это ему, Камиллу, судьба настойчиво навязывала этот исписанный пергамент ...

Камилл заставил себя рассмеяться:

- Всего-навсего литература...

Однако оставалась мистическая тревога.

Но разве не справился он с навязанной ему красной ртутью? Правда, ртуть эта была дана не ему, его только приобщили к ней. А рукопись о путешествии по разным временам была адресована персонально ему. За что такая честь? На что этот намёк?

Наутро, после полной недоуменных размышлений ночи, он пришел к банальному, но единственно разумному заключению:

- Нечего разводить детские фантазии! Я всегда любил заковыристые истории, вот мне судьба и подбросила подарок. Ладно! Среднего качества литература...

Но всем своим существом наш пытающийся настроить себя на скептический лад доктор наук осознавал, что в жизни его появилась еще одна мистическая загадка, которая станет его постоянным спутником.

Глава 19.

Разумеется, что, вернувшись в Москву, Камилл еще не раз перечитал загадочную рукопись, сложив новонайденные листы пергамента с прежними. Нет, относиться к изложенному неизвестным автором повествованию как к литературному упражнению было неумно.

В аллегорической форме Камиллу преподносилось некое будущее. Или напоминалось прошедшее.

Груз не решаемой задачи будоражил воображение, гнал сон и разгонял в жилах кровь. Однако носить в себе тайну рукописи было психологически трудно. Может быть, надо отвлечься, вытеснить из повседневных мыслей эту загадку?

Камилл решил, что поездка в Крым, общение с соплеменниками, ощущение причастности к общенациональной проблеме отодвинет мысли о странной рукописи на задний план.

В Старом Крыму его приезда давно уже ждал Фуат. Камилл телеграммой уведомил Фуата, что собирается вскорости быть у него, если тот сам никуда не уезжает. «Пока еще не выселили, - отвечал также телеграммой Фуат – Приезжай в любой день». И Камилл взял билет до Феодосии, откуда было совсем близко до бывшего Солхата - первой столицы Крымского ханства.

Поезд доставил его в древнюю Кафу около полудня. Побродив по грязным улицам города, Камилл ворчал себе под нос: «Какая это Кафа, это, действительно, грязная Феодосия». Наконец решил, что пора добираться до Старого Крыма.

На подходе к зданию автостанции его стали осажать развязные мужики:

- Куда ехать, командир? Доведем в любой уголок Полуострова! А может до Тамани?

Цена поездки до Старого Крыма оказалась такой же, как и стоимость железнодорожного билета от Москвы.

- Ну, иди в кассу, там билеты дешевые! - почему-то с издевательским смехом посоветовали таксисты Камиллу, который удивился названной ими цене.

В кассе автостанции билет до Старого Крыма продавать отказались, потому что не гарантировали прибытия рейсового транспорта.

- Вряд ли дождетесь автобуса, - сообщила несколько растерявшегося Камиллу молодая кассирша и добавила как бы конфиденциально: - Тут вообще с транспортом плохо, лучше идите на шоссе и ловите частника.

Камилл поблагодарил девушку, и сердце его смягчилось. Он вышел из здания и огляделся. Под деревьями, под кустами - везде сидели или лежали взрослые и дети, с торбами, с сумками, с мешками. Люди переругивались между собой, орали на детей, пьяно матерились, лица их были злы и бессмысленны. Эта картина шокировала Камилла, много всякого повидавшего и в подмосковных колхозах, и в памирских кишлаках. Он брезгливо смотрел на этот неопрятный человеческий гурт, прилегший в жаркий солнечный день отдохнуть в скудной тени хилых, видно недавно посаженных деревьев и кустов, и ему припомнилось, что он уже видел где-то что-то подобное.

Да, это было в первых числах июня более четверти века назад. Тогда их, высаженных из грязных вагонов, после ночи, проведенной на железнодорожном складе, погрузили в грузовики и доставили в глубинный узбекский колхоз, где выгрузили, как скот. И люди, в

ожидании дальнейших повелений, разбрелись под деревья, под кусты, чтобы скрыться от палящего азиатского солнца, и был у людей такой же серый, истрепанный вид, и такая же разномастная поклажа, и то же безнадежное ожидание. Только пьянства и мата не было...

Камилл сообразил, что нынче был воскресный день, люди приехали на городской базар кто за покупками, кто с товаром для продажи. И вот завершив свои дела, они намеревались возвратиться в свои жилища, но застряли на автовокзале. Камилл провел здесь уже полчаса, а ни единого автобуса не появилось. Окружающая его картина была, действительно, отвратительна - будто война, будто беженцы, да к тому же пьяные. И он, закинув сумку за плечо, пошел, как ему посоветовала симпатичная кассирша, в сторону шоссе.

Дорога, ведущая от автостанции, была загажена даже более чем улицы Феодосии. Иссохшая колея сохраняла заполненные мусором ямы, созданные буксавшими здесь в зимней грязи машин. Тряпье, не убираемое, наверное, уже несколько лет, захлamiло обочину, валялись какие-то промасленные доски, старые автомобильные шины. Добравшись, наконец, до асфальтированного шоссе, Камилл прошел по его краю вперед, чтобы не видеть заметенный от проезжих глаз под придорожные кусты городской мусор, и остановился у молодых тополей, поджидая машину, которая довезла бы его до места. Настроение молодого мужчины, увидевшего, до какого состояния доведена его родина, было отвратительным.

Он стоял довольно долго, машин на дороге было мало, а те, что проезжали, были или заполнены, или водители жестом показывали, что ехать им в другую сторону. Он терпеливо ждал, устремив взгляд на далекие горы, на синее безоблачное небо.

А небо, крымское небо, сияло чистотой! Оно глядело на землю, давно глядело, поражаясь тому, что сотворилось с крымской землей, всегда прежде любовно ухоженной, и недоумевало, что это за люди здесь появились, которые так опоганили этот чудный мир?

И воздух, воздух крымского предгорья! Воздушные потоки, облагороженные дыханием той степи, которая окружена со всех сторон солеными водами моря, смешиваются над большим параллелепипедом Полуострова на высотах, куда не залетают даже самые сильные птицы, с воздухом, прошедшим над таинственными глубинами этого моря, с влажным воздухом, насыщенным легкими ионами и мельчайшими кристалликами соли. Этот воздух лечит недужных, удваивает силу здоровых.

Слава Аллаху, хватило у новых обитателей Полуострова разума не строить здесь химических заводов или целлюлозных комбинатов, отравляющих воздух и воды. Впрочем, химические комбинаты здесь были, и еще задумано было возвести в Крыму атомную электростанцию... Однако Господь миловал.

Наконец перед Камиллом затормозили новенькие «Жигули».

- До Старого Крыма, - сказал Камилл.

- Садись, - ответил водитель.

На дорогах разговор короткий.

Но встречаются водители, которые, кажется, берут пассажиров, не «подкалывать» ради, а дабы поразвлечь себя в пути разговором. И это понятно - ведь иному приходится чуть ли не каждый день гонять машину по дорогам, а все мысли уже передуманы, все песни уже промурлыканы.

- Хорошая погода сегодня! - такую непритязательную фразу бросил водитель для затравки.

- Погода замечательная, но настроение у меня испортилось от вида на автобусной станции, - высказался Камилл.

- А что так? - удивленно поднял брови водитель.

Камилл рассказал о человеческих гуртах, о грязи и наглых таксистах.

- Да-да! Ведь сегодня же воскресенье! - засмеялся водитель, - По воскресеньям со второй половины дня автобусы загоняют куда-нибудь подальше, а людей морят до вечера.

Вечером подъедут разные машины, служебные автобусы, например, или даже грузовички, и за приличный калым повезут измученных людей по разным направлениям. А от заработка отстегнут и автобусникам, которые, к тому же, получили полдня отдыха. Понимаете? Кроме того, и таксисты, эти хищники, подзаработают неплохо.

Водитель и пассажир посмеялись вместе над изощренностью местных транспортников.

- Сами-то вы давно в Крыму? - спросил Камилл, обративший внимание на некую отстраненность водителя от здесь происходящего.

- Давно, в шестьдесят втором переехали! - отвечал водитель, круглолицый с залысинами мужчина лет сорока, похоже, что весельчак и любитель поговорить. - Вот, машину купил, гоняю по дорогам.

- Климат крымский, небось, привлек?

- Сам я с Запорожья, с теплых краев. У нас климат почти такой же, только моря нет. Да что от этого моря? Детей жена иногда возит на пляж, а сам за лето раза два если искупаюсь, то хорошо. Верчусь все, жизнь такая.

- Видно получается, - с намеком на новую машину сказал Камилл.

Водитель засмеялся:

- Я в потребкооперацию перешел, а до того в системе госторговли работал. А вы откуда будете?

- Я москвич, по науке работаю. У нас доходы не те, - смиренно произнес Камилл.

Водитель хмыкнул:

- Зато спокойно спишь. А тут по краю ходим, - и он посерьезнел.

После паузы Камилл поинтересовался:

- Как тут татары? Возвращаются, я слышал?

Водитель нажал на газ, обгоняя грузовичок с изрыгающей черным дым трубой.

- У-у, зараза! Расстреливать надо тех, кто такие машины из гаража выпускает! - он посмотрел в зеркальце заднего обзора и еще раз газанул.

- Татары, говоришь? Им одно время разрешили возвращаться, но они стали нахальничать, и им опять запретили.

- Что, дома свои требовать стали? - с невинным видом продолжил разговор Камилл, которого всегда интересовало отношение к этому вопросу нынешних крымских жителей.

- Да нет, - отвечал водитель, - дома их развалюхи уже. Они говорят, что в таких они не привыкли жить.

- Может быть, хулиганили, людям угрожали?

- Нет, они все смирные, хорошо одеты. Видно трудолюбивый народ. Только вот демонстрацию, говорят, в Симферополе устроили какую-то. А главное - как они сюда хлынули, так на Урале и в Сибири, куда их выселяли, заводы все остановились.

- А-а! - якобы с пониманием протянул Камилл, оценив уровень информированности представителя местного населения, но все же задал еще один вопрос: - А за что их выслали из Крыма?

- А хрен его знает! Говорят за предательство, а разве предателей не было среди русских или украинцев? Вон, целая армия Власова, бандеровцы. Ты же понимаешь, весь народ вот так взять и выселить!

- Да, конечно, - согласился Камилл, уяснив себе, что враждебности у некоторых крымчан к татарам вроде бы нет, соображают, что к чему. Что касается бандеровцев, то о них ему в прошлом году попутчик в купе поезда, признав в нем крымского татарина, рассказывал вовсе не совпадающие с официальной версией подробности...

Потом беседа перешла, как часто бывает, на непредсказуемость погоды. Так и доехали до притулившись справа от шоссе строений, оказавшихся автостанцией Старого Крыма. Камилл расплатился с водителем и пошел по указанной им дороге к центру маленького городка.

Собираясь в поездку Камилл ознакомился в библиотеке с доступной литературой о древнем Солхате. Вступая на его современные улицы, он вспомнил слова Карамзина о

«великом и просторном городе», о множестве его украшенных «мрамором и порфиром» зданиях. Сейчас же если что и заслуживало удивления путешественника, то только убогость и нищенский вид нынешних построек. Однако здесь не было той замусоренности, которая так поразила Камилла в Феодосии – городок, несмотря на облупленные стены домов, выглядел чистым. Справа от себя Камилл увидел небольшой, но тенистый сад с детскими качелями, с аккуратными скамейками. Два льва почивали на своих ободренных постаментах по обе стороны от главного входа в «городской парк», и эта картина умилила Камилла своей игрушечностью. Что ж, можно понять имперских чиновников, осваивавших захваченные Россией города, которым хотелось иметь тут что-то, напоминающее столицу Империи. Ведь в татарском Крыму все для них было непривычным, чужим...

Камилл представил себе, как в этом садике играл в свое время военный оркестр, прогуливались, раскланиваясь, затянутые в мундиры мужчины под ручку с дамами в пышных юбках.

Моды в течение века менялись, но оставалась жизнь на чужой земле, жизнь напоказ, жизнь на вынос.

Камилл подумал о том, как выглядела эта демонстративная жизнь в глазах татар, чьи жилища остались не разрушенными только ниже, у реки Серен-Су. Удивлялись они, наверное, этим изрыгаемым из больших медных труб звукам, громогласным, ритмичным, но лишенным мелодичности. Удивлялись тому, что этот гром может быть приятен слуху людей, этих странных людей, явившихся сюда, чтобы уничтожить их мир, норовящих внедрить на их земле нечто несуразное, не гармонирующее с крымской природой. Их, аборигенов Крыма, мир, установившийся в веках, был неспешен, мелодичен, тягуч, как тягуч звучащий пять раз в сутки с минаретов зов муэдзинов. В садах журчали фонтаны, заливались пением, перекрывая мощный хор цикад, свободные птицы, воздух был напоен ароматом цветов. Порой кто-нибудь из стариков подносил к губам зурну, и округу наполняла пленительная мелодия, дошедшая из таких давних времен, о которых не помнили не только люди, но и древние камни мечетей, караван-сараяв, городских фонтанов. И только гора Агармыш и окружающие ее скалы все помнят, помнят и как рождались эти мелодии, помнят и язык стародавних предков, в последующих поколениях приобретших другую речь, но не изменивших ни звука в древних напевах, вобравших в себя дыхание этой земли, цвет этого неба.

Помнит гора Агармыш и предков этих предков, впервые пришедших по руслу реки в здешние дремучие леса, побеждая пещерных медведей и огромных лесных кошек, полосатых, с длинными острыми клыками. Тогда и получила Гора первое свое имя, звучавшее иначе, но смысл которого был тот же - Белая, Белеющая. Тысячелетия прошли для Белой Горы как проходят для людей минуты, и не знали люди в тех прошлых тысячелетиях войн, набегов, порабощения. Потом наступили времена, когда стали появляться в долине у Горы другие племена, гремела медь, звенела бронза, бряцало железо. Но сражения были короткие и не губительные. Некоторые из пришельцев выбиралась с Полуострова, и шли они дальше, туда, куда уходит за горизонт Солнце, другие оставались и смешивались с потомками тех, которые пришли сюда первыми, привнося, однако, в их характер беспокойство и желание узнать, что там, за горизонтом. Быт обитателей расчищенных от леса земель у Горы мало менялся, однако древние мелодии теперь обретали слова на новом языке, в танцы проникали иные движения. Тем не менее, Белая Гора не переставала в сменяющих друг друга поколениях узнавать черты тех людей, которые много тысяч лет назад впервые пришли к ее подножью.

Настала эпоха строительства городов. Когда стали возводить на Полуострове каменные дворцы и мечети, то добываемый в карьерах мрамор и порфир перво-наперво везли сюда, в Солхат. И возник на левом берегу реки Серен-Су у горы Агармыш прекрасный город фонтанов и садов, город богословов и философов, астрологов и

астрономов, город музыкантов и танцовщиков, состоятельных купцов и щедрых покупателей.

И именно сюда, в город у подножия горы Агармыш, шли караваны с дарами от султана Египта - с золотом, с драгоценными камнями, с восточными пряностями и благовониями...

Позднее появились и превзошли Солхат другие крымские города, и властители государства передали сей Первогород своим верным наместникам. Однако, желая сохранить для славного города почетное место в истории Полуострова, подарили ему второе имя - Эски Кырым, что по смыслу означает «начальный город Крыма».

Не испытал Солхат упадка. Все так же шумны были его караван-сарай, также богаты торжища, как и прежде полны были классы медресе, возводились новые прекрасные мечети-джами.

Шли века. И настали черные времена, когда пришли в Крым те, которые побеждают числом...

В сопровождении порохового грохота и дыма пожарищ появилось племя совсем иных людей. Никогда прежде не знала такой катастрофы крымская земля!

И гора Агармыш ужасалась, замечая, что впервые у ее подножья созидание сменилось уничтожением. Под барабанную дробь сносились дворцы и мечети, мрамор и порфир не ввозили в город, а вывозили из него. И обмелела прежде многоводная и всегда прохладная Серен-Су...

Догадывалась Гора, что пришельцы заставили покинуть благодатную долину тех, кто тысячелетиями возделывал эту землю. Наступили годы, когда ни единой знакомой черты не могла найти гора Агармыш в облике новых насельников обесчещенных сел и городов. А сыновья тех, кто разрушил дворцы, стали теперь уже разрушать саму Белую Гору. И усомнилась Гора в справедливости деяний Всевышнего...

И все же, все же теплилась в недрах горы Агармыш надежда, что всемилостив Всевышний, что вернутся к ее подножью те люди, далекие предки которых прогнали пещерных медведей и саблезубых тигров и расчистили землю под сады и пашни.

И совсем было до скрытых недр Горы добрались супостаты, но стали возвращаться крымские татары на родные земли. И знает нынче Агармыш, что вернувшийся ее народ возродит свои города и воскресит ее, Белую Гору, испоганенную и поруганную пришельцами!

Понуро шел Камилл по улицам Старого Крыма, и вспоминал он слова русского поэта, писавшего об этом городе в 1825 году: «явились мы, всеобщие наследники, и с нами Дух Разрушения. Ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрытого, не перекопанного».

Дух Разрушения, о котором писал русский поэт и дипломат Александр Грибоедов, продолжал свое черное дело.

Народу на улице было очень мало. Камилл достал листок с адресом Фуата и только пятый спрошенный им прохожий сумел объяснить, как добраться до нужной ему улицы.

Через полчаса подошел Камилл к дому, перед воротами которого на скамеечке сидел полноватый мужчина в светлой рубашке и в соломенной шляпе.

- Селям алейкум! Здесь живет Фуат? – спросил Камилл по-татарски.

Очень обрадовавшийся гостю Фуат, а это был он, догадался, что перед ним его московский соплеменник.

- Кош кельдиньиз, Кямил-бей! – воскликнул он, нисколько не сомневаясь в справедливости своей догадки, и тут же посетовал: - Что же ты не сообщил, когда и каким поездом едешь? Я бы тебя встретил!

- Ну, вот еще! Я и так добрался, - отвечал Камилл.

После обмена этими фразами Фуат повел гостя во двор и сразу же показал ему дверь, запечатанную веревочками с сургучом и оклеенную бумажными лентами с подписями.

- В дом войти не можем, живем в пристройке, в комнатах без дверей, - говорил Фуат с улыбкой. - А чего? Бояться воров нет причин, потому что все вещи забрали и держат взаперти на складе в районном центре.

- Когда забрали? - воскликнул Камилл. - Алиме об этом не говорила.

Он заглянул в окно через пыльное стекло и увидел, что окна заставлены коробками и ящиками.

- Да, - сказал Фуат, не дожидаясь вопроса, - Горсовет реквизировал «незаконно купленный» дом, объявил его своей собственностью и сдал в аренду какому-то предприятию. Теперь здесь склад.

- Тогда, когда Алиме была у тебя в Москве, мы с женой вернулись, - продолжал он, - сорвали печати с дверей. Про Алиме нам сказал Шамиль, он не далеко от Старого Крыма живет, специально заехал, успокоил. Он в Симферополе от женщины по имени Светлана узнал, это она твой адрес дала. Потом Алиме вернулась, все рассказала. Мы продолжали жить в доме, была надежда, что ваши письма помогут. Оперуполномоченный несколько раз заезжал, ругался, грозил тюремным сроком. Так подошла весна. Я вырастил в ящиках помидорную и цветочную рассаду, потом высадил ее в грунт. Правда, с тюльпанами не получилось - во время выселения дружинники украли все луковицы, а на новые денег уже не было. В мае опять ночью приехали, мне руки связали, зачитали постановление о выдворении из Крыма, посадили всех троих в милицейский УАЗ. Вывезли, как они это делают, за Чонгар. Только к полудню мы добрались назад до дома. Глядим, двери запечатаны, а комнаты забиты ящиками и коробками. Я пошел в отделение милиции.

- Опять вернулся! - до упаду хохотали милиционеры. - А вещи твои на складе в райцентре. Как только сообщишь адрес, так тебе их и вышлют.

- Так вот мой адрес, запишите, - говорит Фуат и называет им этот вот адрес. Опять развеселил их:

- Нет, - говорят, заваливаясь от смеха, - ты нам свой узбекистанский адрес дай.

- Мой дом здесь, в Старом Крыму, - отвечает крымский татарин. - В Узбекистане у меня адреса нет.

- Ну, на нет и суда нет, - веселятся стражи порядка. - Значит, будут твои вещи здесь до конца света храниться.

И опять хохочут.

- Имей в виду, Фуат, - говорят, - в твоём доме сейчас материальный склад. Если сорвешь замок и войдешь, потом всю жизнь не рассчитаешься за пропавшие материальные ценности.

Как они в тот день веселились!

- Я вернулся во двор, - рассказывал Фуат дальше, - посоветовались мы с женой и решили в дом не входить, а поселиться в пристройке. Навели порядок, почистили и вот - вполне пригодное жилье. Хорошо, что эти фашисты не распахали цветочные посадки, а то часто так делают. Мы сразу же занялись огородом, цветам. Ничего, кое-что выросло, с того и живем сейчас.

- Черт те что! - Камилл был поражен. - Но ведь документы, подтверждающие, что ты заплатил бывшему владельцу деньги за этот дом, у тебя есть?

- Есть, конечно. Деньги я платил в конторе нотариуса, все законно. Но советская власть не подчиняется своим же законам.

- И часто посещают работники предприятия этот склад? - спросил Камилл, который прежде уже слышал о творимом в Крыму произволе, но только сейчас столкнулся с его результатами воочию.

- Да нет, конечно! - улыбнулся Фуат. - Они, что ли, это затеяли? Никому склад не нужен, они стесняются того, что их заставили в этом участвовать. Вот завезли пустые

коробки, загромождали окна, и все. Тут все учреждения под нажимом районного кагебе действуют. И всем все эти дела это уже надоели.

Фуат махнул рукой, потом другим голосом, радостным, произнес:

- Хорошо, что ты приехал! Не беспокойся, место для тебя найдем.

- А я не беспокоюсь, - засмеялся Камилл. - Я могу и в стогу сена заночевать.

- Ну, уж ты скажешь! - обиделся Фуат. - У меня все предусмотрено.

Он выдвинул из-под стоящего под тенистым деревом стола скамью.

- Ты садись, отдыхай, я кофе приготовлю.

Он набросил на стол полиэтиленовую скатерть и пошел в пристройку. Вскоре он вышел, неся вазочку с колотым сахаром и кофейные чашечки.

- Хафизе на базар в Кефе поехала, помидоры повезла, скоро вернется уже, - говорил хозяин реквизированного дома, всыпая в ручную кофемолку зерна.

- Как? - воскликнул Камилл. - Из Феодосии выехать невозможно, автобусы не ходят!

- А мы, извини, автобусами не пользуемся, - покачал головой Фуат. - Она на машине поехала, сама водит. Какие могут быть автобусы! Вот я и говорю, что мы бы тебя на машине встретили бы.

Камилл подумал, что плохо он, все же, знает реальную жизнь своего народа в Крыму. Пока хозяин готовил на газовой плитке кофе, Камилл прошелся по двору. Справа от недавно заасфальтированной дорожки на хорошо ухоженных прямоугольных участках росли цветы - каждая разновидность на своем прямоугольнике. Слева большой участок был отведен под помидоры, здесь же произрастали другие овощи - перец, баклажаны, лук. В конце двора стоял загон для овец.

За чашкой кофе разговор продолжился.

- А нет у тебя желания сорвать эти гнёбанные печати и веревочки? - спросил Камилл.

- Конечно, есть, - серьезно ответил хозяин. - Только для меня сейчас важнее огород. Они молчат, и мы молчим, делаем свое дело. Цветы, вот, дочка в Ленинград повезла, вчера ей через вагонных проводников еще три коробки отправил. Мы же не все время на лавочках сидим, - Фуат рассмеялся. - Это я тебя ждал!

Когда кофе был выпит, Фуат встал и прошел в пристройку. Вскоре он позвал Камилла, и когда тот вошел в просторную и прохладную, хоть и темную комнату, сказал:

- Вот твоя постель, на этой кровати, а я здесь расположусь. Хафизе будет в той комнате, где спит Алиме. Вот, загляни, тоже просторная.

Обе комнатенки, дверные проемы которых были завешаны тканевыми занавесками, казались просторными, потому что ничего кроме раскладушек в них не было, если не считать настенных полок.

- Так и живем, - привычно улыбнулся Фуат. - Все, сволочи, забрали. Боюсь, что телевизор покалечили.

Напрасно беспокоился Фуат о том, что покарябают его телевизор, ибо склад, где хранились, якобы, его вещи, был разворован полностью, даже деревянные кровати унесли, - какой там телевизор!

Когда хозяин поставил на стол тарелки, нарезал помидоров, за воротами раздался звук затормозившего автомобиля.

- Вот и Хафизе приехала, - обрадовался Фуат.

Он пошел отворять ворота, и как раз в калитку вошла красивая темноволосая женщина лет сорока пяти.

- Эй, яманламай келе экенсин, апакай! - воскликнул Фуат - Пришла с добрыми мыслями.

Так у татар принято обращаться к тому, кто приходит к началу трапезы.

Видно было, что настроение у Хафизе не очень хорошее, но, увидев гостя, она заставила себя улыбнуться:

- Биз де яманлап джурсек Кырымда яхшы соз кимден эшитледжек? Ежели и мы будем недобрыми, то от кого в Крыму доброе слово услышишь? - и обратилась к Камиллу: - Кош кельдинъиз!

Она достала из машины сумки и понесла их под навес. Фуат завел машину во двор, закрыл ворота и пошел вслед за женой. Вскоре он появился, улыбаясь и покачивая головой:

- Опять на нее на базаре напустились. С чего это вы, говорят, татарва поганая, в наш Крым едете? Предатели вы, говорят, наш русский Крым немцам продали! Расстреливать вас, кричат, надо. Обычное дело...

- И ты улыбаешься? – воскликнул Камилл.

- А что делать? Собаки лают, караван проходит. Что делать? Такие здесь люди...

Сердце у Камилла бешено колотилось, он не знал, что возразить живущему в Крыму в таком злобном окружении своему земляку. И, действительно, что можно действенного предпринять в такой ситуации?

- Какого черта! – говорил Камилл - Ханство было завоевано обманом и подкупом, христиан Россия выгнала в 1778 году, татар вынуждало эмигрировать, потом в 1944 году выселило. Все эти поступки разве дают России считать Крым русским? Крым наша отчизна Русские пришли к нам с войной, насильно. Ведь англичане не считают Индию английской территорией!

Приблизилась уже переодевшаяся в халат и умывшаяся Хафизе с полотенцем в руках. Она слышала разговор между гостем и мужем.

- Один прилично одетый мужчина кричит, - продолжила она тему, - что татары сюда нахально понаехали, у каждого машина, скупают дома. Откуда у них такие деньги, орет, слюной брызжет. А я говорю, мы ведь Крым немцам продали, поэтому у нас денег много. Кое-кто стал смеяться, а этот еще сильнее раскричался.

- Хорошо вы ему ответили! - не мог удержаться от смеха и Камилл.

- Вай, он мне все настроение испортил! Ну да ладно, - женщина улыбнулась и махнула рукой. - Устюмизде Алла бар. Аллахдан олсунлар! Над нами Аллах. Пусть судит их Аллах!

И уже другим тоном обратилась к мужу:

- Ну, что ты тут сделал? Чем гостя угощаешь? - и побежала под навес.

- Чем-чем, - с деланным неудовольствием пробурчал Фуат. - Пропадаешь где-то целый день, а гость тут голодный сидит! – и улыбнулся Камиллу.

Хафизе принесла кастрюлю с уже разогретым до ее приезда супом, нарезала свежего хлеба и крикнула мужу:

- Фуат, открой баранью тушенку, там у меня в сумке. Разогрею, и будет второе блюдо, а к вечеру что-нибудь приличное приготовлю.

Вечером под татар-аш («татарская еда», то есть пельмени, пришедшие в Крым от северных соседей) мужчины как следует выпили, да простит их Аллах. Утром, когда Камилл вышел во двор, он увидел свисающую с толстой ветки дерева уже освежеванную тушу барана.

- К твоему приезду, - улыбнулся Фуат. - Сегодня шашлыки будем делать.

- Зачем это ты, - укоризненно произнес Камилл. - Обошлись бы купленным мясом.

- А барашка чтобы кяфиры съели? - нахмурился Фуат. - Когда в первый раз выселяли, три овцы у меня забрали, заплатили за каждую по цене петуха, сволочи. А эти две, оказывается, накануне выселения перелезли во двор к соседу греку, представляешь?

- Надо же! – удивился Камилл. – Как во время, будто бы предумышленно.

- Сенинъ кысметинъ экен – тебе, значит, этот барашек предназначен был, - засмеялся Фуат, начав разделывать тушу. - Ничего, Аллах нам всегда дает, чем гостей встречать!

Баранья туша была большая, в меру жирная, аппетитная.

Камилл вышел за ворота прогуляться перед завтраком, который готовила Хафизе. Переулками, обсаженными плодовыми деревьями, он прошел в сторону видневшихся в просвете домов невысоких гор и остановился, дойдя до большой поляны. Он спустился по крутой тропинке к краю поляны, постоял под старыми деревьями крымского миндаля, разглядывая горы, начинающиеся на противоположной стороне, сразу за полосой деревьев и кустарников, под которыми угадывалось русло речки, и раздумывал над происходящими в Крыму событиями.

Не мог взять в толк Камилл, московский житель, как это смеют представители власти в считающей себя цивилизованной стране ворваться в законно купленный и нотариально оформленный дом, увести скот, забрать вещи, людей вывезти и высадить в чистом поле за пределами Полуострова. Впрочем, власть советская везде себя проявляет достойно. Как над евреями в Москве издеваются! Вон Марк подал заявление на выезд в Израиль, так еще неизвестно, получит ли он разрешение на этот выезд, а его, доктора наук, опытного специалиста не переизбрали на должность, изгнали из института. И сколько таких случаев по Москве!

Безобразия по всей стране, ни с кем власти не считаются, но более всего измываются над крымскими татарами!

И еще одно обстоятельство всегда вызывало недоумение у наивных крымских татар - люди, здешние люди! Так называемые простые люди, отдаленные от властей, почему они-то не сочувствуют несчастным репатриантам? Ведь тоже нелегко живут... Впрочем, чего удивляться: с одной стороны многолетняя пропаганда, а потом - ведь живут они в татарских домах, пользуются татарским имуществом! Слаб человек, который не имеет Бога в душе...

Камилл вернулся в дом, в семью, счастливую своим, пусть и непрочным, бытием на родине.

- Вечером будут гости, - радовался Фуат. - Тут у нас один прописанный татарин есть, Февзи, твоих лет мужчина. Он в Старый Крым из Ленинграда приехал, здесь на раскопках работал. Потом его уволили, но он успел купить дом недалеко от города. В прошлом году женился, а сейчас у них уже сынишка. Сосед мой зайдет, Ремзи, он утром мне помог с барашком справиться. Тоже без прописки живет с прошлогодней осени. И еще один человек придет из Кировского, товарищ Петров, и он, конечно, прописан.

- Как Кировское по настоящему называется? - спросил Камилл.

- Это бывший Ислам-Терек, - ответил Фуат, и добавил. - И в будущем тоже Ислам-Терек.

- Безусловно, - улыбнулся Камилл. Все татары знали, что так оно и будет, что иначе быть не может.

Когда к вечеру приехал Февзи, Камилл не распознал в нем сотоварища своего отца по ишимбайскому лагерю, хотя что-то знакомое в облике пришедшего он сразу заметил - в Москве у него были лагерные фотографии отца.

Пришел вскоре Ремзи с женой Мерьем и с двумя мальчишками, которые поздоровавшись с гостем из Москвы сразу же убежали на улицу, где их ждали приятели из русских дворов.

- Видишь? - Ремзи показал, улыбаясь, на опечатанный и обклеенный дом.

- Да, - грустно отозвался Камилл, у которого при напоминании об этих унижениях начинало колотиться сердце.

Наконец пришел вместе с супругой еще один человек приблизительно того же возраста, что и Камилл, и его приход все встретили веселыми возгласами:

- О! Сам товарищ Петров пришел!

Петров так Петров, что, москвич петровых, что ли, не видел? Но когда подначивания Петрова стали уже прискучивать, Камилл спросил:

- А что это вы все к товарищу Петрову пристааете? - ответом на этот вопрос был общий радостный хохот - отреагировал, наконец, московский гость.

- А ты знаешь, что товарищ Петров по национальности татарин? - смеясь спросил Фуат.

Камилл пожал плечами и пригляделся к этому человеку. По виду похож на татарина из ногойской семьи. Ну и что, среди русских встречаются такие монголоиды, что сам Чойбалсан позавидует!

- Ну и что? - спросил Камилл, чувствуя, что общество ждет его реакции.

Объяснить ситуацию взялся Ремзи.

- Николай Николаевич Петров - это Нузет Пашаев, - сообщил он. - Ему в детдоме дали эту русскую фамилию. Вся родня его умерла, а Нузет, хитрый парень, чтобы вырваться из Азии, когда подрастет, решил назваться русским, понятно?

- Чего же тут не понять, - засмеялся Камилл и обратился уже к Нузету: - Что же ты в Рязань не поехал?

- А в Рязань я и под своей татарской фамилией мог бы поехать, - под общий смех ответил Нузет. - Я взял русскую фамилию, чтобы в Крым приехать и жену-татарку сюда привезти!

- Теперь, когда каждого из нас могут в любой момент вывезти из Крыма, мы свои сбережения у него храним - это надежнее, чем в сберкассе, - сказал Ремзи.

- Еще один прописанный у нас есть, - заметил Фуат. - Это Февзи-эфенди. Тоже наша опора здесь, во вражеском окружении, но не такая крепкая, потому что крымский татарин, а не «русский человек» товарищ Петров.

Февзи улыбнулся, но не стал сейчас рассказывать гостю, что по паспорту он, родившийся, якобы, в Ленинграде татарин.

- Когда я узнала, что его фамилия Петров, я не могла поверить, - говорила между тем полденькая татарочка Тевиде, жена товарища Петрова. - Нет, я его фамилию не взяла, он должен мою взять!

- Да пусть остается! - смеялся «Николай Николаевич». - Если русские опять нас будут выселять, то меня не тронут, только Тевиде с детьми заберут. Потом я их найду и привезу назад.

- Ничего себе шуточки! - печально заметил Камилл.

Разговор теперь, после раскрытия тайны товарища Петрова, шел по-татарски, только отдельные фразы иногда звучали на русском языке.

- А что, каждого из нас могут выселить хоть сегодня, - заметил Ремзи, которого из нынешнего дома еще не выселяли, но дважды делали это, когда он купил старый дом в Бахчи-Эли.

- Да, - печально произнес Фуат, - только Февзи и товарищ Петров останутся.

Посмеялись опять, но на этот раз как-то невесело.

- Кульмектен башка не кала? - сказал Ремзи. - Что еще нам остается, как не смеяться. Уже отплакали.

Между тем двор наполнился запахом поджариваемой на углях свежей баранины.

- Как же у тебя с деньгами, если у тебя два дома отняли? - спросил Камилл.

Ремзи улыбнулся:

- В первый раз, когда нас всех посадили в «черный ворон», я выскочил из машины и побежал вниз к виноградникам. Стрелять они не стали, а догнать меня хрен смогли. Жену и сыновей повезли в район, в капезе, а вещи, и новый телевизор тоже, отвезли в колхозный сарай. Ты представляешь, как мои сыновья, одному восемь, другому шесть, как они эту власть ненавидят? Ну вот, а я, значит, вечером к Степану прихожу. Вот, говорю, возьми купчую, вот документы от нотариуса, давай мои деньги все до копейки.

- Он обосрался и вернул деньги? - зло ухмыльнулся Камилл.

- Да нет, он мужик хороший, - Ремзи поморщился. - Конечно, деньги вернул. Выпили мы с ним, заночевал я у него, а утром пошел в милицию сдаваться. В первую очередь деньги в сберкассе положил и сберкнижку Степану отдал.

Фуат между тем поднес блюдо с еще шипящим на шампурах шашлыком. Гости стали рассаживаться вокруг стола, а Февзи разлил по стаканам крымское вино.

- Хафизе, вы где? Идите, мужчины проголодались! - окликнул Фуат жену, которая вместе с тремя гостями удалилась в комнату.

- Сейчас, сейчас! Уже идем! - смеющиеся чему-то женщины тоже поспешили к столу.

- Ну, за что пьем? - спросил Фуат, когда все расселись. – Ну, хорошо, я предлагаю выпить за возвращение всего нашего народа в Крым!

Тост, естественно, был всеми поддержан.

- Отличное вино, - заметил Камилл, нисколько не лукавя: холодное белое вино, действительно, было превосходным.

- Это у нас Ремзи большой винодел, - улыбнулся Фуат, а Ремзи скромно заметил:

- Да какой из меня винодел, я потомок карасубазарских ремесленников. Но прошлой осенью из купленного винограда два бочонка залил, красного и белого. Красное все выпили, белое до нового урожая еще дотянет.

- Красное сладким получилось, - рассмеялся Фуат, - женщинам очень нравилось, они его и прикончили.

- Да уж ты скажешь! - возразила Мерьем. - Это вы пьете, мы только пробуем.

В непринужденной беседе быстро очистили от душистой баранины первые шампуры.

Фуат вышел из-за стола и минут через пять принес вторую партию шашлыков. Трапеза продолжалась, но уже в более неспешном темпе.

- Ну вот, - запив кусок мяса вином, Ремзи продолжил свой прерванный застольем рассказ. – Пришел я в милицию сам, поорали на меня, потом вывели Мерьем и мальчишек из камеры, матюкнулись еще несколько раз, не стесняясь женщины и детей, посадили нас всех в «уазик» и вывезли за Перекоп. Чуть ли не к Мелитополю довели и там высадили в голой степи. На рассвете мы все уже были в Бахчи-эли, взломали замок и вошли в дом. Детей жалко было, им пришлось всю ночь не спать, пока не нашлась попутная машина, шофер которой согласился завезти нас в нашу деревню. Хоть много денег запросил, но довез как надо. На следующий день жена с детьми уехала в Узбекистан, а я занялся, как ни в чем не бывало, огородом. Степан не возражал, мы договорились, что если обойдется, то сделку восстановим. До самой осени меня не трогали, а в сентябре прибыла машина с пьяными дружинниками, которые под присмотром милиции побили меня, засадили в милицейский газик, а дом на моих глазах снесли бульдозером. Я смеялся и говорил, что дом не мой, что хозяин его Степан, русский человек. Но эти холуи выполняли приказ, им было все равно. И мне было все равно, я с огорода урожай продал, вещей моих в доме никаких не было, только матрац старый да кастрюля с ложкой, и еще жестяной чайник со стаканом. А Степан еще в выигрыше окажется...

Камилл покачал головой:

- Жалко человека, какой же выигрыш ему может быть? Ведь его имущество пострадало?

- Степан хороший мужик, - повторил Ремзи. - Сейчас судится с колхозом. Я, говорит, этих фашистов заставляю мне на участке новый дом построить, а потом опять тебе продам за ту же стоимость, говорит. Суд он точно выиграет, дом-то разрушили при свидетелях! Но я вскоре здесь недалеко в совхозе жилье купил. Большой дом, под бульдозер такой не пустят.

«А если пустят?», хотел спросить Камилл, но спохватился: и без того он, столичный житель, много глупых вопросов здесь задавал.

Крымчане увидели, какое впечатление произвел на москвича рассказ Ремзи, и Фуат счел нужным добавить:

- Ты думаешь, это единственный случай? Я лично знаю двадцать человек, чьи дома разрушили бульдозером, а по всему Крыму таких случаев намного больше. Ты знаешь, сколько людей осталось нищими из-за этого? Дом разрушен, вещи унесли пьяные дружинники – и семья голая, как в сорок четвертом году!

- А дружинники..., - начал было Камилл, но Ремзи опередил его своим ответом:
 - Дружинники не местные, их привозят из других районов. Обычно это учащиеся крымских техникумов, куда приезжают со всех концов страны. А местные жители, хоть и настроены против нас, но в грабежах участие обычно не принимают.

- Иногда даже защищают своих татарских соседей, - сказал Ремзи.

«Итить твою мать, - думал Камилл, - живу я в Москве, общаюсь с приехавшими из Узбекистана татарами, борцами за народное дело, разговоры умные ведем, а здесь господствует насилие, самая жестокая борьба здесь идет, в Крыму».

Было, конечно, естественно, что со временем борьба народа переместиться в Крым. Но чтобы вот так по-фашистски на виду у всей планеты зверствовали!

К Камиллу подошел Февзи и произнес улыбаясь:

- Как здоровье отца? Мы с ним в тюрьме и в лагере рядом были.

- Как? - воскликнул Камилл и пригляделся к новому знакомому, пытаюсь соединить его образ с лицами на привезенных отцом из лагеря фотографиях. - Так-так, узнаю! Ты Февзи из Чирчика, верно? Из-за стихов своих погорел?

- Да, - Февзи усмехнулся. - За одно наивное стихотворение. Учительница выдала любимая.

Мужчины обнялись, и Февзи вкратце рассказал о перипетиях своей жизни, которые и нам в достаточной мере известны.

Так познакомились два наших героя, два чудом выживших в Узбекистане татарчонка.

- Мне сказали, что у тебя жена и ребенок. Почему ты их не привел? - спросил Камилл.

- Так Лютфие уехала в Чирчик к родителям! - воскликнул молодой муж и отец. - С ребенком ей одной здесь трудно ведь. Поначалу теща здесь была, потом увезла дочь и внука. Надеюсь, что жена скоро приедет.

- Скучаешь? - улыбнулся Камилл, на что Февзи печально поджал губы и согласно покачал головой. О семейном положении Камилла он спрашивать не стал, так как переписывался с его отцом и знал о переживаниях старого профессора и его жены, мечтавших о внуках.

- Ты уже был в Симферополе? - только спросил Февзи, - побывал в своем доме?

- Нет еще, - ответил Камилл, - я поездом Москва-Феодосия приехал. Но я раньше уже бывал в родном городе. Незаконно, так сказать, приезжал.

- Смотри, - предупредил Февзи, - по Крыму нашему брату опасно одному ездить. Нередки случаи, когда милиция хватает татар, избивает и вывозит за Перекоп. Было несколько очень тяжелых происшествий. Здесь суд не принимает заявлений от крымских татар.

- Будто мы и не граждане страны, - грустно заметил Камилл, который был осведомлен о таких происшествиях, а теперь и сам мог оказаться жертвой крымских властей.

Потом Камилл вспомнил, что слышал от отца о Февзи.

- Так ты же, кажется, здесь на археологических раскопках работаешь, нет? - спросил он.

- Работал, - ответил Февзи. - Уволили. В КГБ узнали, что я крымский татарин, бывший зек. Руководство моего отдела не смогло меня защитить. Теперь я по своей старой специальности работаю авторемонтником. Я же до ареста в Чирчике училище закончил.

- А я, вот, оператором в бойлерной работаю, - улыбнулся Камилл. - Ты по старой, а я новую специальность освоил.

- Как это? - Февзи был удивлен.

- Ты только отцу не сообщай, - строго произнес Камилл. - Я родителей расстраивать не хочу. Да, уже два года я безработный.

- Тоже по той же самой причине? - грустно спросил Февзи.

- Да, конечно.

Мужчины задумались. Потом Февзи улыбнулся и удовлетворенно произнес:

- Но я успел здесь домик-временку купить и прописаться. Вот женился, теперь дети пойдут. Недавно старый «Москвич» купил, теперь он у меня как новенький. И материалы для строительства нормального дома уже приобрел.

- Машалла! - сказал Камилл. – Алла бахътынъызны берсин! Пусть Аллах даст вам счастье.

- Алла эпимизге бахът берсин! Эпимизге якъын вахъытларда ватанда яшамакъ къысмет олсун! Пусть Аллах всем даст счастья! Пусть всем нам в ближайшее время доведется жить на родине!

Гости разошлись поздней ночью.

Камилл был рад состоявшемуся неожиданному знакомству с Февзи, о котором иногда вскользь слышал от отца.

- Менден берабер отургъан яш бала Февзи де эвленген, - говорил ненавязчиво отец. – Сидевший со мной молодой парень Февзи тоже женился.

Да, обзаведение Камилла семьей стало проблемой вдвойне, после того, как он лишился работы. Но и до того, при его весьма приличном статусе, этот вопрос был из не простых. Камилл покинул территорию проживания крымских татар в возрасте около тридцати. А в этом возрасте неженатому мужчине отдалятся от своего этноса опасно! У Камилла, вообще-то, не было трудностей в общении с прекрасным полом. Он нравился девушкам, и причиной тому было, по-видимому, его искреннее восхищение ими в целом. Он никогда не скрывал, что считает каждую девушку потенциально своей подругой, а этим прелестницам всегда импонируют уверенные в себе мужчины.

До поры до времени он не желал обзаводиться семьей, хотя бы уже потому, что это закрепило бы его в Узбекистане, который был местом его недобровольной ссылки. Покинув в критическом возрасте среду обитания милых крымских татарочек, он оказался в среде не менее милых славяночек и иудеечек. Однако в нашем неустроенном мире мужчине из оскорбленного советской властью народа заводить семью с девушкой, незнающей, что такое изгнание, что такое гласный жандармский надзор с шестнадцати лет, было крайне неразумно! Не поймет русская или даже еврейка оставшуюся в душе бывшего спецпереселенца непреходящую обиду. А если и поймет она, то уж наверняка не поймут ее родители. А родители всегда сохраняют влияние на свою дочь...

Вот потому все еще и не было у старого профессора Афуз-заде и у его жены внуков.

Утром приехал Февзи.

- Хочешь на раскопках побывать? - спросил он московского гостя.

- Разумеется! – Камилл встрепенулся. - Но ты же там уже не работаешь?

- Ха! Я там свой человек, там все мои друзья! - засмеялся Февзи.

На машине разом доехали до развалин мечети хана Узбека. Февзи обнялся с Володей, за руку поздоровался с другими бывшими коллегами, потом представил им Камилла. Камилл с какой-то непонятной ревностью смотрел на работу ленинградских археологов. Где-то в глубине его сознания копошилась, в общем-то, нелогичная мысль: «Копаете здесь у нас без нашего согласия».

Впрочем, такой ли уж нелогичной была эта мысль в макроисторическом масштабе? Разве не народу Камилла принадлежало здесь не только все, лежащее на поверхности земли, но и скрытое в ее глубинных слоях? А коли так, то имеют ли моральное право пришельцы разрывать наше историческое прошлое без нашего на то разрешения?

Однако, снявши голову, по волосам не плачут. Чем еще придется платить новым поколениям за ошибки и предательство ханов и мурз восемнадцатого века?

Все эти мысли и чувства возникли в сознании Камилла и определили его двоякое отношение к ленинградцам, ищущим здесь тайны веков и восстанавливающим разрушенную мечеть. Он, осторожно пройдя по камням, заглянул, прислушиваясь, в обнажившуюся внутренность строения, возведенного еще в начале четырнадцатого

столетия, прижимал ладони к древним стенам. Он как бы надеялся получить здесь некую весть от далеких предков...

- Хотите посмотреть новый раскоп? - обратился Володя к задумчиво остановившемуся в стороне Камиллу. - Удачно вышли на древнее погребение. Слышишь, Февзи? - окликнул он друга. - Ты тоже еще не видел, пойдем!

Прямоугольный шурф глубиной приблизительно в три метра рабочие осветили подставленным под солнечные лучи листом белой жести, и Камилл увидел на дне череп и симметрично расположенные по обе стороны позвоночного столба ребрышки – труп был когда-то уложен на спину.

- Это не ваш человек, - заметил Володя. - Мусульмане хоронили своих по другому.

- Нет, Володя, уж извините меня, вы не правы, - хмуро возразил Камилл. - Это наш человек, и, может быть, это мой прямой предок. Наши предки жили здесь еще задолго до возникновения ислама и даже христианства.

- Ах, да! - засмеялся Володя, - вы же считаете себя потомками тавров!

- Киммерийцев, - строго произнес Камилл, - киммерийцев и тавров. В этом регионе обитали киммерийцы. Город Киммерион где-то здесь стоял, а? Разве не так, профессор?

- Ну, в общем, так, - осторожно произнес Володя, - но советская историография производит крымских татар от ордынцев, а я ученик этой школы.

Он рассмеялся и взглянул на улыбнувшегося Февзи.

- И вы разделяете точку зрения, что сотни тысяч ордынцев пришли на безлюдные земли, немедленно освоили хозяйство гор и степей, начали вдруг разводить сады и выращивать виноград и стали прародителями нынешних крымских татар? – Камиллу было не смешно.

- Нет, конечно, так не бывает, - посерьезневший Володя покачал головой. - Но, слава богу, мне об этой стороне вопроса писать в своих отчетах не приходится. Это пропаганда, а не наука.

- То-то, - сказал московский доктор наук, которому даже эта последняя реплика Володи не добавила к нему симпатии. - Ханство от ордынцев, верно. Но этнос не может вдруг исчезнуть или вдруг появиться.

- Да, разумеется, - как-то вяло вымолвил ленинградский доктор наук, и добавил: - Пойдем пить пиво, что ли.

Камилл еще некоторое время стоял над раскопом, всматриваясь в останки человека, который, действительно, мог быть его предком...

Камилл не понимал, почему этот ленинградец, близкий друг Февзи, ему антипатичен. Но так оно и было.

Глава 20.

- Сегодня поедем к Кериму, он, наверное, уже вернулся из Узбекистана, - сказал утром следующего дня Фуат. - И с Шамилом познакомишься, его тоже с собой возьмем, если он дома.

Заехали к Шамилю и втроем поехали в гости.

Фуат еще раньше рассказывал Камиллу о Кериме, и Камилл очень хотел познакомиться с человеком, который по своей воле оставил престижную работу и приехал на родину.

Керим очень обрадовался гостям. Но при этом стал извиняться, что живет один и не может организовать достойное гостей угощение.

- Поехали в кафе! – воскликнул Шамиль.

- Ну, уж, - обиделся Керим. - Шашлыки в любом случае приготовить смогу. Вот только за баранинкой нужно съездить, а, Фуат?

И обратился к Камиллу:

- Машину надо бы из Узбекистана пригнать, да вот дела огородные, понимаешь.

На фуатовской «шестерке» мигом смотались на рынок, где купили отличную баранину. И, конечно, прикупили по дороге винца крымского.

Пока кусочки баранины пребывали в искусно приготовленном хозяином маринаде, мужчины беседовали за чаем с купленными в магазине печеньями, нетерпеливо вдыхая запах пряностей, выбирающийся из эмалированной кастрюли.

Разговор шел поначалу о действиях крымских властей. Керим под смех друзей рассказал о стычке с председателем райсовета.

- О кяфир сагъа да бир яманлыкълар япар! – сказал Камилл. – Этот кяфир тебе еще постарается нагадить.

- Конечно, - отвечал Керим. - У этих типов нынче жизненной целью стало нам гадить.

- Ну не скажи! – возразил Шамиль. – Их главная цель наворовать побольше, нахапать, пока у власти.

- А это у всех цель, что в Средней Азии, что в Крыму, - засмеялся Керим.

- И то же самое в Москве, – добавил Камилл, вспоминая рассказы коллег на «кухне изгоев».

Пришло время разжечь самодельный четырехугольный мангал. Насадил баранину на шампуры, и вскоре запах готового шашлыка разнесся по двору.

Потом Шамиль и Фуат решили зайти ненадолго к Таиру на соседнюю улицу, а Керим и Камилл продолжали беседу. Камилл поинтересовался шансами Керима получить работу в медицинском учреждении.

- Я все еще делаю попытки найти работу, но вижу отношение местных начальников и надежды все меньше. Как эти люди, которые живут на нашей земле, в наших домах, ненавидят нас, стараются нас выжить, мечтают уничтожить нас! И ведь они так поступают не с десятком, не с сотней людей, а с целым народом! - так говорил Керим.

- Ахырзаман! – с горечью смеялся Камилл. – Моя бабушка во время войны говорила, что приближается ахырзаман, апокалипсис. И люди в это время потеряют стыд и совесть, говорила она. В Бога не верят, поэтому и совесть потеряли.

- Да, но не так уж это смешно, - отвечал Керим. – Я тоже не религиозный человек, но душа не принимает лжи и равнодушия к бедам людей.

- Ну, ты врач, тебе нельзя быть равнодушным к людям, - опять улыбнулся Камилл.

Потом добавил уже серьезно:

- Я тоже одно время был скептиком, отрицал все, что не вписывается в вульгарный, как я теперь понимаю, материализм. Однако жизнь заставила по иному на все эти дела посмотреть. Я сейчас думаю о том, что горе, перенесенное нашим народом, отзовется на судьбе тех, кто захватил нашу землю. Сколько татарских женщин говорили плача «Козьяшларым тутсын!», то есть пусть мои слезы вам отзовутся...

- Я не верю в проклятия и в божье наказание, - не очень уверенно произнес Керим.

Но московский физик продолжал свою нематериалистическую тему:

- Великий ученый двадцатого века Петр Капица говорил, что любимым его изречением является строка из «Гамлета»: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам». Так что и Капица допускал, что есть «тонкий мир», в котором действуют другие связи.

- Тонкий мир?

- Да, так называют тот мир, в котором происходят и находят отклик в нашей повседневности странные события, не уместяющиеся в систему современной науки.

- Интересно все это, хотя и ..., - на этом Керим прервал свое замечание и после некоторой паузы добавил:

- Впрочем, кто его знает...

Камилл рассмеялся:

- Вот, вот! Сомнение есть шаг к новому пониманию. Академик Капица сомневается уже давно.

Помолчали.

- Слушай, - произнес почему-то понизив голос Керим, - я был недавно в родной деревне моей бабушки по ее просьбе, это над Ай-Петри, деревня Кок-Коз, слышал?

- Конечно, известная деревня. Большое и богатое, говорят, было село.

- Да, было... Нашел дом, где бабушка родилась и выросла, ничего, прочный домик. Те, кто там живут, испугались, дураки, когда я заявился. Да не бойтесь, говорю, я только хочу передать дому привет от моей бабушки. Ну, в общем, погулял я по Кок-Козу, места хорошие, но атмосфера в целом какая-то недобрая, скучная. Ладно, пошел пешком к Ай-Петри, как мне мама рассказывала. Вид на море там потрясающий! Народу никого, только какой-то старик сидит на камне и тоже морем любит. Я поздоровался с ним, а через несколько минут он меня спрашивает, не татарин ли я крымский? Я рассмеялся:

- Как это вы в рыжем мужике узнали татарина?

- А я всю жизнь с татарами прожил, - отвечает, - и с рыжими, и с черными.

Поговорили мы с ним, он бывший лесник, оказывается. Сейчас уже старый стал, на нищенской пенсии. И вдруг он спрашивает:

- Ты слышал, в Крымских горах кони-привидения обитают, с сорок четвертого года?

- Откуда, - отвечаю я с недоверием, - я могу о таких вещах слышать.

Лесник рассказал мне в подробностях о своих многолетних наблюдениях за этими привидениями, которых он называет голубыми мустангами. Слушай...

И Керим пересказал Камиллу о голубых мустангах все, что ему поведал Старый Лесник и что нам тоже частично уже известно.

- Лесник уверен, - говорил Керим, - что породили этих призрачных коней древние и тайные силы Крымских гор, что это силы возмездия, только по благоволению Аллаха сдерживающие свою мстительность. Так он и говорил мне.

Камилл с интересом слушал рассказ доктора и вспомнил сказанное старым Финном о каре земли.

- За эти годы, как говорил мне лесник, было немало жертв среди людей, которые позволяли себе без уважения относиться к этим голубым мустангам. Старый добрый человек просил меня, чтобы обратился я, абориген Крыма, к Аллаху с молитвой, дабы сдерживал Он эти недобрые силы от ярости.

Камилл не стал насмешничать по поводу того, что его товарищ только что высказывавший свой скептицизм в отношении мистических явлений, серьезно отнесся к рассказу о голубых мустангах. Что касается его самого, то он принял эту «нематериалистическую» информацию без предубеждения. И в свою очередь он задумался над тем, можно ли рассказать Кериму о красной ртути и о таинственной рукописи. Про ртуть он решил рассказать, а о рукописи воздержаться. Ну и что? - подумает его слушатель, - какие-то литературные упражнения. «Нет, - решил Камилл, - об этом эпизоде в своей жизни пока надо молчать».

- И еще, - продолжал Керим, - лесник говорил о некоем «черном узле», который иногда появляется в ночном небе над Крымом. Этот крутящийся «черный узел» видели, якобы, и некоторые из наших татар. Но это кажется совсем уж недостоверным!

Керим еще что-то говорил, а Камилл на мгновение задумался над тем, как со временем рушится упрощенное понимание миропорядка, настойчиво навязывавшееся всей образовательной системой в стране.

- Извини, что ты сказал? – обратился он к Кериму.

- Я допускаю, что мир создан Высшей Силой, - повторил Керим, - но никак не могу представить себе, что Высшее Существо отслеживает судьбу каждого человека.

Не прав был Керим, большой специалист в делах медицинских. Сейчас, по прошествии совсем немногих лет после этой беседы, любой автор, создающий свои тексты на компьютере посредством программы Word знает, что если, скажем, в тысячестраничном сочинении сместить с места одну букву, то Word немедленно обнаружит ошибку и укажет на нее, и даже с комментариями и советами. И то же самое будет, если в тексте хоть миллион, хоть сто миллионов и больше букв! И такую программу создало земное человечество, мудрейший представитель которого сравнивал себя всего лишь с ребенком, который на берегу безбрежного океана играет камешками! Так неужто же вы, всего лишь играющий на берегу бескрайнего океана ребенок, смее сопоставлять свои возможности с возможностями Всевышнего?

Это обстоятельство разве не подсказывает вам, скептикам, что Высшее Существо способно создать такую программу, которая в состоянии отслеживать поведение каждого из нескольких миллиардов землян? Другая подобная программа будет следить за каждым шагом населения планеты, расположенной где-то у альфы Центавра, и так далее. Ведь мощь и всемогущество Создателя Вселенной несравнимо выше возможностей сотворенного Им человека!

Вообще-то говоря, я думаю, что и задача отслеживания поведения каждого землянина не столь уж сложна, и через несколько десятилетий (а то и раньше!) соответствующие государственные организации на нашей планете будут способны не только ежесекундно контролировать поведение каждого гражданина, но и корректировать его «в интересах государства». Ввести в тело человека микрочип – только и делов! А что за проблема для Творца Вселенной создать соответствующий датчик в организме каждого существа?

Так что у Высшего Существа, которого некоторые запуганные атеистами философы осторожно называют «Алгоритмом», имеется свой Super Word. Вот только жаль, что этот Super Word не дает нам, согрешившим, немедленных построчных комментариев и советов.

- Ну, это вопрос сложный, - так отреагировал Камилл на скептическое заявление Керима о подконтрольности человеческой судьбы. - Я тоже в недавние годы встретился с некоторыми явлениями, которые не могу объяснить без признания того самого, на что намекает академик Капица. Так что сфера наших знаний очень ограничена.

И он рассказал Кериму об обстоятельства появления красной ртути, о ее необычных свойствах и о том, как он решил избавиться от нее. Конечно, о драматических событиях в смолистом подземелье Камилл ничего не знал. Но он знал и поведал Кериму, что красная эта жидкость загадочным образом исчезла из секретного склада Академии Наук тогда же, когда он утопил свою канистру в горном озере.

Потом они сидели, обмениваясь краткими репликами и обдумывая последствия появления голубых лошадок и красной ртути.

Тут в ворота постучали. Керим обрадовался, что это Фуат и Шамиль привели с собой Таира. Но это был другой живущий неподалеку татарин по имени Марлен, который учуял, наверное, шашлычный запах, распространившийся по всему селу.

Продолжать серьезный разговор при новом госте стало невозможно, потому что, как знал Керим, Марлен стал бы встречать со своими неуместными репликами и хихиканьем.

Камилл ради приличия обратился к дожевывающему мясо Марлену:

- Ну, как ты тут устроился? Давно в Крыму?

- Нет, три месяца, как приехал.

- А семья? -

- И семья здесь, - захихикал Марлен.

- Вот это хорошо! Смелый ты человек!

- Так его ж прописали и работу дали в райцентре, - сухим голосом пояснил Керим.

- Прописали тебя? – спросил удивленный Камилл. – Так сразу и прописали?

У Марлена забегали глаза:

- Ага, прописали...

И превел разговор на другую тему:

- Слушай, что это по радио говорят «Джемилёв». Разве у нас такие фамилии бывают?

- Ну, ты даешь, акбай! Джемилев да-а! Джемилев, Мустафа Джемилев! – недовольно откликнулся Керим.

- А что тогда говорят «Джемилёв»? – настаивал Марлен.

Камилл поглядел на него, хотел высказаться по поводу его разума, но сдержался и только, взглянув на Керима, покачал головой.

- Ну и хорошо, что говорят, пусть даже с ошибкой, - вымолвил он. - Мустафа наш национальный герой, других таких нет.

- Как нет, а..., - начал было Марлен.

- Да, да! – нетерпеливо перебил его Керим. - Но все они герои Советского Союза, а Мустафа наш национальный герой! Разницу понимаешь?

Марлен повел головой и хотел что-то возразить, но почувствовал опасную напряженность во взгляде Керима и недовольно замолчал.

Я согласен с тем, что герои разные бывают.

Для меня герой Абдуреим-ага Решидов, Герой Советского Союза, который в знак протеста против дискриминации готов был сжечь себя в центре Симферополя.

Для меня герой Амет-ага Абдураманов, отказавшийся от индивидуальной прописки в Крыму в качестве участника боев на Малой земле и требовавший этого права для всех крымских татар.

Для меня герой Аметхан Султан, дважды Герой Советского Союза, вопреки давлению властей настоявший, чтобы бюст ему был поставлен в Крыму.

Для меня герой Закир Мустафаев, мой друг студенческих лет, мой соратник по Первой Организации, не покоровившийся КГБ и зверски убитый в застенках за то, что хотел жить в родном Озенбаши. Именем Закира Мустафаева названа улица в Симферополе (Каменка).

Для меня герой – Муса Мамут. Этот человек сжег себя не из-за личного желания жить в Крыму, а за то, чтобы жить в Крыму вместе со своим народом.

Есть такая пошлая поговорка, что, мол, жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо в Крыму. Для нас Крым не райский уголок, для нас Крым – родина. Понятно ли это всяким перекасти-поле, для которых что Рязаницина, что Орловицина, что остров Сахалин – все нашенская земля?

Слишком много земли для этих оторвавшихся от корней сухим кустам для своего катания надо, как бы не закатиться им куда-нибудь.

После разговора о героях Марлен поблагодарил за угощение и поспешил уйти.

- Что это за любитель шашлыков? – спросил Камилл.

- Не шашлык его привлек, а то, что где шашлык, там и гость. Какой гость, откуда прибыл – такая информации кое-кому очень нужна. И про Джемилева вопрос был не случайный.

- Понятно, - проговорил Камилл.

Продолжать тему не стали. Достаточно того, что Камилл запомнил имя и лицо этого Марлена.

Вскоре пришли Фуат и Шамиль и, действительно, привели с собой Таира. Расстались ребята нескоро, но вполне во вменяемом состоянии.

Утром в дом Фуата опять пришел Керим, который рад был пообщаться с изощренным в разного рода знаний человеком, какого он нашел в Камилле. И Камиллу этот его новый друг был очень интересен. Фуат поехал по своим делам, а два безработных доктора наук пошли побродить по окрестным невысоким горам. Потом сидели на камне у скудной речки и говорили о крушении крымской природы. Камилл вспомнил рассказ одного русского человека из тех, кто проживал на Полуострове еще с довоенной поры, о том, что после выселения татар сады и леса Крыма оставались несколько лет бесплодными.

Зашел разговор о нравственности заселивших Крым людей.

- Никакого сострадания к татарам, у которых отняли все и загнали в азиатские земли! Ведь и многих русских власть тоже ссылала в Азию, в Сибирь. Могли бы и посочувствовать. Хотя теперешним жителям наших земель не один десяток лет промывали мозги антитатарской пропагандой.

- Да, - соглашался Керим, - здешнее новое население в большинстве своем сильно отличается от русских людей, проживающих в Средней Азии. Конечно, мы с тобой понимаем, что любой народ всегда игрушка в руках властей, он говорит и делает то, что власть велит. Но не слишком ли мы умничаем, желая оправдать злобный антитатарский настрой некоторых пришедших жителей Крыма многолетней пропагандой? Ведь и свои мозги иметь надо.

Камилл невесело рассмеялся:

- Да, мы иногда пытаемся найти оправдание тому, чему нет оправдания. Всеобщий недостаток интеллигенции много рассуждать и искать за очевидным некие нюансы, может и существующие. Но эти нюансы не определяют реальность. Реальность груба, а интеллигенты готовы к всепрощению.

- Вот потому и нельзя во главе национально-освободительного движения ставить интеллигентов, - продолжил Керим мысль своего нового друга. - Возглавлять народный бунт должен или пастух, или ремесленник, или даже простая крестьянка. Интеллигенты много рассуждают, ищут оправдания своим врагам и обычно становятся соглашателями.

- Вот именно! Это я и хотел сказать, - отозвался Камилл. - Ученого человека связывает с действительностью множество привязанностей, и власть всегда найдет ниточку, потянув за которую можно убедить много о себе воображающего интеллектуала в том, что он поведет революцию по гибельному пути. И это же нужно сказать о номенклатурных работниках, привыкших к различным льготам – из их среды борцы за народное дело не выходят.

Тут уже рассмеялся Керим:

- Да, но зато из этих выходят имитаторы борьбы, на самом деле борясь за сохранение полученных от властей привилегий.

И добавил:

- Прав был Ленин, утверждавший, что пролетариату нечего терять, поэтому он самый революционный класс! Но сам-то он был из русских интеллигентов.

- Что ж, бывают исключения, которые и в среде интеллигенции, и в среде партийной номенклатуры хорошо видны на фоне закономерных правил, - ответил задумчиво Камилл.

Он припомнил то недавнее время, когда с друзьями создал первую полулегальную организацию, начавшую планомерную деятельность за пробуждение народа на борьбу за возвращение в Крым. Он продумывал уже не раз тот ход событий, который произошел бы, если бы он и его соратники не оказались вынуждены после окончания своих институтов уехать из столицы Узбекистана по обязательному распределению. Что было бы? По крайней мере, за пятерых руководителей организации он ручался, что не дали бы себя запугать или уговорить. Однако какую деятельность они должны были бы развивать? Весь регион, прилегающий к Ташкенту, они уже взбудоражили, приезжали к ним и из других областей республики. Ну, допустим, их не арестовали бы, и они продолжали бы «ходить в народ» и побуждать к действию – весьма полезное решение, но это уже превратилось бы в

рутину. Необходимо было бы переходить к следующему этапу, но к этому этапу поднявшийся народ перешел естественным образом – возникли инициативные группы и появились местные лидеры. Какое место заняли бы они, руководители первой организации? Наверное, местные лидеры потянулись бы к ним, и не факт, что он, Камилл, и его соратники смогли бы удовлетворить их запросы – только действительное развитие событий дало бы ответ на этот вопрос. Наверное, все же не удалось бы избежать внутренней борьбы, вряд ли авторитета кого-нибудь из бывших студентов оказалось бы для этого достаточно. Пожалуй, они во время сошли с политической сцены...

Но внутренняя борьба, мешающая общему делу, так или иначе, появилась...

Потом мужчины, не договариваясь, перешли на другую тему.

- Что такое красная ртуть, какая миссия у голубых мустангов? В силах ли мы разгадать эту загадку? – грустно произнес Керим.

- Но ты думал об этом? – отозвался Камилл.

- Думал, конечно. Не знаю, что и откуда.... А ты что надумал?

- У меня сложное построение получилось. А раз сложное, то вряд ли близкое к истине.

- К истине.... Ты еще веришь, что можно познать истины этого мира?

- Ну, в какой-то степени - да. Поэтапное приближение.

- А у меня такая концепция, очень простая. Некая третья сила желает помочь Добру, порождает призрачных коней. Эта же сила уничтожает красную ртуть, посланную силами Зла во вред людям. А? – Керим хоть и говорил вроде бы с юмором, но ждал ответа с некоторым напряжением.

Камилл задумался, потом ответил не ерничая:

- Примитивно. Но и моя конструкция в чем-то схожа. Во всяком случае, и у меня фигурирует некая сила, желающая помочь, но не знающая как.

Керим ответил не сразу, затем, глядя в глаза Камиллу, произнес проникновенно:

- А. может быть, очень даже помогает, только мы не знаем, что эта сила нас спасла?

- Не исключено, – совершенно спокойноотреагировал на это замечание Камилл, который, по-видимому, тоже уже обдумывал такой вариант.

- Но, - продолжил он, - мне кажется более верным предположить, что этот Доброжелатель не знает мир людей, не может понять нашу историю, нашу психологию, наши намерения. Поэтому таинственный механизм работает вхолостую, хотя, возможно, и не совсем.

- Океан Лема в гостях у землян, - насмешливо произнес Керим, и добавил: – Как говорит один мой приятель, все наше мышление насыщено литературщиной.

- Ну, ты слишком строг, - недовольно заметил Камилл. – Возможно, образы мы выбираем иногда из литературы, но мыслим мы не по Шекспиру и не по Пушкину. А хороший литературный образ, что ж, весьма достойная штука.

Этот разговор побудил Камилла к тому, что все же можно рассказать Кериму о рукописи со странным повествованием. «Этот поймет, хотя и не откажет себе в удовольствии поиронизировать» - решил Камилл.

- Керим, я тебе сейчас расскажу еще о кое-чем, - начал он, и Керима насторожил его тон, из чего следовало, что его товарищ собрался поведать ему о чем-то сокровенном....

Камилл рассказал, как случайно и буднично обнаружил первую часть загадочной рукописи на подмосковной даче.

- Только тонкий пергамент и золотистые чернила показались мне сначала странными, очаровывал и красивый почерк - говорил Камилл. – Однако когда я вчитался в текст, то он перестал казаться мне случайным. Мне казалось, что что-то в нем обращалось именно ко мне. Во всяком случае, у меня возникло желание найти ее, и какое-то время это стремление был чрезвычайно сильным. Потом я успокоился, и если и не забыл о ней, то вспоминал о ней без позывов к немедленному поиску.

Мужчины поднялись и пошли не спеша назад к дому Фуата.

- Обстоятельства, при которых я нашел вторую часть рукописи, уже обычными не назовешь, - продолжал Камилл.

И он рассказал подробно о Юхане, о собачке, о старом Финне.

- Последующий текст о поезде, пронизывающем пространство и время, уж точно был подстать моим мыслям. Слушай...

Камилл дословно пересказал текст о Ташкенте и Таллинне. Потом он процитировал последние абзацы рукописи и замолк.

- Так где она, эта рукопись! – воскликнул возбужденно Керим. – Дай мне ее прочесть!

- Не думаешь ли ты, что я таскаю ее с собой? – засмеялся Камилл. – Приезжай ко мне в Москву.

- Ну и что дальше было? – возбуждение Керима не проходило. – Ты понял, куда прибыл поезд? Это Сырат кёпюр, мост в Рай, протянутый над адской пропастью!

- Да, - спокойно произнес Камилл, – такая вот загадка. Почему судьба преподнесла мне эту рукопись? Я не знаю...

Керим уже успокоился.

- Может быть, тебе предстоит путешествие по разным временам, и судьба готовит тебя к этому подарку, - улыбнулся он и попросил: – А ну-ка, перескажи еще раз этот удивительный текст.

...Фуат уже вернулся и ждал своих друзей к обеду.

Глава 21.

Если в прежние свои посещения родины печаль в сердце Камилла только множилась, то теперь, когда он пребывал в Крыму в окружении своих соотечественников, он, напротив, ощущал душевный подъем, чувствовал приток умственных и физических сил.

Однако надо было возвращаться.

Камилл приехал в Москву с облегченным сознанием. И не потому только, что набрался духовных сил от общения с проживающими на родине земляками, и не от того только, что поделился информацией о ртути и о рукописи с Керимом, а и по той причине, что вновь познал, что реальность превышает всех таинственных, пусть и не случайных явлений.

Нужны были средства для существования, и он приступил к выполнению своих обязанностей оператора бойлерной, да и лекции от общества «Знание» почитывал. До наступления отопительного сезона работы в бойлерной было немного. Однако в том году рано похолодало, и уже в начале октября в дома москвичей дали горячую воду в систему отопления. Похолодания сменялись потеплениями, и капризные жители столицы требовали, чтобы нагрев батарей регулировался строго в зависимости от температуры воздуха.

Встречи на «кухне изгоев» проходили регулярно – где еще можно было поговорить «за жизнь» изгнанным из «порядочного» советского общества докторам и кандидатам наук? Не с женами же, которые и без того наливались яростью от того, что муж стал приносить мало денег в семью.

Контингент «кухни изгоев», конечно же, менялся. Самым подвижным слоем здесь были евреи. Еврей, хотя и с трудом и далеко не всякий, имел возможность получить визу и уехать из страны, которая воспользовалась его умением и честным старанием, а потом унизила. Положение же других было безвыходным: коммунистическая власть исповедовала тезис, что «незаменимых людей не бывает», и высококлассные специалисты, попавшие в «черные списки» по причине неосторожного высказывания о творимых в стране безобразиях, не имели шансов вновь вернуться к творческой деятельности. Единственно что - не арестовывали как врагов народа и не приговаривали, как бывало, к «десяти годам без права переписки». А что касается доброхотов, доносящих

на своих успешных коллег, то их было в стране хоть отбавляй. Наверное, только «на кухне изгоев» не появлялись представители этого подлого племени доносителей, потому что по закону естественного отбора сюда попадали с другим менталитетом. Хотя бывало всякое. Вот один из случаев, который может опровергнуть это мое оптимистическое заявление о менталитете посетителей «кухни изгоев».

Когда однажды собрались во Дворце Съездов представители компартий и высокоученые бойлерщики обсуждали это событие, кучерявый Гриша мечтательно вымолвил:

- Ракеточкой бы небольшой долбануть по ним!

- Вот таков он, «честный» гражданин своей страны, - язвительноотреагировал некто Петр Петрович, профессор-гуманитарий, который работал в дневную смену в той же бройлерной, что и Григорий, и тоже присутствовал иногда «на кухне». Надо сказать, что гуманитарий этот был, конечно, премного благодарен «коллегам», как он всегда подчеркнуто произносил, за устройство на работу, – «важно, чтобы профсоюзный стаж не прерывался!», - но в душе считал себя случайно попавшим в эту компанию. «Коллеги» - это другое дело, это заблудившиеся личности, а он чист перед родной коммунистической партией и советским правительством. Он писал по всем инстанциям и верил, что скоро поставит теперешней своей компании поллитру – «как это у *них* принято» - и распрощается, да и постарается поскорее забыть об этих «коллегах». Он ушел из компании не попрощавшись и не успел поставить бутылку, потому что за пространные письма в ЦК его сочли шизофреником и упекли в психушку.

Но тогда в ответ на его язвительную реплику Гриша темпераментно возразил:

- Вы простите меня, Петр Петрович, но нельзя ставить знак равенства между страной и государством, это наивно!

- Почему же нельзя, - покровительственным и всепрощающим тоном отвечал Петр Петрович, который по возрасту годился Григорию в отцы, - все мы патриоты, и если сейчас мы в не самом лучшем положении, то сами же и виноваты - где-то допустили промах. Народ, партия и советская власть едины, молодой человек!

- Ракетой бы ее, эту власть! – повторил сладострастно Гриша, и вышел из комнаты, чтобы не ответить старшему его по возрасту человеку дерзостью.

Славный молодой парень из «кухни изгоев» Гриша, доктор наук Григорий Ефимович, таки подал заявление в ОВИР, что было делом очень не простым. Заявления с просьбой воссоединиться с проживающим в Израиле родственником ОВИР принимал только при наличии вызова, присланного по почте. Это было цинично-простым маневром властей: вся переписка граждан СССР перлюстрировалась, и почтовые послания с вложением вызова просто не выдавались адресату! Но евреи и косящие под них граждане по всякому ухищрялись, но и на их еврейские хитрости находились хитрости чекистские (там было много бывших евреев). Тем не менее, Грише удалось с помощью опытных товарищей соотнести привезенный за пазухой интуриста вызов с полученным по почте конвертом, и таким образом Отдел Виз И Разрешений принял к рассмотрению его просьбу «разрешить выезд на ПМЖ – постоянное место жительства».

Каждый, подавший заявление на эмиграцию, немедленно увольнялся с работы, какова бы эта работа не была. Камилл очень сожалел, что Гриша больше не появляется «на кухне», которую сам Камилл посещал почти каждый раз по окончанию смены. При всей независимости и дерзости мнений постоянных членов «кухни», именно с Гришей у Камилла было полное совпадение в неприятии советской действительности - без всяких там апелляций к историческим условиям и к прочей демагогической шелухе, так полюбившейся демократам-неофитам. Хорошие, честные наставники были, видно, у Григория Ефимовича, который сам, по молодости лет, не хлебнул полной мерой лиха в социалистическом раю.

- Ракетой бы их, ракетой! – Камилл, часто вспоминал это шокирующее восклицание Гриши.

«У меня было средство посильней ракеты» - подумал тогда Камилл, и мелькнуло сожаление, но сразу застеснялся сам своей слабости.

Дни шли за днями, и у Камилла усиливалась тоска по Крыму, по оставленным там новым друзьям. В раздумьях, в душевной неупорядоченности прошла нудная зима, которая только тем и была хороша, что Камилл много ходил на лыжах.

В конце марта в Москве открывался очередной съезд Компартии. К этому форуму приехали со своими коллективными просьбами и протестами несколько десятков крымских татар из Узбекистана и Крыма. В числе них были и Керим с Шамилем, которые остановились, конечно же, у Камилла.

Они рассказали, что Фуата арестовали и дали срок за «уклонение от прописки». Семью выгнали из дома, разрешив взять личные вещи. Их приютили прописанные в одном из степных районов знакомые, с сыном которых была помолвлена Алиме. В связи с событиями решили неотложно заключить брак. Несмотря на то, что жених имел крымскую прописку, в ЗАГСе брак не зарегистрировали. Тем не менее, сыграли скромную свадьбу, мулла прочел молитву, узаконивающую новую семью перед Аллахом.

Камилл уже вроде бы хорошо знакомый с произволом крымских властей был, однако, шокирован:

- Как это не регистрировать брак? К тому же прописанный в Крыму жених правомочен даже по их законам?

Крымчане криво улыбнулись и покачали головами.

«По их законам»... Местоимена в третьем лице применяли не только борющиеся с властями народы, такие, как крымские татары. «Они» - так принято было именовать власть почти во всех социальных слоях. Несчастные крестьяне, ныне именуемые колхозниками, только так и говорили о начальстве, к которому с нелюбовью относили всех, начиная от работников правления колхоза и кончая самыми верхами, которые рассказывали по радио сказки о том, как они радуют о земледельцах. Рабочие – уж для них-то власти, начиная с собственного руководства, всегда были они. «У них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает!» - кто не знал этой песенки? Диссидентствующая интеллигенция только и говорила о власти, используя местоимения в третьем лице. Во время застолий был обычен третий тост - «пусть они подохнут!», который зачастую не произносился, а только объявлялся: третий тост! – и все выпивали не чокаясь.

О! Власти понимали опасность внедрения в сознание масс этих местоимений! На собраниях коммунистов, на сходках добровольных доносчиков и платных сексотов уполномоченные соответствующих органов давали задание выявлять тех, кто злоупотребляет местоимениями третьего лица в неблагонадежном контексте и сообщать об этих личностях органам.

Но были и экзотические социальные группы, наиболее многочисленные в больших областных городах, а в столице – в особенности! Уж для этих-то советская власть была своей! Советская власть, которая не была советской, так как в «советы» всех уровней люди не избирались, а безальтернативно назначались, и которая не была властью, ибо власть полностью была в руках разного уровня коммунистических партийных комитетов.

Однажды в День Советской Конституции, в начале декабря, Камилл ехал в троллейбусе №12, полупустом по случаю нерабочего дня, по улице Горького. В салон грузно вошла немолодая женщина и демонстративно громко обратилась к своему знакомому, оказавшемуся на соседнем сидении, напыщенно поздравляя его с праздником и сердито оглядываясь по сторонам. Две девушки, стоящие рядом, откровенно засмеялись

Камилл перешел в другую часть салона. Пожилой мужчина с газетой стал изучающе оглядывать особу столь советизированную, что сей мало почитаемый праздник отмечающую демонстрацией против вероятного в московском троллейбусе «контрреволюционного» окружения. Действительно, в стране общественный климат менялся не в пользу совпартноменклатуры, этой вовсе уж обнаглевшей прослойки. Семьи номенклатуры пользовались специальными магазинами, в которых они могли покупать съестные продукты, недоступные народу, и одевались в таких же специальных распределителях, где можно было даже приобрести мужскую меховую шапку, и не из кролика или овчины, а пыжиковую, а иным доводилось раздобыть права даже на более качественную! В шестидесятых годах среди номенклатурных работников распространилась с подчеркнутой жесткостью произносимая фраза, одинаково оскорбительная и для профессора, и для слесаря: «здесь вы нам не нужны». Здесь, мол, не нужны, позвольте вам выйти вон, а ежели когда и где вы нам понадобятся, то мы вас пригласим, а не придете - приведем. Вот оно следствие родившегося в массах местоимения «они»! Аукнулось это народу словосочетанием «вы нам»! Элитарные слои общества тешили себя.

Но уж они нам и вовсе нигде и никогда не были нужны!

Из немногочисленных праздников советских времен население почитало в качестве самых любимых и радостных только три. Во-первых, разумеется, Новый Год - самый веселый праздник и детей, и взрослых. Потом праздник Первого Мая, официально носящий название «Международного Дня солидарности трудящихся всех стран». Как таковой его отмечали только в компаниях, к которым принадлежали люди, подобные той самой особе из троллейбуса №12.

Представьте себе нормальное первомайское застолье, во время которого встает человек и произносит: «Предлагаю выпить за солидарность трудящихся на всей нашей планете!». Невероятная сцена для реальной жизни! Или сцена из пьесы некоего драматурга - лауреата Сталинской премии.

Все же остальное население гуляло в начале мая два дня, не вникая в политический подтекст, а радуясь наступившей весне.

Третий весьма любимый населением праздник приходился на 8 марта – Международный женский день. Опять же политическое содержание этого праздника или вообще не упоминалось, или же упоминалось в связи с анекдотичной гипотезой, что в этот день с Инессой Арманд произошло когда-то нечто значимое. Гораздо меньшей популярностью пользовался праздник 23 февраля, посвященный армии, но в который уже женщины дарили подарки представителям сильного пола, и все вместе выпивали за здоровье и успехи уже мужчин. Но выпивали, конечно, только во взрослых компаниях, в детских садах и школах девочки дарили мальчикам сладости или маленькие гостинцы. Причиной меньшей популярности «мужского дня» было то, что этот день власти не сделали нерабочим, - а ведь надо бы!

Но был один праздник, который был одинаково почитаем и в принадлежащих к властвующей элите кругах, и среди самых униженных и обездоленных - День Победы. За любым застольем - будь то компания чекистов или компания диссидентов - звучал первый тост «За победу!» и второй тост «В память о погибших». Произнесением третьего тоста не омрачали этот священный день. Я не упомянул этот праздник в числе самых радостных, потому что не было в Советском Союзе семьи, в которой не скорбели бы в этот день по своим близким, сложившим голову в войну.

Интересную тему затронул я здесь невзначай - о праздниках. Тогда надо назвать еще и праздники религиозные. Мусульмане, например, обязательно отмечали безалкогольным, разумеется, застольем великий праздник Курбан-байрам и не менее великий Рамазан, хотя далеко не все семьи резали в Курбан-байрам барашка. В среде, где преобладали принадлежащие к христианскому вероисповеданию народы, обязательно в день великой Пасхи мужчины лезли к женщинам целоваться. И свою приверженность к этому обряду

мужики наши начинали проявлять еще накануне Пасхи, ибо праздник сей приходится на воскресенье, а целоваться хочется и по месту работы. Ну и в тот самый канун женщины приносили на работу испеченные дома куличи, и в обеденный перерыв, а то и оставаясь после работы, выпивали и закусывали, причем все, независимо от вероисповедания и партийной принадлежности. Конечно, в идеологических службах такое вряд ли происходило, но я рассказываю о быте простого городского населения - профессоров, инженеров и слесарей. А на селе! Ох, как пили в Пасху на селе! Но об этом не здесь и не сейчас.

Упомянув об отношении в учреждениях к религиозным праздникам, я, кажется, ничего не сказал о том, как проходило там празднование официальных, советских праздников. О праздничных торжественных собраниях коллективов, где речь держал вначале директор предприятия, потом парторг, за ним профорг и, наконец, какая-нибудь «комсомольская богиня», я не хочу вспоминать - противно! От этих собраний коллектив лаборатории или какого-то другого подразделения в тайне от высшего руководства освобождал двух-трех подходящих человек, которые к окончанию торжественного заседания уже накрывали стол, прятали в надлежащем месте бутылки с горячительными напитками – водку для предпочитающих и вино для всех остальных. Товарищи по работе, проводящие в совместном трудовом общении времени больше, чем со своими семьями, запирали дверь на внутренний замок, и начиналась дружеская пирушка. Если высший руководитель, обходящий свои подразделения вместе с партийным и профсоюзным боссами, стучался в дверь, то ему открывали после того, как бутылки с напитками прятали под стол или в шкаф. Вообще, разные бывали руководители, иные в какое-либо подразделение приходили даже со своим пузырем. А нет, так требовали налить из спрятанных емкостей и не скаречничать при этом.

И еще вот что интересно вспомнить к сведению тех, кто или уже забыл, или не застал тех времен: если накануне праздника Великой Октябрьской революции вы обращались к встреченному в коридоре коллеге с фразой «С наступающим праздником!», то в ответ в большинстве случаев слышали: «И тебя тем же самым по тому же месту!». Вот как непочтительны были люди в отношении к господствующей идеологии и к ее носителю - «советской» власти! Потому и рухнула с такой легкостью диктатура коммунистов, как только разрешено стало проводить более или менее свободные выборы в представительные органы всех уровней. А в прежние времена уже перестали даже смеяться над анекдотом, в котором Бог подводит к Адаму Еву и предлагает ему выбрать себе жену...

Керим последовал вслед за вышедшим на кухню Камиллом

- Рукопись дашь почитать? Кстати, Шамилю можно о ней рассказать?

- Я все ждал, когда ты вспомнишь о рукописи, - засмеялся Камилл. – Конечно, можно и Шамилю рассказать.

Поначалу загадочный текст прочел вслух Камилл. Потом вдумчиво читал его для себя Керим, затем и Шамиль просмотрел. Последовали краткие комментарии насчет Сырат кёпюр, для дальнейшего развития этого разговора не хватало информации. Перешли на другие темы, связанные с Крымом. Камилл вспомнил о Святом Текбуре, услышанном им на горном склоне под Ай-Петри и рассказал об этом своим удивленным слушателям. Шамиль, который до того скромно слушал красочные рассказы своих друзей, удивил их, выдав такой монолог:

- Разрушены наши мечети, разбиты надгробные камни. Но над Крымом высятся наши древние природные святы места – Ай-Петри, Аю-Даг, Кара-Даг, Акъ-Къая и другие. Мне рассказали, что на скалах Акъ-Къая над Карасубазаром тайными письменами, невидимыми глазу случайного человека, закреплены те имена, которые с древних времен каменотесы высекали на могильных камнях всех наших кладбищ на Полуострове.

Изгнавшие нас злые люди разрушали их, но сразу же надписи с могильных камней появлялись на скальной стене. На все воля Аллаха!

- Эльхамдулилла! Благодарение Аллаху! Этим пришельцам с севера, непохожим на другие племена, не удалось, уничтожив кладбища, уничтожить и имена наших предков! – воскликнули одновременно Камилл и Керим.

Керим дополнил Шамяля таким рассуждением:

- У каждого человека, идущего в Путь, должна быть надежно защищена спина, то есть он должен иметь Дом, в который он может вернуться, когда наступит Праздник или когда уже нет сил. Каждый из нас числит себя среди отправившихся в Путь. И Путь у большинства из нас один – к сохранению не только своего рода, но и всего племени. Мы уходим в поисках Пути в учебу, уходим в горы, уходим в борьбу. И когда думаем о Доме, о своем тыле, то думаем о Крыме, о Земле Отцов. Как бы ни было обихожено жилище, которое мы создали в Узбекистане или где-то там еще, тыл наш всегда один – Крым. В Крыму за нами могилы предков, их имена и тысячелетия.

Так они беседовали до той поры, когда пришло время укладываться спать.

Чем ближе был день открытия съезда Компартии, тем больше накалялась обстановка в Москве и главной головной болью властей стали крымские татары. После того, как летом шестидесят девятого года большая группа крымских татар устроила демонстрацию в самом центре Москвы, - небывалое событие! - членам Политбюро в страшных снах снились толпы этих непокорных спецпереселенцев с лозунгами на площадях столицы.

Было ясно, что власть бросит все силы, чтобы не допустить на улицы города ни одного протестующего татарина. И тогда временное руководство штаба прибывших в столицу крымских татар приняло решение, чтобы основная масса отъезжала, ибо все письма были переданы, встречи с московскими правозащитниками состоялись.

В ночь того дня, когда Камилл проводил своих друзей, он долго не мог уснуть. Он думал о своем друге Фуате, думал о десятках других крымских татар, упрятанных в тюрьмы только из-за того, что добивались права жить на родине, думал о сотнях тысяч своих единоплеменников, заброшенных в далекую Азию.

О, эти думы, бесконечные и непрестанные думы оскорбленного, лишенного родины крымского татарина!

А окружающий мир? Так называемые «свободные страны»? Поговорят о крымских аборигенах по разным радиоканалам бесстрастным голосом и все. А с другой стороны – что может предпринять запуганная советскими танковыми дивизиями Европа? Не начинать же Атлантическому союзу войну с СССР из-за нарушения прав человека! Вон и Чехословакию защитить не смогли... Нет исхода для придавленных каблуком коммунистического режима стран!

И вот в одну из осевых ночей года, на 21 марта, когда от заката Солнца до его восхода ровно двенадцать часов, нечто странное произошло с Камиллом. На следующий день, обдумывая события ночи, наш ученый физик обозначил для себя происшедшее сном, очень ярким и запоминающимся в подробностях сном. Но только потому он счел это сном, что ни под какую категорию известных ему естественных явлений это событие не подходило. И хотя Камилл уже имел некоторый опыт приближения к странным явлениям, произошедшее ночью было за пределами этих явлений.

«Сон! Это был удивительный сон!» - так внушал себе наш герой, видя свою задачу не в отгадывании тайны привидевшегося ему, а в подробном запоминании того, чему он был свидетелем.

Весь день он перебирал в памяти все эти подробности ночного видения – голоса людей, запах ветра, надвигающуюся тень от скалы, брызги соленых волн.

Я прямо сейчас изложил бы здесь все эти подробности, но дело в том, что в следующую ночь Камилл вновь оказался погруженным в состояние такого странного «сна», но уже наполненного другим содержанием.

Подобное повторялось четыре ночи подряд. И если события, привидевшиеся Камиллу в первой ночи, относились к временам, отдаленным от современности на несколько тысячелетий, то во все последующие ночи он становился свидетелем сцен, все более приближающихся к нашему времени.

Теперь я отдельным текстом изложу привидевшиеся Камиллу сюжеты под общим заголовком.

Глава 22.

НОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ

1. Таврские времена

Когда в предвечерний час впереди голубой громадой возвысился мыс Полуострова, Большой Фока велел спустить все паруса на корабле. Вслед за «Белой волной» паруса спустили и на остальных одиннадцати судах, гребцы засушили весла, и вся эскадра легла в дрейф.

- Дождемся ночи, - сказал Большой Фока, - и на веслах подплывем к пологому берегу слева от Голубого мыса. Я там бывал.

Темнота накрыла море и невидимый, но ощущаемый берег, откуда порой набегали потоки теплого воздуха. Был месяц май.

Большой Фока решил выждать до поры, когда Веспер уйдет за горизонт, и тогда уж начать осторожное продвижение к негостеприимному берегу. Но когда наступил, казалось, подходящий момент для скрытого приближения, по округе Голубого мыса вдруг вспыхнули костры – это тавры давали знать, что коварный противник ими обнаружен и они готовы к ночной битве. Если, конечно, нападающие настолько незнакомы с тактикой ночной баталии на побережье, что все же рискнут пойти на штурм.

Фока отменил попытку высадки. Было ясно, что совершенно не ориентирующиеся на незнакомом берегу, эллины будут уничтожены таврским воинством. Но предводитель греческих пиратов не собирался свертывать экспедицию из-за неудачи ночного штурма. При свете солнца смелые и хорошо вооруженные греки имели хорошие шансы захватить негостеприимное побережье и укрепиться на нем.

Таврский берег был, действительно, негостеприимен. А с чего ему быть гостеприимным, если с моря к Полуострову то и дело приходили жаждущие завладеть удобными лагунами морские разбойники, нанятые для своего промысла богатыми негоциантами. Таврские общины вели торговлю по морю и по суше, через окруженный мелкими заливами перешеек. Но таврские суда на море встречали противодействие со стороны «гостей» с Эгейского моря. Торговля по суше была обильная, торговцы шли и с запада, и с востока. На прилегающих к горному массиву Полуострова степях возникали большие и богатые торжища, которые в наше время называют ярмарками. Посещали эти ярмарки в большом количестве и греческие торговцы, которые с давних времен отличались коммерческой хваткой и беззастенчивой хитростью. Однако аппетит их был ненасытен, они жаждали вывозить поступающие из дальних стран экзотические товары морем, вести бесконкурентную торговлю с населением восточных и южных берегов Понта. Проблема имела мирное решение – договориться с таврскими общинами и платить аборигенам Полуострова определенную мзду в качестве арендной платы за

расположенные в удобных местах побережья фактории. Но амбиции нашептывали этим шовинистам древности, что не достигшие в искусстве и архитектуре эллинских высот аборигены достойны только быть укрощенными силой. Пройдет еще немало столетий, когда греки поймут, что агрессией против тавров, достигших в оборонительных стратегиях больших успехов, им не добиться желанной цели, и тогда по мирным соглашениям в некоторых местах Полуострова возникнут греческие колонии – к удовольствию всех сторон.

А пока торговцы с Эллады шли караванами по суше. С одним из таких караванов побывал в Таврике и с известными целями пробрался к Голубому мысу Большой Фока, тогда носивший имя просто Фоки. Сейчас этот Фока обдумывал план предстоящего утрешнего штурма таврского берега.

Воины, в то же время выполнявшие и обязанности гребцов, еще спали, когда их предводитель вышел на палубу. Его приветствовал одинокий караульный, несущий дежурство с ночи. Большой Фока знал, что на других кораблях также несут дозор такие же бдительные стражи.

- Поднимать остальных, капитан? – спросил караульный, поднося вождю небольшой кувшин с чистой водой.

- Нет, пусть поспят, - был ответ, - мне еще нужно обдумать обстановку при свете восходящего Светила.

Расстояние до берега было достаточно велико, высокий и округлый, далеко выдающийся в соленые воды мыс полностью оправдывал название, данное ему пришельцами с моря, возвышаясь голубой громадой, на которой нельзя было разглядеть ни серых скал, ни зеленых склонов. Костры были потушены, и, как догадывался грек, аборигены готовили нападающим неприятные сюрпризы.

Небо было чистое, без единого облачка. Несмотря на ранний час, воздух был очень теплым и влажным, что случалось редко в это время года. Вот из-за горизонта показалась верхушка солнечного диска, и сразу же море заиграло красно-золотыми блестками – в сторону берега дул несильный ветер, рождающий на воде мелкую рябь. Фока посмотрел на затененную кораблем поверхность и увидел проносящиеся на небольшой глубине стайки хамсы. Это было признаком того, что из глубин поднялось холодное течение. Изохрененная мысль Фоки интенсивно заработала, выискивая из памяти что-то очень важное в данной ситуации. Ага, холодные воды поднялись к поверхности, стало быть, воздух над водой станет охлаждаться. Если масса холодной воды велика, то над морем должен появиться туман, который двинется к берегу. Следовательно...

- Будить всех, готовиться к бою! – дал команду главный пират, и команду эту продублировали на всех остальных судах.

А над морем, действительно, стал сгущаться белый туман, пронизываемый все еще красными лучами солнца. Но туман становился все плотней, и вскоре уже лучи светила не проникали сквозь ползущее по над самой водой облако. Все корабли оказались внутри него, и сигналы даже на малом расстоянии можно было с трудом передавать только заранее обусловленными огнями зажженных факелов. Эскадра на парусах и на веслах бесшумно приближалась к берегу вместе с двинувшейся к берегу посеревшей туманной завесой. Греки мысленно вознесли хвалу Посейдону, владыке морей, укрывшему их корабли облачной пеленой. Однако то ли Посейдон не был удовлетворен восхвалениями, то ли оперативно сработала Орейло, богиня тавров, по своим каналам установившая связь с владыкой морей и убедившая его в том, что он потворствует недоброму делу, но обстоятельства изменились. Скользящее над водой облако вдруг поднялось, и перед настороженными таврами предстали как на ладони все двенадцать кораблей пиратской армады. И Фока узрел, что по всему низкому берегу стоят опасные для кораблей метательные орудия тавров, а за ними выстроены ряды грозных воинов в непробиваемых греческими стрелами одеждах из кож быков, и числом эти воины в два раза превышают число бесшашных искателей удачи с берегов Эгейского моря. Наверное,

бесшабашнейшим из них был сам их предводитель, но считать он умел, поэтому остановил свою эскадру, не достигнув расстояния полета метательного снаряда, и корабли греков двинулись назад - сперва на веслах, а потом и маневрируя парусами.

...Старый тавр по имени Корр с видимым облегчением снял кожаные рукавицы и присел на камень. Его сын, здоровый сорокалетний воин, бросил взгляд на отца, потом поглядел в сторону удаляющихся вражеских кораблей. Лицо его оставалось напряженным и злым, он жестко произнес:

- Жаль, что сбежали... Я бы хотел всадить Большую Стрелу в размалеванный борт этого разбойника.

Старый Корр подумал, что сам он в нынешнем возрасте сына был помягче, возможность разъединиться с врагом не вступая в сражение его всегда радовала.

- Пусть эти корабли приходят к нам поодиночке с товарами для торговли, - произнес он примирительно, на что суровый сын его возразил с той же жесткостью в голосе:

- Созданную тобой, отец, Большую Стрелу я буду с наслаждением всаживать в борт любого корабля, приближающегося к нашему берегу. Клянусь горами Сала!

Горы, которые мы нынче называем Крымскими, наши давние предки называли Сала.

- Но это может быть торговым кораблем, - миролюбиво заметил старый мастер боевого оружия.

- Торговцы должны оставлять корабль на рейде и подплывать к моему посту на малой лодке! – сын его был непреклонен.

- Дедушка, я того же мнения, что и отец, - воскликнул пятнадцатилетний внук старого изобретателя. – Я за то, чтобы топить любой чужой корабль, а если чужие пловцы спасутся, то их можно простить.

- Великая богиня Орейло велит приносить ей в жертву каждого десятого пленника, а остальных девятых держать в работниках семь лет, - вмешался в разговор жрец Ант, всегда присутствующий в рядах воинов, готовящихся отбить нападение разбойников с моря...

Стоящий тут же, но пребывающий невидимым и неосязаемым Камилл уже знал, что эти трое мужчин возрастом от пятнадцати до шестидесяти лет - семья лучших изобретателей метательных орудий - являются его пращурами. Как он мог понимать то, о чем говорили его дальние предки? Так он и не понимал слов, он, непостижимым, как и его появление здесь, способом улавливал досконально смысл сказанного.

А облако, пришедшее с моря, застряло теперь за спиной Аю-Дага, именуемого в те давние времена Голубым мысом.

2. Тавроскифы.

По всему побережью Полуострова были сосредоточены боевые посты для отражения становящихся все более частыми и мощными попыток захвата самых удобных лагун. И хотя оборона тавров совершенствовалась, становилось ясно, что пришельцы с моря сумеют укрепиться на некоторых участках побережья, расположенных подальше от гор, где в основном обитали с незапамятных времен таврские общины, сравнительно недавно создавшие общую государственную структуру.

Тавры не вели свою письменную историю, потому что у них так и не возникла письменность. Но все передаваемые устно древние сказания и мифы основывались на том, что тавры являются исконными обитателями этих гор и предгорий, что они не пришли на Полуостров откуда-то извне, что у них не было другой родины. В наше время археологические раскопки подтверждают эту точку зрения, увязывая народ, названный таврами, с культурой каменного века, представители которой появились на Полуострове

сорок тысяч лет тому назад. И, наверное, поэтому в более поздние времена не было случаев, когда тавры или их потомки добровольно переселялись с земли, в которую глубоко погрузились их корни – об этом и помыслить было невозможно. Тавры были умелые рудознатцы, добывали металлы и изготавливали замечательные изделия из золота, серебра, бронзы, а позже и из железа. А когда созрели на других, иногда и отдаленных землях, агрессивные племена, то тавры научились строить уникальные фортификационные сооружения для защиты от захватчиков, идущих от нынешней Тамани, а иногда и с Перешейка. Из кипарисового дерева тавры строили небольшие, но надежные суда, на которых совершали торговые экспедиции и которые служили для обороны от захватчиков с моря. Для рыболовства прибрежные тавры строили парусные и весельные лодки.

Основными занятиями тех тавров, которые обитали в стороне от морского побережья, были земледелие и скотоводство, ну и, конечно, горное дело и всяческие ремесла.

Северные просторы Полуострова были обильны стадами диких животных, но тавры теперь редко охотились среди высоких степных трав. Они растили стада на плоских вершинах гор, где травы сочнее и ароматнее, потому и сыр из молока одомашненного скота здесь был ароматнее, и мясо было сочнее и вкуснее. На горных склонах они возделывали сады и виноградники – не знаю, какой уж местный Дионис научил их взращивать эту дивную ягоду. Надо сказать, что в некоторых мифах утверждалось, что Дионис в стародавние времена отправился в Элладу именно с Полуострова. Также и греческая Артемида поначалу обосновалась в горах Полуострова под именем богини Орейло.

Со стороны Перешейка приходили караваны торговцев, везущих товары с Востока и Запада. Небольшие иноязычные группы кочевников тоже проникали в степь, однако они не тревожили аборигенов, хотя дружеских связей с ними не возникало: слишком низка была культура этих нечаянно забредших на Полуостров людей.

Но настали другие времена, и стали во все большем числе появляться в степях родственные между собой племена, культура которых была на весьма высоком уровне, превосходя в некоторых отношениях культуру тавров. Да, как это не было удивительным, но эти кочевники умели из золота и бронзы изготавливать предметы быта, удивлявшие гордых властителей гор. Эти новоприбывшие племена, которых мы будем именовать скифами, были неагрессивны в отношении преимущественно живущих в горах и предгорьях аборигенов – что свидетельствует о чутком понимании ими исторической перспективы. Во всяком случае, военных конфликтов между аборигенами и пришельцами не было. Скифы не могли не испытать влияния культуры тавров, переняли у них знания горного дела и строительства.

Скифские мужчины были мужественны и благородны, скифские женщины были преданны и красивы. Этими же достоинствами обладали и таврские мужчины и женщины. Хозяева и гости телесно и духовно были близки, хотя отличались по обычаям, поклонялись поначалу разным богам. Очень скоро у северных предгорий возникло новое сообщество племен, которых историки более позднего времени называли тавроскифами. Некоторый антагонизм между потомками тавроскифов и коренных тавров достиг даже наших дней, но этот антагонизм никогда не был кровавым, а оставался на уровне конфликта между невесткой и свекровью.

Камилл обзирал Крым с высоты полета горных орлов. Он уже уяснил, что в своей внетелесной ипостаси он может перемещаться с большой скоростью. Но куда перемещаться? Тот, кто обеспечивал ему посещение прошлого, не снабдил его картой и компасом. Однако оказалось, что достаточно сознанию Камилла пожелать очутиться в какой-нибудь местности, как он тотчас там оказывается. Он пролетал над горным Крымом, опускался к зубцам Ай-Петри, пронесся на Аю-Дагом, где наблюдал за церемонией в храме богини Орейло – Артемиды Таврической. Затем проскользнул над

Гераклейским полуостровом и снизился в районе довольно большого города-порта, который в более поздние времена получит название Кёзлю-Эв, а потом будет переименован в Евпаторию. Он был приятно удивлен увидев, что пляжи здесь были подобны тем, на которые его в детстве привозили родители – тот же мелкий золотистый песок, тот же низкий прибой прозрачных чистых волн. Однако купающихся на пляжах не было, если не считать нескольких балующихся на песке мальчишек.

Он повернул назад к горам, пролетел над нынешней Ялтой, обратив внимание, что с той поры, когда он впервые побывал на южном берегу Полуострова во время попытки пирата Фока высадиться у левого побережья Аю-Дага, количество селений здесь возросло. Хотелось спуститься и посмотреть на жизнь тавров вблизи, но цель его появления здесь была иной.

Взмыв вверх и продолжая свой полет на восток, Камилл обратил внимание на большое поселение, расположенное там, где горы будто бы раскрывают свои уста к морю - на месте нынешней Алушты.

Проносясь над теперешней Судакской бухтой, он увидел, что и здесь на побережье тесно от строений. Он свернул немного на север и перед ним раскинулись обширные виноградники. Тут он ощутил, что ему не возбраняется спуститься к селению, что он и сделал. Скользнув над покрытыми красной черепицей крышами, Камилл пристроился на скале, нависшей над плетнем большого двора, наблюдал и слушал.

Была пора сбора винограда. Мужчины, женщины, дети снимали тяжелые кисти с лозы, наполняли высокие плетеные корзины и отвозили их на свои дворы. Работа шла весело, с песнями (Камилл уловил несколько знакомых мелодий), юноши заигрывали с девушками, девушки кокетливо им отвечали – все как всегда. «Только экология здесь иная», подумал Камилл. Он получил бы удовольствие, если бы мог зачерпнуть ладонями воду из небольших крымских рек и напиться, но в его бестелесной форме это было недостижимо.

Виноград тавры давили в выдолбленных в камне углублениях с отверстием для вытекания сока. В потоке незнакомой речи (смысл которой, как известно читателю, он досконально улавливал) ему встречались некоторые знакомые слова. «Тарапан» слышал он - так и в его нынешнем языке называется виноградодавильня.

Позже Камилл не без удовольствия узнал, что река его детства Салгир такое название получила от тавров.

Приближался вечер и наш отважный путешественник – или времяшественник? – возжелал, как было предусмотрено начальным планом, очутиться во дворце в городе Неаполе Скифском.

В одном из малых покоев царя скифов Скилура шло совещание самых приближенных вельмож. В совете участвовали Главный военачальник скифского войска, Главный визирь и Главный дипломат. И присутствовал невидимый Камилл.

- Торговля зерном и вином нынче в наших руках, - говорил царь Скилур. – Теперь, когда наш флот господствует в морях и пираты-сатархеи не смеют приближаться к берегам Полуострова, нам необходимо выработать стратегию по отношению к Херсонесу. Говори ты, - обратился Скилур к Главному военачальнику.

- О, царь царей, - начал военачальник. - Купцы Херсонеса затаились, они ждут подходящего момента, чтобы убедить власть колонии соединить силы с Боспорским царством и отвоевать Ольвию. Я убежден, что мы должны и на море, и на суше, совместно с царем тавров, продолжить захват бухт Полуострова и соседнего побережья. Иначе

- О, великий царь царей, - вступил в обсуждение Главный дипломат, - То, что говорит Главный военачальник, на первый взгляд соблазняет своей простотой. Действительно, нашему флоту и нашим сухопутным силам ни Херсонес, ни Боспор не могут противостоять. Но царь Боспора имеет сношение с царем Понта Митридатом Евпатором. Если все эти греки объединятся, то нам будет трудно устоять против них.

- Каждый скиф стоит двух греков, - напыщенно произнес военачальник.

- А каждый тавр сильнее троих греков, - воскликнул с гордостью Главный визирь, который происходил из семьи таврского вельможи.

- Ну, разумеется! – улыбнулся Скилур, и все по-доброму рассмеялись. Действительно, мускулистые таврские воины отличались силой и мужеством, что признавали и союзные с ними скифы.

- Никто здесь не собирается оспаривать вашу поговорку, что тавры происходят от скал этих гор, - Главный дипломат повернул голову к визирю. Потом он отвесил поклон Скилuru:

- Однако, царь царей, те же законы арифметики говорят нам, что пятикратное превышение воинов на поле битвы не оставляет шансов малому множеству одержать победу над множеством большим. А воины у Митридата опытные и закаленные.

- Так что ты советуешь? – на лице царя не осталось следов от недавней улыбки.

- Я и мои советники предполагают, - отвечал Главный дипломат, - что сегодня нам нельзя идти на обострение отношений с греческими колонистами. Надо малыми уступками и недорогими подарками привлекать на свою сторону основную массу небогатых греческих торговцев, разоблачать захватнические стремления понтийцев.

Царь Скилур выслушал своих высших сановников и погрузился в долгое раздумье, потом сурово произнес, четко выговаривая слова:

- Мое решение будет таким. Продолжать выяснение настроений среди населения греческих колоний, проследить их связи с Митридатом. И вместе с тем безотлагательно готовить поход галер на Тир и послать отряд тавров на Каркиниту. Галер у нас немало, но нужно построить еще. Сына моего Палака я нынче же пошлю к сарматам для заключения соглашения о совместном нападении на гордого царя Понта.

И резко встав, царь царей скрылся в соседней комнате дворца. Вельможи отвесили низкие поклоны вслед уходящему владыке, и неспешно покидали дворец. Главный дипломат не убирал со своего лица выражение сомнения в правильности услышанного решения.

Камилл был всецело на стороне царя Скилура, потребовавшего продолжить нажим на коварных соседей, не довольствующихся предоставленной им возможностью держать колонию на Полуострове, а пытающихся взять под свой контроль всю торговлю соседних племен. Но и правоту Главного дипломата, своего предка, он тоже признавал, ибо знал, что в формировании нации теперешних крымских татар греки сыграли тоже не последнюю роль.

Титул «царь царей» не был метафорой. Действительно, скифы Полуострова назывались царскими скифами, и их царь главенствовал над царями других скифских племен.

3. Ханские времена

Отцвели абрикосовые и персиковые деревья в садах, окружающих дворцы Гиреев. Теплым душистым вечером, набросив на голову белое шелковое покрывало, вышла через калитку в соседний сад молодая гиреевна, дочь младшего сына властвующего Гирея. В счастливой семье, сама еще не вполне это осознавая, жила царевна Лейля. Отец ее еще в молодые годы порвал все пути к политической карьере, отказавшись от дворцовых должностей и занявшись изучением наук. Обучался он астрономии в Генуе и Падуе, в математике совершенствовался в Кордове, углублялся в сокровища восточной поэзии в Багдаде и Тавризе. Посещал он и Истамбул, но совершенствоваться в политических интригах там не стал. И теперь спокойно, вдали от придворных козней обитал с единственной любимой женой и с тремя дочерьми в малом дворце, подаренном ему еще дедом. Две старшие дочери были сосватаны и осенью должны были состояться две

свадьбы. С третьей же свадьбой родители не спешили – их любимице только шел семнадцатый год, и увлечена она была, как думал отец, только астрономией и поэзией.

Так думал отец, а дочь нынче вечером отправилась на свидание с красавцем мирзой, полгода назад прибывшем ко двору из Кафы. Молодой мирза пробыл два года в Польше, набрался там опыта в турнирных боях, закалил тело, но оставался невеждой в общепринятых знаниях и в поэзии. Он был знатного рода, блистал на ристалищах Бахчисарая и Карасу-Базара, терпеливо, пытаясь скрыть скуку, высиживал на соревнованиях поэтов в Хан-Сарае. И половина женского населения высших слоев ханства была в него влюблена.

Подруги обратили внимание Лейли на молодого красавца, она следила из-за ширм за ним, когда он слушал с очевидным безразличием чтение стихов лучшими декламаторами Истамбула и Персии, и с гораздо большим пристрастием принимал участие в обильных дворцовых трапезах. И юная Лейля тоже увлеклась молодым воином, провела несколько бессонных ночей, пролила малую толику слез – так принято! – и написала пять стихотворных посвящений предмету своего увлечения.

На одном из игрищ, устраиваемых в Хан-Сарае для молодежи, Лейля обменялась несколькими фразами с кафским гостем. Потом они виделись на поэтических вечерах, и она продолжала убеждать себя, что влюблена в красивого джигита. В том, что он влюбился в Лейлю, сомнений не было. Они несколько раз уже встречались тайно в ночном саду, на одном из свиданий мужчина даже позволил себе взять девушку за руку, и та не отняла ее. И чем чаще встречались молодые люди, тем сильнее разгоралась страсть у воина и тем более трезво смотрела на него молодая гиреевна.

На одном из свиданий Лейля прочла воину сочиненные ею стихи, выдав их за перевод с персидского. Никакого впечатления на чувства мужественного юношу эти красивые стихи не оказали. Царевна перевела разговор на светила ночного неба, стала рассказывать о планетах. Воин явно заскучал. В другой раз она попробовала разговорить его, начав расспрашивать об Испании и о Франции, где он побывал. Его попытки что-то рассказать показали его полную неспособность к стройной речи.

Но отказаться от своего увлечения молодым красавцем Лейла не могла и сама удивлялась тому, что ей были так желанны их недолгие тайные встречи. О ее невинных свиданиях в ночном саду слуги рассказали родителям, и те уже обсуждали, правда, с большим сомнением, перспективы этого увлечения своей дочери.

На очередном свидании девушка прочла, уже не скрывая авторства, одно из своих стихотворений, написанное, кстати говоря, как результат наблюдений и над поведением за трапезой своего влюбленного слушателя:

Ийшу нуше, немет долу софрая гозь атмагил.
Аят зевкы, ферахлыгы гельмез янгыз бу иле.
Бак сен, ляле кибси сюсюлю, нарын чичек шукранле
Бютюн омюр гыдаланыр факат соган, сув иле.

На столы с едой богатой не бросай насытых взглядов.
Вдохновение и радость дарит нам не только снедь.
Погляди, краса и свежесть ярко алого тюльпана
Рождена и содержиима только луком и водой.

Ни само это замечательное стихотворение, ни факт написания его прекрасной гиреевной не произвели никакого впечатления на душу молодого мирзы. Лейля смотрела, не скрывая иронии, на освещенное луной лицо сидящего на земле у ее ног воина и думала: «Он красив и силен, меня к нему тянет, хотя за его красивым лбом малоразвитый мозг. Что нам, женщинам, нужно?

Напишу стихи об этом...».

Юная царевна такие стихи написала, удовлетворилась самоиронией и больше не виделась с гостем из Кафы. Эти стихи до нас не дошли, они сгорели в библиотеке Бахчисарая, подожженной Минихом.

Камилл, нескромно, пусть и невидимо, присутствовавший на этом последнем свидании красавицы Лейли с воином-неудачником, знал, что эта юная гиреевна приходится ему далекой прабабушкой, и страдал от этого знания – он влюбился в прекрасную поэтессу.

Грусть не покидала его, когда он опять был в современной ему Москве. Он стоял летней ночью в темной комнате у открытого окна, вспоминая прекрасный сон о юной чингизидке.

Сон-то сон, а в подошве оставленных в прихожей ботинок между квадратиками протектора застрял и не вывалился маленький камешек красноватого оттенка – точно такой, какими выстланы были дорожки в том бахчисарайском саду.

4. Конец XVIII века.

У открытых ворот летней усадьбы мирзы Эсадулла-бея в селении Бадана остановилась небольшая группа всадников. Один из них спешил и, не входя во двор, громко выкрикнул по-татарски:

- Эсадулла-мирза! К вам пожаловали российские вельможи! Соблаговолите принять гостей!

Во дворе занимались разными хозяйственными делами слуги мирзы, и один из них, оглянувшись на прибывших, вошел в дом, чтобы уведомить хозяина. Мирза в белом чесучовом халате вышел на порог, и когда человек, держащий своего коня под уздцы, повторил ранее сказанное, хозяин велел слугам принять от прибывших коней. Вошедших во двор четверых гостей мирза встречал легким поклоном, стоя на широкой веранде. Кратким приветствием на татарском хозяин пригласил их в дом и усадил на низкие диваны. Толмач, судакский грек на службе российских властей, сообщил, что гости прибыли из Петербурга и у них важное предложение к мирзе.

Сразу же заговорил по-русски один из пришедших, в богатом, расшитом золотом камзоле, и толмач начал было переводить его речь. Но Эсадулла-бей остановил его жестом. В комнату вошли женщины, закрытые по глаза белыми покрывалами, поставили на низкие круглые столики подносы, на которых дымились маленькие фарфоровые чашечки с крепким кофе, белел в миниатюрных вазочках мелко колотый сахар, на серебряных тарелочках лежало печенье курабие, высились венецианские бокалы с холодной родниковой водой.

- Бююрыныз, - произнес хозяин, указав жестом на угощение. – Угощайтесь.

Русский в золотом камзоле опять начал говорить, и толмач вынужден был переводить его слова.

- Русские вельможи пришли к мирзе просить его поступить на службу к их царице, - успел сказать грек, но хозяин опять остановил его и персонально обратился к нетерпеливому гостю:

- Бююрыныз, бейим! – и сам взял в руки чашку с кофе.

Гость, кажется, понял, что процедуру гостеприимства нарушать нельзя, и потянулся к угощению. Толмач, обменявшись взглядом с хозяином, разъяснил гостям, что глоток холодной воды после глоточка горячего кофе создает особо приятные ощущения. Гости оживились и стали обмениваться мнением по этому поводу. И печенье курабие петербуржцам понравилось.

Наконец можно было приступить к разговору о причине визита высоких гостей. Толмач представил всех троих прибывших, хозяина им представлять не было нужды – знали к кому ехали.

Золотокафтаный опять начал говорить, и грек перевел его речь, из которой следовало, что, присоединив Крым к великой России, превеликая Екатерина обязуется защищать личности своих новых подданных, их имущества, храмы и исламскую веру, и долг каждого крымского мирзы поступить на службу к великой повелительнице Империи.

- Долг? – переспросил Эсадулла-бей, и этот короткий вопрос был достаточно выразительным, чтобы быть понятным и без перевода. Реакция крымского мирзы подвигла русского на еще более выразительную речь, после которой на какое-то время наступило молчание.

- Как имя этого человека? – спросил после паузы Эсадулла-бей по-татарски, при общем представлении гостей не задержавший своего внимания на их именах и титулах.

- Это мирза Голицын, большой человек, преданный слуга великой государыни, - с пафосом отвечал толмач.

Услышав ответ, Эсадулла-мирза улыбнулся краешком губ и бросил взгляд на покрытую ковром стену. На стене среди других висела старинная сабля, изготовленная еще мастерами в славном городе Сарае, столице Золотой Орды. Эту саблю великий Менгли-Гирей подарил в свое время московскому великому князю Ивану. Каким-то образом потом этот раритет перешел к князьям Голицыным. Любовник царевны Софьи князь Василий Голицын с известной одному ему целью взял это дорогое оружие с собой во время авантюрного похода на Крым. Прадед Эсадулла-мирзы обнаружил эту саблю в шатре бежавшего от крымской конницы московского воеводы. Так поспешно бежал князь Василий, что оставил в своем шатре, поставленном им вблизи Ак-Кермена на реке Оскол, не только эту историческую саблю, но и сундук с одеждой.

И вот потомок побежденного когда-то русского воеводы, явившись незванным гостем, поучает Эсадулла-бея, вербуя его в холуи московской царицы. Воистину, мир подобен вращающейся лестнице – кто сегодня на верхней ступеньке, тот завтра окажется на нижней...

- Ксёңжэ, можэмы розмавать бэз тлумача, ежели знаш польски, - обратился мирза к русскому.

- Знаю добже польски! – воскликнул Голицын, и дальше беседа двух достойных мужей продолжалась без посредника.

Между тем подоспели чебуреки, и оказалось, что русские гости впервые пробуют это блюдо, которое им очень понравилось. Подали в керамических чашках холодную язма, приготовленную специально для гостей без чеснока – кто их знает! Потом подошла очередь фруктов и чая с кизилковым вареньем.

За чаем говорил князь Голицын, остальные, кто понимал по-польски, слушали. Хозяин дома был явно недоволен речью петербургского гостя, подавал короткие реплики, но был при этом исключительно вежлив.

- Эсадулла-мирза, прими во внимание, - говорил Голицын, - что даже беи из таких знатных родов, как Ширины и Мансуры, уже несколько лет, как присягнули великой царице и получили от нее российское дворянство.

- Ну, эти роды потому и знатные такие, что умели всегда приспособляться. Однако не все беи из этих родов пошли на службу к вашей царице.

- Те, что поумнее, те пошли.

Мирза Эсадулла рассмеялся:

- А не кажется ли тебе, Голицын-бей, что ты, думая, что вербуешь самых умных, на самом деле вербуешь тех, у которых гибкие спины? Или это свойство считается у русской царицы самым желанным и нравственным?

- Служить нашей матушке великой Екатерине в высшей степени нравственно! – напыщенно воскликнул Голицын.

- Это с твоей точки зрения, почтенный гость, но никто не доказал, что твоя точка зрения единственно верная, - холодно произнес Эсадулла-мирза, вставая с дивана.

Голицыну сильно хотелось наглубить этому татарину, но он взял себя в руки – не в Петербурге, чай. Он только произнес недоброжелательно:

- Гляди, мирза, не пожалеть бы впоследствии, - и попрощался наклоном головы.

- Не пожалею, Голицын-бей. Не в нашем обычае служить незванным гостям, - Эсадулла мирза также ответил легким кивком. – Якуб, проводи русского мирзу до дверей! – крикнул он мальчику-слуге.

Никогда не пожалел Эсадулла-бей о своем отказе принять недостойное предложение посланника из Санкт-Петербурга, не пожалел и тогда, когда начались гонения на его род со стороны новой власти, торжественно обещавшей защищать личности своих новых подданных, их имущества, храмы и исламскую веру. Поначалу надеялся мирза Эсадулла на изменение ситуации, а когда через годы стало ясно, что аннексия эта надолго и противник становится все сильней, то понял – пришла пора сменить коня и саблю воина на книгу и перо просветителя и историка. Прежде всего, он взял для юного своего сына Абдурефи, родившегося в ссылке на берегу Азовского моря, учителя русского языка. «Язык душмана надо знать» - любил говорить мирза Эсадулла. Абдурефи обучался потом в русской гимназии в Симферополе, несколько лет провел в Петербурге и написал первый учебник русского языка для татарских школ, а также составил татарско-русский словарь. Абдурефи-бей слегка изменил слова отца и говорил так: «Язык душмана надо знать хорошо!». Сыновья Абдурефи-бея тоже учились в русских гимназиях. Старший сын Али занимался филологией, стал национальным политическим деятелем, много сделал для разъяснения, кто главный недоброжелатель его народа. Младший сын Усеин окончил Строгановское художественное училище в Москве, совершенствовался в Академии изящных искусств и архитектуры во Флоренции, много лет работал в Петербурге, стал автором работ по истории, искусству и археологии Крыма. И заслуженно все вышедшие из рода Эсадулла-мирзы считались националистами – а как же!

Камилл, незримо присутствовавший при разговоре своего прапрадеда с князем Голицыным, был рад, что мирза Эсадулла не знает, какие трудные десятилетия ожидают его народ, и в то же время печалился, что дедушка Эсадулла не узнает о высоких достижениях своих внуков.

Впрочем, оттуда, где находятся наши предки, все, наверное, прослеживается...

Глава 23.

«Сон! Это был сон! Какие удивительные сны!» - внушал себе Камилл после каждой из четырех ночей. Но было ясно, что произошедшее надо было отнести к другой, более высокой категории явлений. Возможно, это были видения.

Я бы назвал то, что произошло с Камиллом, экстериоризацией, но тогда этого понятия в его лексиконе не было. Это понятие означает, что человек может в своей нематериальной сущности выходить из своего физического тела. Тогда физическое тело покоится как бы во сне, а дух и душа человека входят в тайный мир. Экстериоризация - установление отношений с внешней силой. С тайной силой.

Всевышний и его ангелы редко предстают нам в нашем сознании. Поле, на котором происходит общение человека с запредельным – это так называемое подсознание. Это естественно: мир не шахматная доска и люди не фигурки, выточенные из дерева или слоновой кости. Слишком просто для Всевышнего быть автором созданий, которыми можно управлять указующим перстом или громовым голосом – к этому Высшая Сила

прибегает лишь в исключительных случаях, когда надо несколько поубавить меру человеческого скептицизма. Подсознание же смутно, недоказуемо, многозначно. Однако – «sapienti sat», то есть «понимающий поймет». Сны и предчувствия – это элегантно, это для знатоков. Исключая, конечно, многочисленные случаи ложных толкователей, которые в моде у всё приемлющей толпы..

И события, ломающие нашу привычную жизнь, вытесняясь из сознания будничными заботами, тлеют в подсознании и не дают восторжествовать забвению, которое не от Бога.

Силой изгнанный из мест своих детских игр, я на протяжении многих лет почти еженощно видел во сне странную большую птицу, прикрепившуюся лапами к стене моей комнаты. По сей день я не знаю, как истолковать этот явно не случайный, символический образ. Этот сон перестал мне сниться после того, как я побывал во дворе своего родного дома в Симферополе – с той поры прошло почти пять десятков лет, и множество разных событий пережил я. Но при чем оказалась большая красивая птица с разноцветными перьями?

Взволнованный тем, что приключилось с ним в эти мартовские ночи, [Камилл](#) не мог оставаться в Москве. Он понимал, что надо побывать на местах событий, увиденных им в ночных видениях - может там откроется ему их смысл?

Только в конце мая он сумел отправиться в Крым.

По прибытии в Симферополь он сразу же пошел на стоянку междугороднего троллейбуса. Камилл и прежде достаточно хорошо знал крымский берег от Феодосии до Алупки. Теперь же в его памяти отчетливо выступала топография местности, запомнившаяся ему при его полете над побережьем в странном сне. Приобретя билет до Ялты он, однако, попросил водителя троллейбуса высадить его в Кызыл-Таше, ныне пребывающем под кликухой «Красный Камень». Выйдя на шоссе, он пошел вниз по склону к мысу Аю-Даг, присматриваясь, не застряли ли за спиной Медведя клочки белого тумана – как тогда. Он спустился к нависшим над морем скалам и стоял теперь у правого бока чудовищного зверя, опустившего голову по самый загривок в соленые волны. Именно на этом месте в том далеком прошлом, привидевшемся ему, стоял старый Корр рядом с сооруженной из тяжелых древесных пород метательной машиной – гигантским арбалетом, заряженным стрелой с бронзовым наконечником. Так же, как и тогда, сырой ветер с моря нес особый, присущий только Черному морю запах широкого водного пространства, его таинственных глубин, и этот запах тревожил душу, манил туда, где рождается этот запах и откуда нет возврата в мир солнечного света.

Погружаясь в атмосферу давних тысячелетий, припоминая лица и слова своих давних предков, слова незнакомые, но вдруг становящиеся понятными, простоял Камилл над крутым берегом, вглядываясь в ясную сегодня морскую даль. Затем он направился направо к пологому спуску к морю, где в былое время намеревался высадиться со своими сорвиголовами Большой Фока, и где дерзкого пирата поджидало суровое таврское воинство.

Неподалеку торчали из белых кружевных оборок набегавших волн две скалы, именуемые Адалар. «Наверное, их тоже нынешние жители Крыма переименовали» - подумал Камилл, шагая неторопливо по галечному пляжу, на котором нынче хозяйствовали одни только птицы. Часто-часто взмахивая крыльями, торопливо, будто боясь сверзиться на землю, перелетали с места на место голуби. Плавном парили чайки, временами садясь на каменистый пляж и что-то съедобное находя среди камней.

На склоне показались невзрачные, крытые старой татарской черепицей домики, приземистые, но еще крепкие, ибо были сложены приморскими рыбаками из массивных блоков ракушечника. Однако заборы, окружавшие небольшие дворы, обвалились, видно новые хозяева не удосуживались их укреплять. Взору идущего вдоль пляжа человека был открыт несложный быт какой-то поселившейся в ближайшем к морю жилище семьи, и

Камилл видел, как пацаненок лет восьми возился с кошкой, а мужчина в обвислой зеленой майке ловил петуха. Женщина, повязанная по глаза белой холщовой косынкой, не переставая полоскать белье, что-то кричала, заглушая паническое кудахтанье обреченного петуха.

Камилл обратил внимание, что белье женщина полоскала в круглом плоском тазу с невысоким бортиком. Такой таз называется у татар «леген» и делали его медники крымских городов, выковывая из одного цельного куска меди. Медники звались по-татарски «бакырджи» и проживали в городах в своих отдельных звенящих районах, называемых «бакырджи маалеси», и особенно славились бакырджи из Карасубазара. Теперь династии крымских медников, как и других ремесленных цехов, разрушились, исчезли...

Пройдясь по пляжу, Камилл опять вернулся на высокий берег, где ему довелось быть свидетелем разговора старого Корра с сыном и внуком. Настолько окружающие скалы и вид отсюда на оконечность мыса совпадали с ландшафтом из сна, что Камилл сейчас уже не стал бы называть те видения сном. Он непроизвольно стал осматривать землю под своими ногами, как бы желая найти следы своих предков. Скалистая площадка была покрыта нетолстым слоем почвы, перемешанной с мелким щебнем, и следов бывшего здесь не могли бы отыскать даже специалисты-археологи со своими кирками и лопатами.

Следы от наших предков тавров остались душах, поэтому мы в самых трудных условиях помним о своей единственной родине и, преодолевая сопротивление злобных сил, возвращаемся на землю, в которой наши тысячелетние корни.

Камилл долго сидел на склоне у горы Аю-Даг, высматривая неизвестно что в голубом пространстве. Но лодки с греческими пиратами, как тогда, у берега не появлялись. Только медленно передвигались вдаль какие-то суда, казавшиеся отсюда маленькими конструкциями из серых кубиков.

Ближе к вечеру он вышел на шоссе и на попутке доехал до Симферополя, где и явился к Асану, все еще живущему без прописки в квартире своей законной супруги Светланы, уже родившей славного мальчишку Руслана.

Утром Асан поехал по своим коммерческим делам, перед тем забросив Камилла на возвышающиеся над нынешним Симферополем скалы, в местность, издавна называемую Керменчиком, то есть «маленькой крепостью».

- Здесь останки великого города Неаполя Скифского, - с таким пафосом произнес эти слова Асан, что можно было подумать, что именно он возводил когда-то этот город.

Камилл, коренной симферополец, в годы оккупации исходивший многие места родного города, здесь, тем не менее, никогда не бывал.

Но тут я, по-видимому, не вполне точен – разве не эти именно места посетил он в правление великого царя царей Скилура? Сложно все это...

Сам Камилл после того, как с узнаванием рассматривал ландшафт возле Аю-Дага, уже не сомневался, что он, неведомо как и неведомо в какой ипостаси, действительно посещал эти исторические места в те времена, когда там происходили увиденные им события.

Он посидел на камне, стараясь представить себя вновь в покоях царя Скилура, обсуждающего государственные проблемы со своими приближенными. Но стертый временем с земной поверхности город его предков не мог помочь его воображению увидеть в окружающем разоре бывшее величие...

Еще в Москве Камилл расспросил своего многознающего отца и многопомнящую маму о месте, где находилось имение Бадана. Отец пояснил, а мама, которую в детстве не раз возил, оказывается, в родовое селение ее отец, уточнила пояснения своего мужа, в результате чего Камилл имел на руках вычерченный на бумаге план для поиска имения своих дедов. Но село Бадана давно вошло в пределы города Симферополя и, как с грустью установил Камилл, на месте его располагалась автобаза...

Теперь надо было побывать в Бахчисарае. Утром пораньше Асан на своих «Жигулях» повез московского гостя в столицу ханов. Камилл не рассказал Асану о причине,

заставившей его посещать то одно, то другое место в Крыму - уж очень необычной была эта причина, и не каждый воспринял бы объяснение Камилла должным образом.

Асан уехал, а Камилл поначалу пошел в Хан-Сарай, но его сейчас интересовали не покои ханского дворца, в котором экскурсантам демонстрировали кровать, на которой изволила спать приезжавшая в Крым Екатерина, а сады, окружавшие многочисленные строения.

По всей вероятности, соображал Камилл, красавица-царевна Лейля проживала все же не в самом ханском дворце, а где-то неподалеку. Камилл взобрался на высокую бахчисарайскую улочку, с которой можно было окинуть взглядом окрестности дворца, и понял, что тот сад, в котором царевна встречалась с молодым воином, давно выкорчеван, а территория его застроена какими-то непристойными для древнего Бахчисарая домами. Что тут поделаешь?

Вот уж, действительно, - «все расхищено, предано, продано»...

Дождавшись маленького автобуса, курсирующего между Бахчисараем и Симферополем, Камилл вернулся в дом Светланы и Асана.

Утром следующего дня Камилл уже прибыл в Старый Крым и постучался в ворота шамилевского дома.

Шамиль очень обрадовался неожиданному приезду Камилла. В тот же вечер, оповещенные сыновьями хозяина дома пришли жена Фуата Хафизе, их дочка Алиме с мужем Абхаиром и полугодовалым сынишкой. А Февзи пришел с женой и с двумя уже детьми, и вместе с ним пришел гостящий у него Володя. И, конечно, пришел Керим.

Разговор под развесистым ореховым деревом поначалу шел о Фуате, который отбывал свой срок в лагере на Урале. Хафизе рассказала, что Фуат держится молодцом, даже поправился и посвежел.

- Ну конечно, никаких забот! На полном государственном обеспечении! – сидевшие под навесом во дворе мужчины и женщины невесело посмеялись. Не смеялась только Хафизе.

Посмеялись, потом погоревали, вспомнив Мустафу, объявившего в заключении очередную голодовку.

После наступившего молчания в разговор включился Февзи, который со знанием дела сказал, что, в общем, теперешние условия заключения лучше тех, которые были в пятидесятых годах, да и сроки поменьше.

- Хотя я лично не жалею, что попал в лагерь, - добавил он. - Мы жили в лагере под Ишимбаем своей крымскотатарской колонией, и общение со старшими товарищами сыграло в моем образовании роль гораздо большую, чем исторический факультет Ленинградского университета.

- Да, ты был мальчишкой, у тебя не было семьи, - заметил Шамиль. – В молодости все лишения переносятся легче.

Помолчали, задумавшись над нелегкой судьбой своего народа.

Вышла из дома жена Шамиля и знаками показала, что пора садиться за стол.

- Ну, ватандашлар, мойте руки, - весело провозгласил Шамиль. – Вон жена дает знать, что тава-локум остывает.

После трапезы опять вышли во двор. Кто курил в стороне, кто забавлялся с малышами.

Камилл обратился к ленинградцу Володе с некоторой ехидцей:

- Так ты нашел этот самый Киммерион?

Володя странно посмотрел на москвича и ничего не сказал.

- Так его же выгнали с работы! – воскликнул Февзи, неодобрительно взглянув на Камилла. - Не он теперь ищет, а тот, кто сейчас ищет, найдет здесь славянское городище и берестяные грамоты. Найдет, найдет! В отличие от Владимира Сергеевича...

Да, Володю с работы таки вытурили. У него были весьма могущественные недруги, которым он мешал своей принципиальностью и нежеланием подчинять научные выводы

идеологическим догмам. И эти недруги нашли хороший повод его, как говорится, подставить – или замарать этого чистюлю, повязав общей подлостью, или вытолкать его. На закрытом заседании партийного бюро было прочитано письмо из обкома о вредной деятельности академика А. Д. Сахарова, написавшего и распространившего вредную антипартийную статью "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», и публично выступающего в защиту осужденных советским судом уголовных преступников. Предполагалось начать открытую кампанию по дискредитации академика, а до этого нужно было подготовить общественное мнение среди творческой интеллигенции.

На следующий день Володю пригласили в партком.

- Вчера на партсобрании рассматривался очень важный вопрос об антисоветском поведении некоего гражданина Сахарова, - партторг строго поглядел в глаза Володе, потом продолжил: - Надо сделать на философском семинаре доклад о вредных взглядах этого, с позволения сказать, академика. Мы решили поручить этот доклад вам, Владимир Сергеевич.

Он посмотрел на сидящих за столом членов партбюро:

- Возражения будут? – вопрос был задан для проформы.

Члены бюро, понятное дело, обсудили предложенную кандидатуру докладчика на семинаре заранее, и в ответ на вопрос своего партийного руководителя все присутствующие одобрительно заулыбались.

Конечно, Володя знал из сообщений зарубежных радиоголосов о начавшемся гонении на академика Сахарова. Но он мог бы отказаться от навязываемого ему поручения, сославшись на то, что ничего о таком человеке не знает, и это косвенно означало бы что «настоящий советский человек» товарищ Орлов не слушает «вражеские голоса». Однако Володе такие игры в лояльность претили, также его оскорбило само предложение участвовать в шельмовании достойного человека.

«За кого эти гады меня принимают?» - закипело у него в груди.

Надо было сейчас же достойно отмежеваться от этой компашки, которая возжелала запачкать его соучастием в гнусности.

- У меня есть возражение, - спокойно произнес он, поднявшись с места.

Партторг посмотрел на него с демонстративным изумлением, другие же члены бюро воззрились с неподдельным интересом.

- Я недавно был в Москве...

Володя неспешно оглядел уставившихся на него «партай геноссе» и продолжил:

- Там я оказался возле Останкинской телебашни. Я задрал голову и плюнул на ее шпиль, но мой плевок шлепнулся мне на глаза. Мне это не понравилось...

Володя еще раз оглядел ошарашенное партбюро и сел. В аудитории какое-то время держалась тишина, потом кто-то крикнул, кто-то засмеялся, а кто-то даже хлопнул в ладоши. Партторг не ожидал именно такого результата своего провокационного предложения, полагая, что, в крайнем случае, последует просто отказ руководителя экспедиционной группы от выступления на семинаре. А случилась прямо таки антисоветская демонстрация.

- Это антисоветская демонстрация! - воскликнул он. - Что вы себе позволяете, коммунист Орлов?

- Я ответил вам на ваше предложение отказом и аргументировал свой отказ, - все так же спокойно отвечивал Володя.

- Так..., - партторг переглянулся с одним из заместителей директора (сам директор состоял в партийной организации при райкоме партии). - Ну, что же! Примем сказанное во внимание. Все могут быть свободными.

После этого Володю при переизбрании на должность «прокатали» при помощи хорошо известного механизма. Но из партии не погнали – поостереглись огласки.

Узнав о том, что произошло с ленинградским археологом, Камилл почувствовал неловкость. Но, право, не мог же он предположить... И неприязнь к этому славному парню Володе истаяла в его душе. Кажется, московский безработный понял причину своего прежнего отношения к Володе – то было чувство изгоя, лишенного возможности заниматься своей наукой, к обладающему правом на работу коллеге.

Камилл грустно подумал, что двухлетнее пребывание в бойлерной испортило, видимо, его характер. Он счел необходимым повиниться:

- Извини, Володя. В нашей стране, как встретишь порядочного человека, так поначалу надо, по-видимому, справляться, не безработный ли он.

- Спасибо за высокую оценку, - иронически улыбнулся Володя.

Камилл хорошо представлял его состояние и спросил на правах безработного с большим стажем:

- Есть шансы вернуться в науку?

- Не-а, - с подчеркнутым безразличием ответил Володя.

Камилл знал цену этого безразличия.

- Ну вот, можно загадывать желание! – засмеялся Керим. – Сошлись вместе три безработных профессора!

Февзи отвлекся на своего младшенького, а трое безработных из Москвы, Ленинграда и Крыма завели беседу между собой. Они потешались над тем, что и Володе удалось, как и Камиллу, по благу устроиться оператором бойлерной, и веселью этой троицы позавидовал бы иной из их удачливых коллег-конформистов.

- И в Питере, значит, действует подпольный профсоюз научных работников? – смеялся Камилл.

- А как же! Чем мы хуже москвичей? – веселился Володя.

А Керим с деланной грустью заметил, что в Старом Крыму, к сожалению, нет системы центрального отопления.

- Но твои заработки, надеюсь, не уступают заработкам профессоров-бойлерщиков? – спросил Камилл, в ответ на что профессор-огородник скромно промолчал.

Потом Камилл подошел к Абхаиру и Алиме и взял на руки их сынишку.

- Как назвали джигита? – спросил он.

- Джигита нашего зовут Халил, - с гордостью ответил Абхаир, - Халил Абхаир огълу.

И вдруг засмеялся, и Алиме присоединилась к его смеху.

- Чему вы смеетесь, - тоже заулыбались Камилл и подошедший Февзи.

- А мой сын только вчера обрел законного папашу, - Алиме продолжала смеяться.

И тогда Абхаир разъяснил, что до вчерашнего дня Халилчик считался незаконнорожденным, ибо родила его числящаяся незамужней Алиме.

- А как же иначе, ведь паспорт у меня без прописки, брак с Абхаиром не зарегистрирован, - говорила Алиме, и поспешила добавить: - Зато мулла скрепил наш брак молитвой.

- Я только вчера по суду усыновил моего сына Халила, - завершил свой рассказ Абхаир. - А метрику ему все же выдали до этого, но только после многократных жалоб, и там вместо имени отца был прочерк, представляешь?

И молодой папаша рассказал о лишениях, которые претерпел его сынишка еще до родов:

- В поликлинике в дородовом обследовании нам отказали. «Без прописки в поликлинику не записываем, а не записанных на консультацию не принимаем» - так сказали нам. Приближалось время рожать, мы уже думали, что по старинке пригласим эбанай-акушерку и будем рожать дома.

- Ну да, - рассмеялась Алиме, - «будем рожать»! Можно подумать!

Абхаир посмотрел на жену с некоторым недоумением и потом обиделся:

- Что «можно подумать»? Думаешь, мне было легко?

Короче говоря, было так. По некоторым признакам матери молодоженов были обеспокоены состоянием Алиме. И то сказать – столько нервотрепки перенесла бедная молодая супруга! Решили сделать «ход конем».

Абхаир попросил своего товарища Андрея поехать с ним и с Алиме в Симферополь и представить Алиме как свою родственницу из Ейска, которой приспичило рожать в гостях, да еще и без паспорта. Замечу для ищущих к чему бы придраться критиков моего повествования, что в те времена даже на самолет билеты продавали без предъявления паспорта, люди вообще этот документ с собой не носили.

Старенький, пригнанный по бездорожью Кызылкумов из Ферганы «москвич» Абхаира трясло на тоже не лучших дорогах Крыма, и бедную роженицу едва довезли. Так Алиме попала в роддом под русской фамилией.

Но во время родов Алиме кричала известную короткую фразу на татарском языке: «Вай, аначыгъым!».

Врачи и медсестры и глазом не моргнули и слова не сказали, выполнили свой долг. А немолодая санитарка, присутствовавшая в палате, заворчала:

- Понаехали тут всякие рожать у нас...

Ворчала она с характерным оканьем, ибо в конце сороковых годов прибыла в Крым из Костромы, и здесь ей понравилось.

Да, роддом медицинское учреждение, врач он и есть врач – иногда гуманный и иногда благородный. А вот в городе Старый Крым, где был выдан Алиме паспорт без прописки, в отделе записи актов гражданского состояния, то есть в пресловутом ЗАГСе, советская чиновница отказалась регистрировать новорожденного и выдать ему метрику. Никто этой чиновнице, между прочим, из «верхов» не звонил, никто не запрещал регистрировать родившегося в законном советском роддоме ребеночка. Это Марья Ивановна, член КПСС, по велению своего сердца и на основе полномочий, данных ей советской властью, проявила инициативу.

- Вы здесь на цыпочках живете, - вещала заведующая, скривив губы, - а еще метрику требуйте выдать.

Знала ставшая осторожной молодая мать с младенцем на руках, что нельзя такого говорить, знала, что могут ее оторвать от мужа и ребенка и выслать, а то и дать срок, но вылетело. Велика была обида, и вылетело:

- Я на родине своей, я на полной ноге стою! А вот вы, захватчики, захватили мой дом, мучаете мой народ и смеете мне такое говорить! Ничего, придет день, когда на коленях будете просить прощения!

Абхаир ходил и в милицию, и в райсовет, но там инициатива заведующей ЗАГСом была поддержана и признана правильной.

- Да, метрику я все же получила, но не здесь, а в Симферополе, - рассмеялась Алиме. А теперь новую метрику дали, где уже в графе отец не прочерк, а Абхаир записан.

- Но мы все еще по советским законам не муж и жена, - смеялся и Абхаир.

Камиллу было не до смеха.

Отсутствие Керима огорчило его, так как некому было рассказать о своих ночных видениях, а носить в себе этот весьма обременяющий сознание груз было нелегко.

Облегчение пришло, но с совершенно неожиданной стороны.

Спать Камилл попросился во дворе и долго, пока не заснул, глядел лежа на изумительное многозвездное крымское небо.

И в [конце ночи, когда засветлело на востоке](#) и стала ощущаться прохлада, [явился](#) к нему его маленький двоюродный братишка, умерший знойным летом сорок четвертого года в Узбекистане от голода и от малярии. Но выглядел мальчик не таким изможденным, каким и сам немощный Камилл видел его в последний раз, когда тот бился на камышовой подстилке в приступе лихорадки. Был явившийся ему мальчик круглощеким и радостным, каким Камилл его и не помнил.

- Это не сон, Камилл, - говорил полногубый малыш, - это видение. Да, да! Помнишь, братик, ты рассказывал нам страшные сказки о призраках? Ты тогда их сам придумывал, да? Но призраки вовсе не страшны, ты ошибался. Сейчас же ты не боишься меня, правда? И на всякий случай я пришел к тебе в твоей полудреме – вы, не познавшие тайн незримого, так пугливы! Мне велено сказать тебе, братик, что если ты пройдешь дорогой, пролегающей над ущельем в деревню Тав-Бадрак, что за Бахчисараем, - помнишь, мы там гостили перед началом войны? - то за скалой, на крутой стене которой можно увидеть висящее на нержавеющей крюке большое бронзовое кольцо, откроется для тебя *скрытая* тропа, откроется она только для тебя. Иди по этой тропе и придешь туда, где тебя ожидает знаменательная встреча. Там ты, возможно, найдешь ответ на некоторые свои вопросы. Запомнил?

Не дожидаясь ответа, призрак ободряюще улыбнулся. И Камилл смотрел со светлой радостью в сердце, как удаляется его маленький братишка, на ангела похожий.

Утром в компании друзей Камилл ничем не выдал испытываемое им внутреннее волнение от услышанного ночью. Весь день гости провели вместе, разъехались по домам только к вечеру. Камилл опять заночевал во дворе. В эту ночь призраки к нему не являлись.

После завтрака Камилл обратился к Шамилю с удивившей того просьбой.

- Шамиль, ты знаешь деревню Тав-Бадрак?

- Хорошо знаю, - отвечал Шамиль. – Там мой родственник домик купил, тоже живет без прописки. Если хочешь, съездим к нему.

- Да, мне нужно обязательно побывать в Тав-Бадраке, - спокойно произнес Камилл.

Шамиль не стал спрашивать зачем, мол, тебе понадобилось туда: надо значит надо.

Но после того как выпили кофе в доме у шамилевского родственника Абдувели, Камилл шепотом попросил Шамиля отвезти его теперь на окраину деревни и там оставить одного, тот сначала не понял.

- Зачем тебе это?

Потом его озарила догадка:

- У тебя детские воспоминания, наверное! Ты в детстве здесь бывал?

- Да, бывал, - ответил Камилл и добавил: - Ты меня оставишь, а сам поезжай домой. Я там задержусь. А если что, так переночую у Абдувели. До Старого Крыма доберусь сам.

Шамиль, естественно, не стал отговаривать московского гостя от странных намерений, но был в полном недоумении.

...Шамиль вывез Камилла из деревни, проехал по узкой дороге над ущельем и высадил у тропы, уходящей в гору.

- Так надо, - улыбнулся Камилл своему товарищу. – Ты поезжай назад, я не знаю, когда освобожусь. Жди меня, я думаю, к вечеру или же уж завтра.

Камилл шел по неотчетливой тропе, окруженной начинающей увядать луговой растительностью. Тропа становилась все круче. Слева появились группы одичавших фруктовых деревьев, что указывало на то, что здесь была в прошлые годы татарская деревушка. Помнит ли кто-нибудь из ныне живущих ее название, не погибли ли в том страшном сорок четвертом году все ее обитатели, как и те, кто ходил когда-то к ним в гости из других селений?

Каждый крымский татарин – и старый, и молодой – при этих мыслях, навеянных своими воспоминаниями или рассказами старших, оказывается полностью захваченным чувством неотомщенного горя, чувством причастности к судьбам всех своих соплеменников, единением с крымской землей, с крымской историей. Нет, не восхищение майскими ландшафтами крымского нагорья охватило Камилла! Он будто бы ощущал всех предков своего народа, когда-либо проходивших вот между этими камнями, наблюдавших

неспешный полет горных орлов над невидимой отсюда вершиной, любовавшимися вот этой высокой скалой, красиво выделяющейся на фоне бирюзового неба.

Горные дороги эти никогда не были многолюдными, но протяженным было время, вместившее в себя множество людских поколений. И такое наслоение веков и тысячелетий создало Камиллу, потомку всех племен, когда-либо населявших эти горы, ощущение того, что сейчас он не один на этом склоне, а окружен сотнями мужчин, женщин, детей, счастливых в своем неведении будущей горькой судьбы своей родины.

Луговая тропинка, между тем, оборвалась перед стеной зарослей кизила, фундука и дикой груши. Камилл стоял, осматриваясь, в надежде найти проход в плотном переплетении ветвей. И он увидел этот проход, который по мере приближения к нему становился шире. Да, скрытая тропа, о которой упомянул его братишка, открылась ему, и он пошел по ней. Камилл вспомнил об упомянутом малышом бронзовом кольце и, приглядевшись, действительно различил на покрытой наростами разноцветных лишайников поверхности возвышающейся над округой скалы потемневшее большое металлическое кольцо, неведомо кем и неведомо для чего притороченное здесь. Пройдя с десяток шагов, он обернулся – не закрывается ли за ним проход в этой чаше? Нет, расширившаяся тропа, на которой солнечные лучи, пробивающиеся сквозь невысокую крону горных крымских деревьев, оставляли неподвижные блики, не давала повода для беспокойства.

Какая встреча ожидала его впереди?

Он оказался в местности, где лесные заросли закончились и громоздились скалы, окруженные высокими травами. Теперь он шел наугад, по наитию. Он обошел большой плоский черный камень, поверхность которого была покрыта маленькими и большими спиралеобразными рисунками – наверное, это были следы окаменевших древних подводных кораллов. Не удержавшись, он провел рукой по шершавой поверхности камня. И в этот момент он явственно услышал многоголосое ржанье конского табуна. Холодок от мистического страха пробежал по его спине. Он остановился и взглянул на сияющее в небе солнце. «Вроде бы призрачные кони, о которых рассказывал Керим, балуются по ночам» - подумалось ему. Однако ржание табуна ему не послышалось, оно было въяве. «Как же так?» - Камилл опустил за камнем на корточки и тревожно оглядывался. «Да, сейчас яркий день, но где-то эти голубые мустанги укрываются же в горах?» - эта мысль отнюдь не была успокаивавшей.

Но с другой стороны, рассудил Камилл, он здесь по чьему-то доброму призыву. Поэтому вряд ли эти призрачные кони, даже если он набредет на них, причинят ему вред, не так ли?

Эти рассуждения несколько успокоили его, и он поднялся на ноги и уже хладнокровно огляделся. Дальше его путь к загадочной встрече мог проходить только по некрутой кремнистой осыпи меж двух обточенных ветрами белых скал. «Здесь, несомненно, конец моего пути» - подумал он, и, вспомнив последние абзацы таинственной рукописи, улыбнулся: «Я, пожалуй, тоже не останусь здесь, а вернусь, чтобы еще разок прокатиться по жизни». И он смело пошел по осыпи вверх.

Обойдя скалу, Камилл увидел за ней вход в пещеру и сидящего перед входом на толстом войлочном ковре улыбающегося старца, хрупкого и длиннотелого. Редкая белая борода спускалась на его грудь, одет он был в застегнутую до шеи серую рубаху из плотной ткани, поверх которой надета была шерстяная безрукавка. Это был старик-отшельник, рассказ о котором Камилл слышал от своей бабушки еще в далеком детстве.

- Отур огълум, - произнес старик чистым высоким голосом. – Садись, сынок.

И указал на брошенные на войлок подушки с истертым золототканым рисунком.

Камилл приблизился к старцу и, наклонившись, взял кисть его правой руки для поцелуя. Затем, не произнося ни слова, сел на указанное ему место.

Пахло свежим сеном и какими-то травами. Камилл огляделся. Внутри широкого входа в пещеру видна была кладка из камней – там было жилище старика-отшельника. Под

сенью пещеры у стены стояла поленница из аккуратных маленьких брусков. Рядом с местом, где сидел старец, краснели в большом бронзовом мангале горячие угли. Старик поставил на стоящий над углями треножник джезvu на длинной ручке и обратился к гостю.

- Я Эвлия Хаджи, - произнес он ласково. – Я пригласил тебя, чтобы ты смог задать мне вопросы. А я отвечу на те из них, на которые имею право отвечать.

- Я знаю о вас, почтенный Эвлия Хаджи, - наклонив голову, вымолвил Камилл, потом поправился: - Народ помнит о вас, дорогой Ходжа.

- Надо, чтобы народ наш не забывал о Всевышнем, - мягко отвечал Ходжа, - а я лишь служитель Его.

Он снял джезvu с огня, подсыпал в нее каких-то трав и провел быстро над угольями. Потом достал из деревянного сундучка маленькие чашки из тонкой керамики и разлил в них напиток.

- Этот настой из крымских трав не хуже юнаньского чая, - Эвлия Хаджи протянул чашечку гостю.

Разговор шел, конечно, по-татарски.

Камилл пригубил горячий напиток, признал его превосходным и маленькими глотками допил до конца. После этого он обратился к старому отшельнику:

- Ходжа, у меня много вопросов. События недавних лет обогатили мой опыт, но не прибавили мне мудрости. Странные события, противоречащие пониманию мира в обществе, в котором живет современный человек.

- Расскажи, сын мой, об этих событиях, - отвечал святой отшельник.

Камилл ненадолго задумался, потом произнес:

- Я в начале хотел бы спросить о конях-призраках, появившихся в Крымских горах. Я сам их не видел, но мне о них рассказал мой друг. Сегодня же, на подходе к вашему жилищу, я слышал ржание табуна.

- Да, - отвечал отшельник, - в горах Крыма уже много лет как появились голубые призрачные кони. С некоторых пор до этого в горах жили только одичавшие лошади, которые паслись на склонах днем, а ночью отдыхали. А эти призраки спускаются вниз по ночам, а днем прячутся в ущельях. Да, их становится все больше, и они активны, словно ждут какого-то сигнала для действия, и они опасны для людей.

Эвлия Хаджи сделал паузу. Камилл молча ждал продолжения.

- Не по прямому велению Аллаха появились эти тайные посланники неведомого, - продолжил старик. - Но все, что происходит, происходит не без Его извечного всеведения. В твердь земную уходит прах животных, чьи тела вскормлены были ею. И хотя животным не дана вечная душа, фантомы их могут надолго оставаться в наземном мире. Голубые кони, обитающие нынче в Крымских горах, вышли из земли, как выходят порой из нее голубые огоньки. Этих призраков земля исторгает из себя в муках, и не принимает их назад, отторгает их.

Камилл запоминал каждое слово старца.

- Быстроногие скифские и кыпчакские предки этих коней, - продолжал Эвлия, - прославились в прошлом во всех сопредельных княжествах, и их потомки, оставшись без прежних своих хозяев, не могут успокоиться и после гибели. Тайна эта бездонна... Мне дано только знать, что тогда погаснут, истают эти голубые фантомы, когда на Полуострове закончится власть лживых и злобных людей.

Так говорил Эвлия Хаджи с нескрываемой тревогой.

Тревога святого отшельника передалась и Камиллу, который и без того был в напряженном состоянии.

- Ходжа, а не являются ли эти знамения предвестниками Ахырзамана, Конца Света? – спросил он.

- Нет, сын мой. До Ахырзамана столько лет, сколько люди еще не прожили на этой планете.

- Почему же эти знамения не появлялись в прежние века, в прежние тысячелетия! Ведь тоже немало злодеяний творилось и в Крыму, и в других странах! - воскликнул Камилл.

- Появлялись, но только не в Крыму. В Крыму тогда проживал исконный народ, хоть и трудно, но проживал, - спокойно отвечал Эвлия Хаджи. – А в Ассирии, уничтожавшей народы, и в Древнем Риме, тоже известном своей жестокостью к побежденным, призраки появлялись. О чем свидетельствую.

Эвлия сделал паузу, во время которой Камилл с нескрываемым трепетом воззрился на этого человека. Кто он? С каких пор обитает на грешной нашей земле?

Эвлия вроде бы не заметил беспокойства, отобразившегося на лице его посетителя, он продолжал:

- На пиру тирана Валтасара появился перст, начертавший на стене огненные слова возмездия не только правителю, но и всей его державе - так и случилось. В Древнем Риме ясным днем вдруг ожили каменные изваяния и зашагали по городу. В стародавние времена знамения проявлялись явно, ибо восприятие мира людьми было упрощенным, бесхитростным. Уже в девятнадцатом веке знамения стали символическими, завуалированными. Ныне же знаки судьбы могут замечать лишь редкие наблюдатели, даже если эти знаки лично к ним и не относятся.

Речь старого крымского святого вдруг стала классически строгой, речью университетского профессора. Камилл, в памяти которого промелькнул образ Финна, впитывал значения слов и понимал, что не должен упустить ни единой мысли, явленной в этой тайной пещере сегодня.

- Почему же в наше время эти знамения происходят в Крыму, а не в имперской столице? – произнес Камилл, когда старец сделал паузу.

- А я спрошу тебя: что ты знаешь о том, что происходит в московском Кремле?

Довод был неопровержимый.

Когда старец надолго замолчал, Камилл решился задать другой вопрос.

- Ходжа, мне довелось обращаться с небывалой ртутью красного цвета. Ее поведение и обстоятельства, при которых она открылась мне в земной глубине, заставили меня усомниться во внушенной мне моим образованием картине мира.

Он кратко рассказал старцу то, что мы уже знаем о красной ртути. Не скрыл и свои отвергнутые впоследствии планы использовать красную ртуть как взрывчатку. И завершил свой рассказ вопросом:

- Кто и зачем вдруг показал людям это неестественное вещество? Знаменем чего являются эти явления?

- О происхождении этих знамений мне ничего не известно, - отвечал Эвлия, разливая по чашкам напиток из джезвы, - ибо если я что-то и ведаю, то только малую часть того, что исходит от Аллаха. И я только могу сказать, что не от Всевышнего и те призраки, и красная ртуть. Стихии земли порождают их. И ты правильно поступил, отказавшись от деяния возмездия. Ибо возмездие злодеям не дело человеческих рук.

Не все было для Камилла понятно в этом последнем утверждении, которое смыкалось с уже слышанным от Финна, но он не имел благих аргументов для возражения.

- Язык судьбы сложен. Всевышний не изъясняется с нами языком уличной гадалки.

Но неожиданно для себя он сложным образом сформулировал свой следующий вопрос:

- Не находятся ли, Ходжа, голубые кони и красная ртуть на противоположных концах противостояния добра и зла?

- Возможно, что голубые кони и красная ртуть из противостоящих сил, - был ответ. - Есть мир светлых стихий, и есть мир темных стихий. Но и светлые стихии неразумны, потому и не милостивы. А темные стихии и вовсе враждебны человеку. Только Аллах может повелевать неразумными стихиями.

Пригубив из чашки, Эвлия продолжал:

- Да, в своем естественном состоянии стихии активны и не разборчивы. Бог оставил стихиям их силу и волю.

Однако если Бог повелит, то и огонь не жжет.

Стихии покорствуют Богу и сдерживают свою необузданность. Так воды океана по своему естеству без злобы заглатывают людей. Но по велению Аллаха воды расступились, чтобы пропустить людей, которых вел пророк Муса.

Откуда появились голубые призраки коней?

Если не слышен на перекрестках знакомый говор,
если не раздастся у родников и колодцев девичий смех,
если не растекаются по долинам и не отражаются эхом от окрестных гор древние мелодии,

если исчезает бережное и любовное отношение к садам и лугам,

если вырубаются виноградники,

если недобрые люди пьянствуют и сквернословят в городах и селах,

- то стихии бунтуют, их возмущение воспринимается и камнями, и водами, и растениями, и животными.

От недобрых сердец веет холодом. Холод этот приманивает холодных призраков, и голубые кони проносятся ночами сквозь стены жилищ – и горе, горе.

Эвлия Хаджи продолжал, изрекая то, что считал нужным, и завершил четко прозвучавшими словами:

- Сам Аллах не насылает на людей слепую беду. Всевышний не наказывает поспешно и не вознаграждает торопливо.

Наступило молчание, во время которого Камилл вникал в суть услышанного.

- Эвлия-оджа, - решился Камилл после паузы на очередной вопрос, - многие видят в небе над Крымом некий «черный узел». Что это такое и не представляет ли он опасность для жителей Крыма?

- Нет, этот посланник Темного мира уже не опасен для людей, - отвечал Эвлия. – Къара дюгом бошады, Кунешнинъ алтын нурлары Къырымнынъ адамларыны, топрагъыны ве сувларыны белялардан азат этерлер. Черный узел ослабел, золотые струи Солнца защитят людей, землю и воды Крыма от черной злобы.

В пещере вновь наступило молчание, затем Камилл услышал следующие слова святого:

- Темный мир, - говорил Эвлия, - ищет зазубрины, чтобы зацепиться, не сгнать совсем. На возрождение хоть в малой части Вселенной у него нет никаких надежд, но застрять обманом в душах хотя бы небольшой части людей - это для него большой успех. Хотя бы на недолгое время, ибо торжество Добра предопределено.

И вновь, как когда-то перед Финном, уста Камилла произнесли вопрос, который неразрешим для миллионов людей:

- Почему Творец первоначально допустил существование зла? Почему Создатель не установил безраздельную власть добра изначала?

Ответ был подобен тому, который уже звучал для Камилла на берегах Финского залива:

- Людям Аллах дал свободу воли, чтобы они, выбирая свои пути, могли свободно развиваться.

- Но зачем Ему свободно развивающийся человек? Меньше бы было забот, если бы путь каждого из людей был бы предопределен.

Эвлия строго посмотрел на него и ответил:

- Все в мире предопределено Аллахом! Даровав свободу действий, Аллах знает все о будущем. Он знает то, что будет результатом деяний человека, отсюда и Предопределение, то есть Знание. Он видит начало и завершение всего. Он не ведет человека по жизни, но Он знает, все, что с ним случится, Ему ведом каждый его шаг.

- Человек действует свободно, но Всевышний знает результат? – спросил Камилл.
- Действуй как угодно, но Аллах знает, к чему твои действия приведут?

- Да, и Предопределение залог того, что Всевышний не нарушит свободу действий человека. Такое вмешательство изменило бы То, Что Должно Случиться. Аллах велик и милостив! Он безмерно уважает свое творение!

- И не забывай, что в свободе человеческой воли заключено развитие мира! – продолжал Эвлия Хаджи, торжественно подняв вверх правую руку. – Нити судеб человеческих - это нити, пронизывающие все мироздание. Да, человек создан Всевышним как микрокосмос, в нем сходятся все потаенные нити Вселенной. Этим качеством человек превосходит ангелов, первенцев творения, что и возмутило когда-то Иблиса.

Камилл достаточно хорошо знал Предание, но сейчас он слышал эти истины, изрекаемые с пророческим спокойствием и с убедительностью свидетеля.

Святой старец закончил свою речь, и опять перед входом в пещеру, находящейся между двумя возвышающимися белыми скалами, наступила тишина. Но у Камилла были и другие вопросы, за ответами на которые он пришел сюда.

- Эвлия Хаджи, - начал он, - мне судьба подбросила в странных обстоятельствах странную рукопись...

И он начал было пересказывать содержание писем на пергаменте, но старец с улыбкой перебил его:

- Не утруждай себя, сын мой. Мне ведомо, что сказано в этой рукописи.

Не став выяснять сам по себе интересный вопрос, откуда отшельнику в горах известно об изложенном на пергаменте тексте, Камилл задал главный волнующий его вопрос:

- О чем эта рукопись и почему она судьбой предложена именно мне?

- Это для тебя и про тебя, Камилл, - Эвлия Хаджи был краток.

- Разъясните, Ходжа! – воскликнул взволнованно Камилл.

- Я не могу ничего больше тебе сказать об этом, - твердо ответил святой отшельник, и Камилл сразу понял, что настаивать бесполезно.

Но оставалась, по крайней мере, еще одна животрепещущая тема. И Камилл спросил у старца, что означают его видения о путешествиях в прошлое.

- Это напоминание о связи сегодняшнего существования твоего народа с его прошлым, о котором не все помнят, - на этот раз Эвлия был более подробен.

- В чем смысл этого напоминания, какой урок в нем дается?

- У каждого такие же славные предки, как и у тебя! Каждый крымский татарин должен помнить о том, что не из кучи прошлогодних листьев он появился, что его корни уходят в далекие тысячелетия крымской истории. И должен каждый знать, что предки наблюдают за своими потомками, за их деяниями. Тех, кто пошел служить недоброжелателям своего народа, рано или поздно настигает наказание. Где, скажи мне, Гирей, отдавшие свой народ под власть чужеземцев? Где потомки тех мурз, которые пошли служить захватчикам за унтер-офицерские погоны? Ушли они и их потомки, как вода уходит в песок! А народ жив и размножается! И сегодня народ счастлив в борьбе! Будущее, которое он обретет в этой борьбе, будет еще счастливее!

Такое объяснение было для Камилла приемлемо, но его с недавних пор беспокоило и другое.

- Почему именно мне это выпало – и невиданная красная ртуть, и загадочная рукопись, и ночные видения? – спросил он.

- А почему ты думаешь, что это выпало только тебе? Ты многим рассказал об этом?

- Нет, - отвечал Камилл, - только недавно одному человеку. И то не всё.

- Вот и другие не рассказывают о том каждому. На самом деле таких людей, которые подобно тебе посещают своих далеких предков, не так уж мало.

Камилл обдумывал услышанное, пытаясь запомнить дословно речь святого старца.

- Кто вы есть? – несмело спросил Камилл, памятуя об ответе, который на такой же вопрос он получил от Финна.

- Я раб Божий, - мягко отозвался Эвлия Хаджи, после чего всяческие расспросы уже не имели смысла.

Камилл, душа которого замирала от соприкосновения с тайнами бытия, нашел в себе силы перейти от высших сфер к земным реалиям.

- О, мудрейший, когда возродится мой народ? - задал он вопрос, терзающий всех крымских татар.

Отвечая, Эвлия Хаджи был очень серьезен:

- Полное возрождение народа Крыма произойдет, когда вернутся на Полуостров, те, чьи предки бежали отсюда, оставив родную землю пришельцам. Вернутся кто телом, кто душой.

- Что означает, вернуться душой, Хаджи?

- Это означает, что те, кто далек от Крыма, но чьи корни здесь, не только будут два раза в году вспоминать свое происхождение и со слезами жевать чебуреки, а будут, пребывая на других землях, повседневно думать о Крыме, работать на его благо, помогать тем, у кого уже под ногами отчая земля, и кто не слезы проливает, а соленый пот и горячую кровь.

«Так делают диаспоры других народов по всей планете, и нам бы так» - подумал Камилл.

Эвлия опять разлил в чашки приготовленный им замечательный напиток, и собеседники молча потягивали его из своих чашечек.

Камилла вдруг обеспокоило, как управляется ветхий старик со своим бытом, особенно в зимнее время. Этот свой вопрос он сформулировал в такой форме:

- Могу ли я помочь вам, Ходжа, по хозяйству?

Эвлия улыбнулся:

- Благодарение Аллаху! У меня нет трудностей ни летом, ни зимой! Спасибо тебе, сын мой!

Прошло несколько минут, во время которых ни Эвлия, ни его посетитель не проронили ни слова. Наконец, Камилл поднялся и смиренно обратился к старцу:

- Могу я, почтенный Хаджи, покинуть вас?

- Иди, сынок, да пребудет благодать Аллаха с тобой, - тихо произнес Эвлия и отвернулся.

...Камилл спускался по отполированным тысячелетиями скалам в долину и знал, что если он захочет вернуться назад в пещеру Святого, дорогу к ней он не отыщет – только единожды, да и далеко не каждому, доводится встретиться с Многознающим.

Камилл не спросил у Святого, можно ли о беседе с ним рассказывать людям. Однако, прислушавшись к самому себе, он нашел ответ: добрым людям он может во всех подробностях рассказывать о встрече с Эвлия Хаджи. Но пока еще время для этого не подошло, он должен был тщательно обдумать происшедшее.

Он в тот же день добрался на попутных машинах до шамилевского двора. Там его ждали с некоторым беспокойством, и татар-аш уже был готов, оставалось опустить его в кипяток.

На следующий день приехал к Шамилю Февзи.

- Ты так и не побывал в прошлый раз у меня, - обратился он к Камиллу. - Сегодня я собираю гостей, будем жарить чебуреки.

Земельный участок Февзи находился на обширной террасе горного склона, покрытой плодородным черноземом, намытым и наваянным за столетия с окружающих верхов. Внизу блестело небольшое озеро с очень холодной, по уверениям Февзи, водой. На террасу вела довольно удобная широкая тропа, которую новый хозяин выстроенной здесь времянки уже расширил под колею для своего «Москвича».

К вечеру у Февзи собрались гости.

- Почему не приехала мама? – спросил Камилл, убедившись, что среди приехавших нет Хафизе.

- Маме тяжело. Она очень переживает, что не может никак помочь отцу. К счастью, режим в лагере, где отец, не строгий. Сейчас мама опять поехала к нему на свидание.

Не было и Керима, который накануне уехал «на побывку» к остающейся в Узбекистане семье.

Февзи с удовольствием показывал Камиллу свое «поместье». Уже был выкопан и залит цементом фундамент под солидный дом, посажены на склонах деревья, а на плоских участках двора радовали глаза грядки огорода.

- Все хорошо, - говорил Февзи, - но я из-за этих забот все еще не могу выполнить свой долг пред моими односельчанами. Мурат-эмдже завещал мне найти оставшихся в живых и рассеянных в Узбекистане жителей нашей деревни и восстановить наши обычаи. А я никак не возьмусь за это святое дело. Такой грех!

- Да, но ты на родине растишь сыновей и это великое дело, – воскликнул Камилл. - И я не сомневаюсь, что ты найдешь время и возможности, чтобы выполнить завет твоего эмдже. Главное – ты живешь в Крыму!

В тот вечер гости ели чебуреки и запивали их холодным компотом.

Глава 24.

- Голубые кони покидают горы Крыма, - недоуменно говорил Старый Лесник, который хоть и с трудом, но добирался все же раз в месяц в летние предутренние часы до верхних скал, под которыми пролегал обычный путь голубых мустангов. Верный Сивка давно умер, и старик сам похоронил своего друга в яме, еще в годы войны взрытой на соседнем чаире залетевшим откуда-то артиллерийским снарядом.

Прозрачные монстры, порождения тайных могуществ, покидали Полуостров. Они уходили ночами через Ор-капу, называемый неправильно Перекопом. Куда они устремлялись, выйдя в Половецкую степь, не могли уследить те немногие наблюдатели, которых сумел когда-то привлечь к этому делу Старый Лесник. Другие мустанги переплывали пролив, отделяющий Пантикапею от Тамани, на скалах которой и собирался их немногочисленный табун на исходе ночи. Видели голубых коней и бросающимися в море с мыса Тарханкут, откуда, если бы им довелось преодолеть водную стихию, путь их лежал в Буджакскую сторону. И никто из людей не знал, несут ли эти создания кару или спасение.

Но покидали Крым только те бестелесные призраки, к которым пришло такое повеление, были и скрытно оставшиеся. Об этом не ведал старик, к которому не шел сон в эту ночь, как, впрочем, и во многие прежние. Он вышел из хижины и долго стоял, опираясь на суковатую палку, глядя в звездное небо, будто в ожидании какой-то вести. Ночь была тиха, ни один листок не шевелился на окрестных деревьях, небосвод был чист и покоен. Старый Лесник вздохнул и поковылял в дом, под теплое одеяло.

... И в то же самое время Камилл стоял под июньскими звездами, которые в эту безлунную ночь только и освещали склон, уходящий вниз, к Холодному озеру. Костер погас, женщины и мужчины сидели вокруг еще пышущих жаром красных углей и о чем-то тихо переговаривались. Февзи вместе с молодой женой и ее братом вытаскивали из своей двухкомнатной временки все, какие нашлись, одеяла и ватные телогрейки, чтобы вместе с гостями как-то устроиться подремать до утра под открытым небом. В самой же временке уже давно сопели носиками ребятишки, так храбро заявлявшие о желании танцевать и петь до утра.

Камилл ощущал некое просветление в душе, очищение, подобное тому, которое он испытал когда-то у ограды дома, где прошло его детство, того дома, который посещал его регулярно в мистическом сне с большой птицей в ярких перьях. Все обуревавшие его страсти вдруг показались ему мелкими по сравнению с тем, что обрел его друг Февзи на этом горном склоне. Сейчас он утвердился в давно обдумываемой мысли, что надо сменить доминанту, сменить главенствующее направление своих усилий. Не надо бороться за место в Москве, надо бороться за место на своей родине, за место в Крыму. Эта борьба будет не менее трудной, но она обречена на несомненную победу, ибо это священная борьба. На родной земле он вновь обретет прежнюю силу и уверенность, здесь рядом с ним будут стоять плечом к плечу его братья и сестры - его соплеменники. И если в Москве гвардейцы из тайного эскадрона могут забить его насмерть в подворотне, или их сослуживцы в белых халатах заточат его в психушку, где он окончит свои дни в унижении, то здесь, в Крыму, если суждено ему погибнуть в сражениях за счастье и достоинство своего народа, соратники похоронят его с честью в родной земле...

Камилл тряхнул головой, отгоняя пафосные мысли. «Переходи от философствования к практике и все будет хорошо!» - строго наказал он себе.

Все будет хорошо, если от повседневной суеты перейти к конкретному действию в выбранном направлении. И сам он будет жить на родине в окружении единомышленников, и Февзи сумеет реализовать свое обязательство найти оставшихся в живых односельчан.

И каждый из крымчан обретет то, к чему стремится его душа, и каждый будет счастлив по своему.

Камилл негромко рассмеялся и вышел за калитку.

Невидимая в темноте кремнистая тропа вела к верхушке холма, и он медленно пошел по ней. Колючие плети горной ежевики цеплялись за рукава рубашки, и тогда он отодвигался, но вскоре уже с другой стороны острые колючки царапали его руки. Наконец, по налетевшей струе холодного воздуха он понял, что вышел на вершину. Он глубоко вдохнул, поднял глаза на открывшееся полнозвездное небо, потом оглянулся вокруг.

Отсюда раскрывался широкий вид на смыкающийся с морской гладью горизонт – морское пространство угадывалось по огонькам далеких судов. Камилл вспомнил картину, представшую перед ним в такой же предрассветный час на склоне под Ай-Петри. И дрожь пробежала по его спине от предчувствия нового знамения. Вдруг в зените стал возникать на поле меркнущих звезд большой светлый круг, приобретая бирюзовый цвет – цвет дневного крымского неба. Камилл заметил это излучающее свет бирюзовое сияние, когда блики от него упали на землю.

Круг вытянулся в волнообразно развевающееся бирюзовое знамя. И вот в центре знамени стала проявляться Золотая Печать в виде четко очерченного трезубца, подобного находящимся в равновесии весам.

И вот в центре яркого круга стала проявляться Золотая Печать в виде четко очерченного трезубца, подобного находящимся в равновесии весам.

И многие видели этот прекрасный диск со сверкающим символом посередине, и все дивились ему.

И многие видели это прекрасное знамя со сверкающим символом посередине, и все дивились ему.

Камилл глядел, замерев от восхищения, на золотой знак равновесия, великолепно и гармонично сочетающийся с лазоревым окружением. И лишь только он спохватился, что

надо позвать сюда на вершину друзей, оставшихся внизу в тени деревьев, как вырвавшийся из-за горизонта солнечный луч окрасил все небо в бирюзу.

И небесная Золотая Печать, разделившись на миллионы частей, осыпалась на Крым своими золотыми подобиями, которые легли в почву, в скалы, в воду, как ложится в землю золотое зерно, дающее всходы.

КОНЕЦ